

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра государственного управления

**ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ:
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Материалы международного круглого стола

**Республика Беларусь
Минск, 15 октября 2022 г.**

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2022

ISBN 978-985-881-445-8

© БГУ, 2022

УДК 351:004(06)
ББК 67.401.0с51я431

Редакционная коллегия:
кандидат политических наук, доцент *В. С. Михайловский* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *Л. А. Краснобаева*;
кандидат юридических наук, доцент *А. В. Шидловский*

Рецензенты:
кандидат юридических наук, доцент *Е. В. Семашко*;
кандидат юридических наук, доцент *О. Г. Станкевич*

Проблемы цифровизации государственного управления: Республика Беларусь и зарубежный опыт [Электронный ресурс] : материалы междунар. круглого стола, Респ. Беларусь, Минск, 15 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Л. А. Краснобаева, А. В. Шидловский. – Минск : БГУ, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-445-8.

Представлены материалы международного круглого стола, посвященные различным аспектам цифровизации государственного управления в контексте административного, конституционного, финансового, экологического, информационного и международного права.

Ответственность за соблюдение авторского и иных прав, достоверность информации несут авторы.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. С. Михайловский*

Подписано к использованию 14.12.2022. Объем 1,0 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Акименко К.В.</i> Правовое содержание обязательств вследствие причинения вреда.....	5
<i>Валюшко-Орса Н.В.</i> Электронное здравоохранение: опыт Европейского Союза.....	10
<i>Василевич Г.А.</i> Информационные технологии как средство обеспечения эффективной занятости.....	14
<i>Гончарова Ю.В.</i> Цифровые решения в агропромышленном комплексе Российской Федерации.....	19
<i>Гусева Т.А.</i> Цифровизация закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации: настоящее и будущее.....	25
<i>Караваева Е.М.</i> Принципы деятельности нотариата Республики Беларусь.....	31
<i>Карамышев А.В.</i> Электронная компонента открытого территориального управления..	37
<i>Краснобаева Л.А.</i> Цифровые услуги и цифровая трансформация образовательного процесса.....	41
<i>Кравцова М.Д.</i> Электронное правительство в странах Организации Объединенных Наций в период с 2020 по 2022 годы.....	46
<i>Крумня В.А.</i> Информационная поддержка процесса привлечения прямых иностранных инвестиций в условиях цифровой трансформации.....	51
<i>Малаховский А.Р.</i> Отдельные вопросы совершенствования правового регулирования камеральных налоговых проверок.....	53
<i>Максимова К.Д.</i> Организационно-правовые меры по борьбе с табакокурением.....	63
<i>Михайловский В.С.</i> Компетенция Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь как администратора национальной доменной зоны.....	70
<i>Можяева Л.Е., Савченко Д.Г.</i> Использование специального программного обеспечения в правоохранительной деятельности.....	75
<i>Мороз Н.О.</i> Обеспечение информационной безопасности и право на развитие в контексте современного международного права.....	79
<i>Мороз О.В.</i> Общественные экологи и общественные инспекторы охраны животного и растительного мира как субъекты, способствующие реализации экологической функции государства.....	86
<i>Пилипенко А.А.</i> Временные ограничения при проведении контрольных мероприятий.	91
<i>Пилипенко Ар.А.</i> Прикладные аспекты соотношения налоговой и банковской тайн.....	98
<i>Рожкова А.Ю.</i> Опыт привлечения независимого эксперта при аттестации государственных гражданских служащих.....	105
<i>Рыбаключева О.З.</i> Цифровизация в обеспечении качества образования: опыт и перспективы.....	112
<i>Сидорович В.В., Краснобаева Л.А.</i> К вопросу о содержании понятия «документирование населения».....	118
<i>Скобелев В.П.</i> Предпосылки и пределы использования электронного правосудия при рассмотрении судами Республики Беларусь гражданских и экономических дел.....	124
<i>Слепенкова В.С.</i> Международно-правовое регулирование возмещения ущерба за нарушение правил безопасности полетов и эксплуатации гражданских воздушных судов.....	135
<i>Сметанина Е.Е.</i> Электронный документооборот: частно-правовые и публично-правовые аспекты.....	140
<i>Сухопаров В.П.</i> Межотраслевые аспекты правового регулирования информационных отношений в сети Интернет.....	144

<i>Толочко О.Н.</i> Цифровая трансформация системы отправления правосудия: новые вызовы.....	151
<i>Шевко Н.М.</i> Роль «эффективного государства» в продвижении прав людей с инвалидностью.....	157
<i>Юсупов П.В.</i> Пути применения сетевых способов коммуникации в процессе взаимодействия государства и бизнеса.....	161
<i>Яцко Т.П.</i> Правовое регулирование цифровизации в сфере таможенного регулирования	164

ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

К.В. Акименко

БИП-Университет права и социально-информационных технологий

Обязательство вследствие причинения вреда является одной из разновидностей гражданско-правовых обязательств и выступает как правовой институт по возмещению причиненного вреда. Данный институт содержит в себе нормы гражданского права, предусматривающие основания и порядок возмещения причиненного вреда, а также определяющие круг обязанных субъектов по его возмещению и управомоченных на истребование должного. Рассматриваемый институт подразделяется на две части – общую и особенную. Общая часть содержит нормы, которые применяются для всего института, за исключением случаев, когда в законе имеются специальные нормы, регулирующие отдельные виды институтов. В особенной части содержатся нормы, которые применяются только в случаях, установленных законом.

Ключевые слова: вред, источник повышенной опасности, причинение вреда, ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности, возмещение вреда.

LEGAL CONTENT OF OBLIGATIONS AS A RESULT OF CAUSING HARM

K.V. Akimenko

BIP - University of Law and social-information technologies

The obligation as a result of causing harm is one of the varieties of civil obligations and acts as a legal institution for compensation for the damage caused. As a civil institution, this institution contains the norms of civil law providing for the grounds and procedure for compensation for the damage caused, as well as defining the circle of obligated subjects for its compensation and those authorized to claim due. The institute in question is divided into two parts – general and special. The general part contains rules that apply to the entire institution, except in cases where the law has special rules governing certain types of institutions. The special part contains norms that apply only in cases established by law.

Keywords: harm, a source of increased danger, causing harm, responsibility for causing harm by a source of increased danger, compensation for harm.

Обязательства по возмещению вреда служат одним из средств, охраняющих жизнь и здоровье, а также собственность независимо от ее форм и видов и имущественные права граждан.

Как отмечает Д.А. Колбасин, основанием возникновения рассматриваемого обязательства служит противоправное действие, причиняющее вред личности, имущественный ущерб физическому и юридическому лицу. Ответственность за причинение вреда, которая выражается в обязательстве по его возмещению, именуется внедоговорной ответственностью, а обязательства – внедоговорными, поскольку их возникновение не зависит ни от заключения договора, ни от нарушения условий договора. Эти обязательства возникают из правонарушений, поэтому их называют деликтными (от лат. *delictum* – правонарушение) [1, с. 573].

Стороны анализируемых обязательств именуются причинителем вреда и потерпевшим. При этом причинитель вреда называется делинквентом, что соответствует классификации исследуемых обязательств как деликтных.

В обязательственных правоотношениях, возникающих из причинения вреда, делинквент является должником, или обязанным лицом, а потерпевший – кредитором, или управомоченным лицом.

Делинквентами могут быть признаны деликтоспособные субъекты гражданского права [2, с. 468].

На стороне причинителя вреда могут выступать два и более лица, которые признаются сопричинителями, т.е. лицами, совместно причинившими вред. В данном случае следует вести речь о множественности лиц на стороне причинителя вреда в деликтном обязательстве. Например, несколько лиц сообща совершили угон автотранспортного средства без цели хищения и в процессе его эксплуатации совершили наезд на препятствие, чем причинили вред угнанному автомобилю. Такие лица в силу норм ст. 949 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее - ГК) несут перед потерпевшим солидарную ответственность.

Множественность лиц в деликтном обязательстве допускается не только на стороне делинквента, но и на стороне потерпевшего. Например, несовершеннолетнее лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, в результате неосторожного обращения с огнем совершило поджог расположенных на придомовой территории подсобных помещений, принадлежащих на праве общей долевой собственности двум физическим лицам (сособственникам).

Анализируемые внедоговорные обязательства могут возникнуть и при смешанной множественности, т.е. получить развитие между несколькими лицами, выступающими на стороне причинителя вреда (сопричинителями) и несколькими лицами, выступающими на стороне потерпевшего (например, сособственниками).

Лица, не обладающие деликтоспособностью: недееспособные, адееспособные, малолетние (не достигшие четырнадцатилетнего возраста), нормами гражданского права, по общему правилу, делинквентами не признаются.

В качестве потерпевших могут выступать любые субъекты гражданского права, личности или имуществу которых причинен вред: физические лица независимо от имеющегося у них объема дееспособности, а также коммерческие и некоммерческие организации со статусом юридического лица. В случае причинения вреда личности или имуществу лица, не обладающего достаточным объемом дееспособности для самостоятельного участия в деликтных обязательствах в качестве кредитора, его интересы, как потерпевшего, будут представлять законные представители, к которым относятся родители, усыновители, опекуны, попечители в том числе учреждения, обязанные осуществлять надзор за малолетним или недееспособным (например, детский дом в отношении интересов его воспитанника) [2, с. 469-470].

В зависимости от условий и субъекта причинения вреда делинквент и должник могут совпадать в одном лице, а могут и не совпадать. Нормами главы 58 ГК предусмотрен ряд случаев, когда за вред, причиненный одним лицом, – делинквентом, гражданско-правовую ответственность несет другое лицо – должник.

Так, в случае причинения вреда лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, либо признанным в установленном порядке недееспособным, должником признается законный представитель такого лица (родители, усыновители, опекуны, попечители).

В случае причинения вреда работником организации или физического лица при исполнении им своих служебных обязанностей должником признается работодатель – организация или физическое лицо. Правовой основой возложения на нанимателя ответственности за действия его работника являются нормы главы 10 ГК «представительство и доверенность», в соответствии с которыми представитель, которым и является работник в отношении нанимателя, осуществляя трудовую функцию, приобретает права и обязанности для представляемого, т.е. для нанимателя.

В случае причинения вреда лицом, застраховавшим свою ответственность в пользу потерпевшего, должником в первоочередном порядке признается соответствующая страховая организация и только в том случае, когда страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда, разницу между страховым возмещением и фактическим размером вреда обязан возместить непосредственно деликтоспособный причинитель.

Действия, направленные на переложение имущественной ответственности за причиненный вред на специально созданный в этих целях субъект хозяйствования – страховую организацию за определенное вознаграждение и

тем самым на элиминирование имущественного риска, составляют основу страховой деятельности и один из наиболее распространенных в настоящее время способов сокращения возможных имущественных потерь в процессе участия в гражданском обороте.

В случае причинения вреда в состоянии крайней необходимости по решению суда должником может быть признан не фактический деликвент, а лицо, в интересах которого он действовал.

В случае причинения вреда государственными органами или их должностными лицами, а также органами уголовного преследования или суда должником признается Республика Беларусь или ее административно-территориальные единицы, за счет средств казны которых возмещается причиненный вред [2, с. 471].

Возможность возложения судом обязанности по возмещению вреда, причиненного лицом, не способным понимать значения своих действий и руководить ими вследствие психического расстройства на совместно проживающих с этим лицом его трудоспособных супруга, родителей, совершеннолетних детей, которые знали о психическом расстройстве причинителя вреда, но не ставили вопрос о признании его недееспособным, предусмотрена нормами п. 3 ст. 947 ГК.

Приведенные случаи переложения ответственности с непосредственного причинителя вреда на других лиц, по справедливому утверждению Г.Ф. Шершеневича, не нарушают основного принципа участия в деликтных обязательствах, в силу которого «каждый отвечает только за свои действия» [3, с. 298-299]. По мнению известного русского цивилиста лица, на которых перекладывается ответственность, по сути своей виновны в том, что подотчетные им не деликтоспособные субъекты гражданского права совершили противоправное деяние.

В иных случаях причинения вреда деликвент и должник совпадают в одном лице и, следовательно, причиненный вред подлежит возмещению непосредственно причинившим его лицом.

Содержание обязательства составляет право потерпевшего требовать восстановления прежнего состояния либо возмещения убытков и обязанность лица, ответственного за причинение вреда, совершить упомянутые действия.

Восстановительная функция, т.е. восстановление имущественного положения потерпевшего, которое было до факта причинения вреда, – основное содержание обязательства. Вместе с тем необходимо иметь в виду и то, что она соединена с воспитательным воздействием на правонарушителя.

Предметом этого обязательства является положительное действие, направленное на возмещение вреда, отмечает Д.А. Колбасин [1, с. 573].

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что целями обязательств по возмещению внедоговорного вреда являются:

1) возмещение вреда, причиненного потерпевшему лицу, за счет лица, причинившего вред, т.е. выполнение компенсационной функции;

2) воспитательное воздействие на лицо, причинившее вред, побуждение его в дальнейшем более внимательно и осторожно относиться к жизни, здоровью и имуществу других лиц – граждан и организаций, в том числе и воспитательное воздействие на всех других лиц, побуждение их к поведению, исключающему причинение вреда личности или имуществу других лиц, т.е. выполнение превентивной и воспитательной функций.

Библиографический список

1. Колбасин, Д.А. Гражданское право. Особенная часть: учеб. пособие / Д.А. Колбасин – Минск: Амалфея, 2011. – 832 с.
2. Маньковский, И.А. Курс гражданского права. Особенная часть. В 3 т. Т. 2 / И.А. Маньковский. – Минск: Молодежное, 2010. – 568 с.
3. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Юрист, 1995. – 393 с.

ЭЛЕКТРОННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н.В. Валюшко-Орса

Белорусский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются вопросы развития и совершенствования электронного здравоохранения в Европейском Союзе. Делается вывод о том, что электронное здравоохранение в Европейском Союзе развито на довольно высоком уровне, что позволяет заимствовать его положительный опыт в рамках межгосударственных образований, участницей которых является Республика Беларусь.

Ключевые слова: электронное здравоохранение; Европейский Союз; цифровизация; информационно-коммуникационные технологии; электронный рецепт; электронная карта.

DIGITAL HEALTHCARE: EXPERIENCE OF THE EUROPEAN UNION

N.V. Valiushko-Orsa

Belarusian State University

This article addresses issues of the development and improvement of digital healthcare in the European Union. It is concluded that digital healthcare in the European Union is developed at a fairly high level, which makes it possible to borrow its positive experience within the framework of interstate entities, where the Republic of Belarus has a membership.

Keywords: digital healthcare; European Union; digitalization; information and communication technologies; electronic prescription; electronic card.

Информационно-коммуникационные технологии проникли во все сферы нашей жизни, не является исключением и сфера здравоохранения.

В Европейском Союзе проделана довольно серьезная работа, направленная на развитие электронного здравоохранения, которое представляет собой использование информационно-коммуникационных технологий для развития системы здравоохранения в целом.

Следует отметить, что граждане Европейского Союза имеют право на медицинскую помощь в государствах-членах Европейского Союза, то есть за пределами собственного государства. Надлежащей реализации данного права способствует Директива Европейского парламента и Совета Евро-

пейского Союза 2011/24 от 9 марта 2011 года о правах пациентов в трансграничном медицинском обслуживании [1] (далее – Директива 2011/24). Директива 2011/24 устанавливает правила для облегчения доступа к безопасному и высококачественному трансграничному медицинскому обслуживанию (пар. 1 ст. 1) [1]. В частности, принцип недискриминации в отношении гражданства применяется к пациентам из других государств-членов Европейского Союза (пар. 3 ст. 4) [1].

В рамках реализации отдельных положений Директивы 2011/24 в 2019 году в Европейском Союзе появились первые медицинские электронные рецепты, которые являются действительными за пределами страны, где их выписали [2]. Разработчики системы запланировали, что в последующем государства-члены Европейского Союза смогут обмениваться не только электронными рецептами, но и эпикризами пациентов [2].

В 2019 году в Европейском Союзе произошел обмен первыми медицинскими электронными картами пациентов благодаря международным электронным службам здравоохранения. В сведения о пациентах включается информация о таких аспектах здоровья, как аллергия, принимаемые лекарства, предыдущие болезни, операции и т. д. [3].

Пандемия COVID-19 показала, что жизнь и здоровье человека зависят от оперативного обмена клинической информацией для обеспечения эффективного лечения пациентов. В этой связи в Европейском Союзе вводится в действие Европейское пространство данных здравоохранения, которое представляет собой взаимосвязанную базу данных о здоровье человека, цель которой – «облегчить доступ к медицинской информации пациентов и обеспечить непрерывность лечения, даже если они находятся в другой европейской стране» [4].

Кроме того, в соответствии с параграфом 1 статьи 12 Директивы 2011/24 Европейская комиссия должна оказывать поддержку государствам-членам Европейского Союза в развитии Европейских электронных справочных сетей между медицинскими организациями и экспертными центрами в государствах-членах Европейского Союза, в частности, в отношении редких заболеваний. Европейские электронные справочные сети должны основываться на добровольном участии их членов, которое должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством государств-членов Европейского Союза, на территории которых такие сети организованы [1].

Далее, обратим внимание на то, что на уровне Европейского Союза принята программа EU4Health, которая учреждена Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2021/522 от 24 марта 2021 г. о принятии программы действий Союза в области здравоохранения

(«EU4Health Programme») на период 2021-2027 гг. и об отмене Регламента (ЕС) 282/2014 (далее – Регламент 2021/522) [5].

Одной из целей программы EU4Health является укрепление систем здравоохранения путем повышения их устойчивости и эффективности использования ресурсов, в частности, посредством продвижения цифровой трансформации (ст. 3 Регламента 2021/522) [6].

При управлении и реализации программы EU4Health Европейская комиссия и государства-члены Европейского Союза должны обеспечить соблюдение всех соответствующих правовых положений, касающихся защиты персональных данных, и, при необходимости, внедрение механизмов для обеспечения конфиденциальности и безопасности таких данных (ст. 18) [6].

Следует обратить внимание на то, что в последние два года в ряде стран Европейского Союза ускорился процесс цифровизации систем здравоохранения. Например, в Португалии, которая является лидером в области цифровизации соответствующей системы, практически отказались от бумажных рецептов (на современном этапе около 98% больниц страны предоставляют их в цифровом виде). Что касается медицинских карт, то они хранятся в Интернете. Пациенты могут получить доступ к своей информации через веб-сайт, а также приложение для смартфонов, где они могут пообщаться с врачом в рамках телеконсультаций [4].

Таким образом, электронное здравоохранение в Европейском Союзе способствует улучшению доступа к медицинской помощи, расширению спектра предоставляемых услуг в сфере здравоохранения, тем самым благотворно влияя на повышение работы всей системы здравоохранения в целом. Полагаем, что отдельные из изложенных позиций, касающихся цифровизации здравоохранения, могут быть применены и в рамках межгосударственных образований, участницей которых является Республика Беларусь.

Библиографический список

1. Directive 2011/24/EU of the European Parliament and of the Council of 9 March 2011 on the application of patients' rights in cross-border healthcare [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32011L0024>. – Date of access: 09.10.2022.

2. В ЕС стало возможным получать лекарства по электронным рецептам, выписанным в другой стране [Электронный ресурс] // Европульс. – Режим доступа: <https://zdrav.expert/index.php/>. ZDRAV.EXPERT. – Дата доступа: 09.10.2022.

3. #eHealth – Первые электронные медицинские карты пациентов, которыми обмениваются страны ЕС [Электронный ресурс] // eureporter. – Режим доступа: <https://ru.eureporter.co/health/2019/06/24/ehealth-first-electronic-health-records-of-patients-exchanged-between-eu-countries/?ysclid=196t35h8zb858697205>. – Дата доступа: 09.10.2022.

4. Здравоохранение ЕС вступает в новую эру [Электронный ресурс] // euronews. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/next/2022/05/05/sh-01-health-data-space-master>. – Дата доступа: 09.10.2022.

5. EU4Health programme 2021-2027 – a vision for a healthier European Union [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: https://health.ec.europa.eu/funding/eu4health-programme-2021-2027-vision-healthier-european-union_en. – Date of access: 09.10.2022.

6. Regulation (EU) 2021/522 of the European Parliament and of the Council of 24 March 2021 establishing a Programme for the Union’s action in the field of health (‘EU4Health Programme’) for the period 2021-2027, and repealing Regulation (EU) No 282/2014 (Text with EEA relevance) [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal_content/EN/ALL/?uri=uriserv:OJ.L_.2021.107.01.0001.01. – Date of access: 09.10.2022.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Г.А. Василевич

Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы влияния информационных технологий на развитие кадрового потенциала, участников общественных отношений. Обосновывается необходимость разработки Стратегии развития рынка труда и эффективной занятости населения в Республике Беларусь на 3-5 лет.

Ключевые слова: занятость, информационные технологии, право на труд, трудоустройство, трудоспособность.

INFORMATION TECHNOLOGY AS A MEANS OF ENSURING EFFECTIVE EMPLOYMENT

G.A. Vasilevich

Belarusian State University

The article discusses the impact of information technology on the development of human resources, participants in public relations. The necessity of developing a Strategy for the development of the labor market and effective employment of the population in the Republic of Belarus for 3-5 years is substantiated.

Keywords: employment, information technology, right to work, employment, ability to work.

Социально-экономическое развитие страны зависит, как верно было замечено, от уровня развития производительных сил и сложившегося характера производственных отношений. В современных условиях новые, (информационные) технологии оказывают существенное влияние на развитие кадрового потенциала, участников общественных отношений, изменяют технологическую составляющую производственных процессов, наполняют новым содержанием сферу услуг, образования, медицины, жилищно-коммунального хозяйства, культуры и др.

Информационные технологии способствует реализации права человека на достойный труд [1], для которого характерна продуктивная деятельность, производительный труд, способный обеспечить конкурентоспособность страны; достойный и справедливый доход для работников; безопасность на рабочем месте; социальную защиту; активное участие в принятии управленческих решений; равные стартовые позиции. Благодаря информа-

ционными технологиям труд становится более динамичным, меняется структура занятости.

Цифровизация затрагивает и управленческий труд, то есть сферу государственного управления. Здесь происходит трансформация устоявшихся подходов в области принятия решений. В современный период, для которого характерен технологический прогресс в виде цифровизации, граждане получают новые возможности для реализации своего права на управление делами государством. Формируется новый уклад общественных отношений постиндустриального общества. Цифровая среда в нынешних условиях влияет на развитие конституционного пространства. В научной литературе обращается внимание на «коллаборативное управление» как проявление электронной демократии: благодаря информационным технологиям существенно расширяются возможности граждан в принятии государственных решений. Такое управление позволяет использовать энергию людей в конструктивном русле. По существу, речь может идти о дальнейшем углублении демократии (власти народа), которая в современный период приобретает новое звучание – электронная демократия.

Цифровые технологии существенно изменяют качество работы исполнительной власти, например, это касается рассмотрения электронных обращений, оказания услуг. Разрабатываются и внедряются концепции умного дома, города, умного государства, умного правительства. Автоматизируются многие системы (электронные табло, цифровые истории болезни, управление сервисами с помощью смартфонов и т.п.). ИКТ обеспечивают выработку алгоритма действий для эффективного использования городской инфраструктуры (управление транспортными потоками, определение мест парковки и др.).

ИКТ должны способствовать сокращению управленческого аппарата, но без ухудшения качества работы.

Возникают проблемы с пределами контроля за гражданами. В отдельных странах уже внедряется система социального рейтинга, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны. На производстве ИКТ в разумных и допустимых законом пределах также возможен контроль за трудовой деятельностью работников.

Все это диктует необходимость поиска разумного баланса между регулятивными и охранительными нормами.

В настоящее время обращается много внимания на «степень интеграции бизнеса с цифровыми технологиями (осуществление платежей, использование интернет-маркетинга, способность кампаний по совершенствованию продукции на основе цифровых решений» [2, с.14]. К сожалению, по индексу цифровой экономики Беларусь пока уступает таким странам как Великобритания, Швеция, Финляндия, Дания, Германии [2, с.7].

Компьютеризация приводит не только к сокращению спроса на низкоквалифицированных специалистов, но и представителей таких профессий, которые получают специальное высшее образование, например, бухгалтеры, делопроизводители и др. Внедрение ИКТ (мобильные приложения, осуществление большого числа банковских операций онлайн), таким образом, непосредственно влияет на рынок труда (занятости) в самых различных сферах. Сокращение сотрудников благодаря ИКТ способно не только повысить эффективность труда, но и способствовать экономии средств, занять людей на других, более полезных участках работы.

Как отмечает Р.В. Корнеева «основным результатом инвестиций в информационные технологии является рост производительности труда, который является одним из основных показателей эффективности функционирования компании. Однако информационные технологии в современной информационной экономике нередко влияют на рост производительности труда и экономический рост не напрямую, а опосредовано. Это влияние, зачастую, выражается не столько в количественных, сколько в качественных показателях: изменение структуры управления предприятиями, улучшение качества выпускаемой продукции, повышение производительности в сфере услуг, улучшение качества обслуживания потребителей» [3]. Часто внедрение ИКТ зримо не отражает экономический эффект.

Особое внимание привлекает трудоустройство молодежи, выпускников средних специальных и высших учебных заведений. Они в первую очередь, в силу их готовности работать в условиях информационного общества, должна направляться на те участки работы, где более успешно внедрены ИКТ. Белорусская модель в этой сфере приемлема и в плане использования ее в перспективе. Но, полагаем, что выпускники бюджетных форм обучения могут давать большую отдачу для государства и общества, имея в виду в первую очередь работу по распределению в государственных организациях. Заинтересованные в приеме на работу частные организации могли бы хотя бы частично компенсировать затраты из бюджета на развитие системы образования, например, учреждения образования, выпускником которого является молодой человек. Желательно иметь не только научную, но и практико-ориентированную магистратуру, определить должности, которые преимущественно занимают магистранты.

Одним из потенциально сильных направлений более широкого внедрения информационных технологий, искусственного интеллекта является сельское хозяйство, производство сельскохозяйственной продукции. Особенно это важно в условиях, когда эта продукция востребована для импорта зарубежными странами в связи с существующими угрозами в области обеспечения населения продуктами питания. Республика Беларусь, которая наращивала все эти годы экспорт сельскохозяйственной продукции, мо-

жет, благодаря повышению эффективности труда в данной сфере, получить существенную прибыль. Рост производительности труда в сельском хозяйстве позволит использовать освободившиеся людские ресурсы на не-сельскохозяйственных видах работ в сельских и городских районах. Справедливо отмечается в литературе, что рынки труда в сельской местности не всегда функционируют эффективно. Это объясняется тем, что методы управления и институты рынка труда обычно слабо развиты и не обладают достаточным потенциалом для непосредственного решения вопросов, определяющих предложение рабочей силы и спрос на нее.

Уменьшение доли трудоспособного сельского населения обостряет дефицит кадров, сдерживает экономическое и социальное развитие сельских территорий. Поэтому важно настойчиво вести работы и испытания по внедрению беспилотных автомобилей, в том числе большегрузных. В местностях с интенсивным транспортным людским движением внедрить это наиболее сложно, да и первоочередная ли это задача! Можно сосредоточиться на использовании робототизированной техники в сельской местности: тракторов, комбайнов, работающих в поле и контроль за которыми осуществляет оператор из единого центра. Посевную, сбор урожая и другие работы можно вести круглосуточно и с меньшими затратами на осуществление монотонной работы. Слово за разработчиками искусственного интеллекта. Было бы полезно в этой сфере устанавливать конкретные показатели.

По указанным причинам, в силу важности развития информационно-коммуникационных технологий, в нынешних условиях необходимо обеспечивать стабильность тех сфер, которые наиболее подвержены влиянию санкций. Одной из них является сфера, в которой заняты ИТ-специалисты. В Республике Беларусь и Российской Федерации есть отток этих специалистов за границу. Необходимы оперативные ответы на возникающие вызовы.

Нами поддерживается высказанное в литературе предложение о необходимости разработки Стратегии развития рынка труда и эффективной занятости населения в Республике Беларусь [4, с. 49]. Однако такую Стратегию следует предусматривать не на 15-20 лет, а на ближайшие 3-5 лет, когда можно будет оценить реальный вклад ее разработчиков, реализацию ее положений. Это важно для государства и общества, в том числе для молодых людей, которые получают образование и должны быть уверены в реализации полученных ими знаний. Существенно следует повысить престиж рабочих профессий, специалистов среднего звена, владеющих информационными технологиями.

Библиографический список

1. Василевич, Г.А. О праве на достойный труд / Г.А. Василевич //Трудовое и социальное право. Научно-практический журнал. – 2021. –№ 3 (39). – С. 19-22.
2. Корнеева, Р.В. Информационные технологии как фактор повышения производительности труда / Р. В. Корнеева // J. of Economy and Business. – 2019. – Vol.10-1 (56).
3. Головенчик, Г.Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС // Цифровая трансформация. – 2018. – № 2 (3). – С. 5–18.
4. Правовые гарантии эффективной занятости в Республике Беларусь: современное состояние и актуальные направления развития законодательства / Е. И. Астапов [и др.]; под ред. Е.И. Комоцкой, Т.М., Петоченко. – Минск: Колорград. – 2020. – 500 с

ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.В. Гончарова

*ООО «Калужская Нива»
Российская Федерация*

Цифровые технологии в последнее время все плотнее входят во все сферы жизни, ведь цифровые технологии, наряду с научными знаниями имеют огромный потенциал для развития экономики и социальной сферы жизни. Внедрение высокотехнологичных процессов направлено в первую очередь на снижение рисков и оптимизации всех производственных процессов. Сельское хозяйство входит в число отраслей, в которых применение цифровых технологий, по мнению разработчиков, позволит оптимизировать риски, избежать ошибок, вызванных, так называемым, человеческим фактором. Цена решений, принятых в сельском хозяйстве, достаточно высока. В данной статье автором раскрываются уже имеющиеся продукты цифровизации, используемые в сельском хозяйстве, а также дан краткий обзор проблем перехода на цифровые технологии и пути их решения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, цифровые решения в сфере сельского хозяйства, цифровизация сельского хозяйства, Единая Федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения и землях.

DIGITAL SOLUTIONS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yu.V. Goncharova

*EkoNiva-APK «Kaluzhskaya Niva»
Russian Federation*

Digital technologies have recently become increasingly dense in all spheres of life, because digital technologies, along with scientific knowledge, have a huge potential for the development of the economy and the social sphere of life. The introduction of high-tech processes is aimed primarily at reducing risks and optimizing all production processes. Agriculture is one of the industries in which the use of digital technologies, according to the developers, will optimize risks and avoid errors caused by the so-called human factor. The price of decisions taken in agriculture is quite high. In this article, the author reveals the existing digitalization products used in agriculture, as well as a brief overview of the problems and ways to solve them.

Keywords: agriculture, digital solutions in the field of agriculture, digitalization of agriculture, the Unified Federal Information System on agricultural land and lands.

Цифровые технологии в последнее время все плотнее входят во все сферы жизни, ведь цифровые технологии, наряду с научными знаниями имеют огромный потенциал для развития экономики и социальной сферы жизни. Внедрение высокотехнологичных процессов направлено в первую очередь на снижение рисков и оптимизации всех производственных процессов.

Вхождение в эру цифровизации в России началось с Указа Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1], поставив перед собой задачу по первостепенной реализации цифровых технологий во все сферы экономики. Вопрос о необходимости перехода на цифровые платформы также был поставлен и сформулирован в другом Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года» [2]. Исполнением названных указов Президентом Правительством Российской Федерации стала подготовка национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. С 2018 года в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» включена ведомственная программа, разработанная Министерством сельского хозяйства РФ «Цифровое сельское хозяйство» [4].

Отрасль сельского хозяйства входит в число отраслей, в которых применение цифровых технологий, по мнению разработчиков позволит оптимизировать риски, избежать ошибок, вызванных так называемым человеческим фактором. Цена решений, принятых в сельском хозяйстве достаточно высока. При принятии неверных решений, производитель может лишиться как урожая, так и всего поголовья животных. Для снижения таких ошибок переход в сельском хозяйстве на цифровые решения необходим для увеличения продуктивности сельского хозяйства. Проект Министерства сельского хозяйства Российской Федерации реализуемый с 2019 года планирует уже к 2024 году ввести в эксплуатацию платформу, позволяющую в режиме реального времени отслеживать данные о состоянии земель сельскохозяйственного назначения, численностью поголовья, передвижения поголовья. Программа позволят минимизировать риски и в будущем снизить их возможное возникновение.

В настоящее время имеются цифровые решения, позволяющие повысить производительность труда и сократить финансовые затраты на обеспечение сельхозтоваропроизводителей горюче-смазочными материалами, средствами защиты растений, минеральными удобрениями. Программа уже заявила бюджет в 304 млрд. рублей, причем половина этих средств планируется к поступлению из внебюджетных источников, что само по се-

бе уже является нововведением. От цифровизации сельского хозяйства ожидается масштабное изменение аграрного сектора в снижении затрат на производство, привлечение новых инвесторов, минимизирование процессов, сокращение человеческого фактора в принятии решений, которые можно заменить на автоматические, перевод большинства процессов на безбумажный документооборот, позволяющий отслеживать продвижение продукции, идущей на экспорт в режиме «от поля до порта», продукции внутреннего рынка в режиме «от поля до прилавка». Для бизнеса планируется разработать цифровые платформы, среди которых: «умная ферма», «умное поле», «умное стадо», умная переработка», таким образом внедряя полный автоматизированный цикл производства и переработки сельскохозяйственной продукции, позволяющий вести учет по всем направлениям. Цифровизация сельского хозяйства позволит применять беспилотные летательные аппараты для анализа состояния земли, мониторинга и оценки качества продукции растениеводства, применять датчики для оценки состояния растений, контролировать количество и сроки применения средств защиты растений. Планируется, что внедрение цифры в агропромышленном комплексе приведет к увеличению производительности сельскохозяйственных предприятий в два раза. Распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2021 года №3971-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 годов» [5]. Основной задачей, поставленной в Стратегии, стоит задача по внедрению в агропромышленном комплексе таких технологий как:

- моделирование и прогнозирование;
- цифровые двойники;
- дистанционное зондирование Земли;
- сбор и обработка больших данных;
- использование сенсоров, позволяющих осуществлять передачу данных по спутниковым каналам связи;
- беспилотная сельскохозяйственная техника и робототехника.

Функции Координатора по реализации планов внедрения цифровизации в сектор сельского хозяйства переданы Министерству сельского хозяйства Российской Федерации, в составе его соисполнителей Федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, предприятий агропромышленного комплекса, научных и образовательных организаций, в том числе подведомственных Министерству сельского хозяйства РФ, а также граждан.

Приказом Минсельхоза России от 2 апреля 2018 г. №130 «О вводе в эксплуатацию Единой федеральной информационной системы о землях

сельскохозяйственного назначения и землях, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий»[6] введена в эксплуатацию Единая Федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения и землях, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий (далее – ФГИС ЗСН). ЕФИС ЗСН содержит широкомащтабные сведения о земельных участках сельскохозяйственного назначения, такие как площадь, вид фактического и разрешенного использования, типы почв и видах угодий, качественных характеристиках земель сельскохозяйственного назначения, сведения о наличии мелиоративных систем либо иных защитных сооружений. ЕФИС ЗСН планируется совместить с платформами, используемыми в настоящее время Росреестром и Роскосмосом, что позволит создать интеллектуальное отраслевое планирование использования земли – «эффективный гектар». Эффективный гектар – это использование земельных участков под культуры, наиболее подходящие для каждого конкретного региона, с учетом климатических особенностями и свойствами почв.

В рамках ЕФИС ЗСН планируется также осуществлять предоставление мер государственной поддержки путем регистрации в системе посредством идентификации в Единой информационной системе и Единой биометрической системе.

Еще одним шагом цифровизации агропромышленного комплекса Российской Федерации и реализации Правил осуществления государственного карантинного фитосанитарного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации стала обязанность по использованию Федеральной государственной информационной системы «Аргус-Фито» (далее - ФГИС «Аргус-Фито»).

В ФГИС «Аргус-Фито» полностью автоматизирован весь процесс оформления фитосанитарных и карантинных сертификатов, актов карантинного фитосанитарного контроля, что позволяет автоматизировать процесс по созданию необходимых фитосанитарных документов при осуществлении фитосанитарного контроля, а также позволяет свести к минимуму трудовые и материальные затраты на оформление фитосанитарных документов; ускорить процесс оформления перемещения грузов, создавая единый электронный архив фитосанитарных документов, уменьшив бумажный документооборот. Также программа позволяет автоматизировать обмен данными с федеральными органами исполнительной власти.

Следует отметить, что несмотря на наличие имеющихся цифровых решений по внедрению искусственного интеллекта и цифровых технологий в агропромышленном комплексе эта отрасль остается все-таки в аутсайдерах, по сравнению с другими отраслями экономики. Это объясняется,

в первую очередь, отсутствием необходимых компетенций у специалистов, занятых непосредственно в этой отрасли. Другой причиной является, несомненно, отсутствие коммуникаций, обеспечивающих устойчивую связь и интернет обеспечение, которые в отдаленных районах и сельских поселениях не всегда присутствуют.

Наиболее популярным направлением применения цифровизации в сельском хозяйстве является применение систем точного земледелия (использования различных навигационных систем в растениеводстве, где с помощью программного обеспечения с учетом состояния земельного участка рассчитываются нормы высева семян, задается точное количество применимых на поле средств защиты растений, внесения минеральных удобрений).

По данным, представленным Фондом развития интернет-инициатив в растениеводстве цифровизация применяется всего на 10% посевных площадей. Однако, с включением агропромышленного комплекса в программу «Цифровая экономика» появилось много IT-решений, представленных отечественными разработчиками.

Цифровые решения в сфере сельского хозяйства применяются на данном этапе неоднородно. Стоимость внедрения цифры достаточно высока и не все сельхоз товаропроизводители готовы отвлекать значительные денежные средства на внедрение цифровых технологий, это в первую очередь касается малых форм хозяйствования. Но есть и предприятия, которые имеют очень высокий уровень обеспеченности и внедрению IT-технологий. Тем не менее все понимают, что переход на цифру в сельском хозяйстве это не обязанность, а необходимость, диктуемая современными реалиями. Некоторые компании уже приняли данную реальность и уже могут предложить свои инновационные цифровые платформы, которые полностью автоматизируют севооборот, от планирования структуры посевных площадей до уборки урожая (Агрохолдинг «Степь»), систем, позволяющих собирать и анализировать информацию по каждому земельному участку, используемому в сельскохозяйственном обороте (ООО «ЭкоНива-АПК Холдинг»).

Библиографический список

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации, 7 мая 2018г., № 204 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа : <https://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 30.09.2022.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ, 21 июля 2020г., № 474 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. - Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ . – Дата доступа: 30.09.2022

3. Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации, 28 июля 2017 г., № 1632-р // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> – Дата доступа: 30.09.2022

4. Гордеев, А. В. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание / А. В. Гордеев [и др.] – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019.

5. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 годов : распоряжением Правительства Российской Федерации, 29 дек.2021 г., №3971-р [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа :. – Дата доступа: 30.09.2022

6. О вводе в эксплуатацию Единой федеральной информационной системы о землях сельскохозяйственного назначения и землях, используемых или представленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий: Приказ Минсельхоза России, 2 апр.2018 г., №130 [Электронный ресурс] // СПС Гарант. Режим доступа: <https://base.garant.ru>. – Дата доступа: 30.09.2022

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Т.А. Гусева

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Российская Федерация*

В статье обосновывается вывод, что взятый и реализуемый курс на цифровизацию закупок призван минимизировать возможности для сговора между заказчиками и участниками закупки, участниками закупок между собой; направлен на существенное сокращение временных и финансовых издержек всех участников закупок; призван увеличить число потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), и тем самым решить основную задачу – обеспечение государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд

DIGITALIZATION OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PRESENT AND FUTURE

T.A. Guseva

*Orel State University named after I.S. Turgenev
Russian Federation*

The article substantiates the conclusion that the course taken and implemented for digitalization of procurement is designed to minimize the opportunities for collusion between customers and procurement participants, procurement participants among themselves; is aimed at significantly reducing the time and financial costs of all procurement participants; is designed to increase the number of potential suppliers (contractors, performers), and thereby solve the main task – ensuring state and municipal needs.

Keywords: procurement of goods, works, services to meet state (municipal) needs

Единая информационная система. Разговор о цифровизации государственных (муниципальных) закупках следует начать с характеристики Единой информационной системы (далее – ЕИС). ЕИС в сфере закупок – единое информационное пространство всей сферы государственных закупок в Российской Федерации. В системе размещаются сведения о закупках в соответствии с федеральными законами «О контрактной системе в сфере

закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] и «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2].

ЕИС была создана для облегчения доступа к сведениям о торгах и минимизации коррупции в сфере закупок. ЕИС также предоставляет функциональность для формирования, обработки и хранения сведений о закупках. Информация, представленная в системе, доступна не только участникам закупок, но и всем посетителям портала государственных закупок на бесплатной основе. ЕИС является системообразующим элементом существующей в России системы госзакупок.

С января 2022 года функционал Единой информационной системы [3] обеспечивает проведение новых конкурентных процедур: электронное обжалование, согласование заключения контракта с единственным поставщиком, планирование и общественное обсуждение закупок, работу ГИС "Независимый регистратор", реестров контрактов и независимых гарантий, а также единого реестра участников закупок. Соответствующие процессы в ЕИС не просто реализованы в электронной форме, но и автоматизированы. То есть, в ряде случаев – например, при формировании тех или иных документов система самостоятельно подтягивает и использует информацию о заказчике или поставщике из различных информсистем. Функционал системы не позволит неправильно сформировать документ или указать в нем недостоверную информацию.

Цифровая подпись. Курс на цифровизацию закупочных процедур для государственных (муниципальных) нужд был взят с 2014 года, который предполагал отказ от бумажного носителя, переход на электронный документооборот с использованием электронной цифровой подписи – аналога собственноручной подписи [4].

У электронной цифровой подписи в последнем варианте нет привязки к рабочему месту: раньше электронная подпись ставилась на один конкретный компьютер; теперь появилась возможность подписывать документы с мобильного телефона, то есть нет привязки к географии: авторизация работает из любой страны (в силу особенностей защиты ЭП на флешках часто работали только в российских сетях); уничтожение флешки с подписью не ставит под угрозу текущие сделки.

Планирование закупок. Базовый принцип контрактной системы – планирование. Государственная закупка может осуществляться только в том случае, если она запланирована и отражена в плане-графике. Разместить в ЕИС извещение и закупочную документацию заказчик может только в том случае, если в плане-графике эта позиция проработана и отражена. Исключения составляют закупки в целях ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

План-график формируется в форме электронного документа и утверждается посредством подписания усиленной квалифицированной электронной подписью лица, имеющего право действовать от имени заказчика [5].

Заказчики федерального уровня формируют план-график через систему «Электронный бюджет», заказчики регионального уровня и муниципального уровня – формируют план - график через региональные или муниципальные информационные системы.

Дата утверждения – дата подписания плана-графика электронной подписью заказчика.

Размещение плана-графика в ЕИС осуществляется автоматически после осуществления контроля Федеральным казначейством в случае соответствия контролируемой информации требованиям, а также форматно-логической проверки информации, содержащейся в плане-графике.

Государственные заказчики, действующие от имени Российской Федерации, размещают план-график в течении 10 рабочих дней со дня, следующего за днем доведения до соответствующего заказчика объема прав в денежном выражении на принятие и (или) исполнение обязательств; Федеральные бюджетные учреждения - со дня, следующего за днем утверждения плана финансово- хозяйственной деятельности.

Переход на электронный способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя) начался с 1 января 2019 года. Принятый Федеральный закон от 31 декабря 2017 года № 504-ФЗ перевел все открытые конкурентные процедуры закупок в электронную форму [6].

Электронная форма проведения закупочных процедур имеет целый ряд преимуществ. Во-первых, кардинально повышается уровень конкуренции. Потенциальные поставщики могут подавать заявки из любого конца страны, в любое время суток. Во-вторых, электронная форма подачи и оценки заявок позволяет до минимума сократить вмешательство в соответствующие процедуры членов комиссий. Соответственно кардинально снижаются коррупционные риски и опасность сговора. В-третьих, электронная форма обеспечивает гораздо большую прозрачность всего процесса закупок. А значит, общественные организации, да и вообще, кто в этом заинтересован, будут располагать значительными возможностями для осуществления независимого контроля.

Оптимизационный пакет законов, вступивший в действие с 1 января 2022 года, направлен в том числе на дальнейшее внедрение использования в госзакупках цифровых технологий [7].

Так, с 1 января 2022 года комиссии по осуществлению закупок разрешено участвовать в заседаниях по оценке заявок участников с использованием видео-конференц-связи (при условии соблюдения всех требований к

защите государственной тайны). Напомним, что до 1 января 2022 г. Счетная палата РФ рассматривала заседание с использованием видеоконференции связи как нарушение запрета на проведение заочных голосований.

До 1 октября 2022 года возможно заключение госконтракта не в структурированной форме (структурированная форма – машиночитаемая форма), но подписывается контракт электронной цифровой подписью. С 1 октября 2022 года до 1 апреля 2023 года – право заказчика подписывать контракт в структурированной форме. С 1 апреля 2023 года госконтракт заключается только с использованием ЕИС (структурированная форма контракта).

Электронное активирование. В начале 2021 года в ЕИС частично был реализован функционал, необходимый для перехода на электронный документооборот при выполнении госконтракта - электронное активирование работ. По замыслу Федерального казначейства РФ, электронное активирование позволяет перейти на автоматическое санкционирование платежей по госконтрактам.

С 1 января 2022 года электронное активирование (приемка товаров, работ, услуг) стало обязанностью заказчика. По оценкам Казначейства, перевод закупочных процессов на электронный документооборот приведет к экономии заказчиками более 25 млрд руб. в год. Казначейство рассчитывает, что электронный документооборот искоренит различные манипуляции с информацией в реестре госконтрактов. Например, случаи, когда вносимые сведения в реестр и данные скана акта различаются. А также лишит заказчиков возможности не разместить какую-либо информацию о приемке.

Таким образом, формирование в электронной форме в Единой информационной системе акта приемки, ведение претензионной переписки, расторжение контракта, обжалование действий заказчиков направлено на «прозрачное» исполнение контракта, обеспечивает фиксирование и прослеживание действий сторон, упрощение и повышение качества администрирования.

Таким образом, правовыми последствиями перехода на электронный (цифровой) формат общения является:

- минимизация возможности для сговора между заказчиками и участниками закупки, участниками закупок между собой;
- существенное сокращение временных и финансовых издержек всех участников закупок,
- увеличение числа потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) за счет возможности подачи заявок на участие в закупках в форме электронного документа.

Создав одну из самых открытых систем электронных торгов, в связи с изменившейся международной обстановкой и введением антироссийских санкций против российских компаний, встал вопрос о необходимости полной публичной открытости в том числе для противодействия санкциям.

Для защиты от санкций отечественных предпринимателей и заказчиков уже реализован в полном объеме закрытый контур в Единой информационной системе закупок (ЕИС) в рамках закона № 44-ФЗ (регулирует госзакупки), что позволит проводить все процедуры, электронный документооборот и проверки в автоматизированном режиме без публикации. В то же время по закону № 223-ФЗ (регулирует закупки компаний с госучастием) заказчикам временно разрешили работать вне системы ЕИС. Вернуть их в систему планируется с 1 апреля 2023 года, для чего требуется доработка системы.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. В настоящее время в России создали одну из самых открытых систем электронных торгов. По сравнению с другими странами, в России самая большая доля закупок, проводимых таким образом. Почти 100 % госзакупок России проводится через электронные торги. Государство и крупные торговые площадки вкладывают огромные усилия для создания единой экосистемы, которая будет удобна и прозрачна для всех сторон.

Система призвана повысить информационную открытость государственных закупок в России, позволяя эффективнее контролировать их как со стороны общества, так и со стороны органов власти.

Сфера управления закупками товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд переживает расцвет цифровизации. В связи с этим возрастает потребность и в специалистах соответствующего профиля, которая будет расти с каждым годом.

Тренд на цифровизацию госзакупок в Российской Федерации будет продолжен, но публичная открытость системы снизится, в том числе для противодействия санкциям.

Библиографический список

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон, 5 апр. 2013 г., № 44-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022

2. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Федер. закон, 18 июля 2011 г., № 223-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022

3. О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных по-

ложений актов Правительства Росс. Федерации : постановление Правительства Росс. Федерации, 27 января 2022 г., № 60. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022

4. Об электронной подписи : Федер.закон, 6 апреля 2011г., № 63-ФЗ // Российская газета от 8 апреля 2011 г. № 7.

5. О планах-графиках закупок и о признании утратившими силу отдельных решений Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Росс. Федерации, 30 сент.2019 г., № 1279 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: Федер.закон, 31 дек. 2017 г., № 504-ФЗ [Электронный ресурс] // // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. Закон, 2 июля 2021 г., 360-ФЗ [Электронный ресурс] // // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.М. Караваева

Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины

В статье рассматриваются принципы деятельности нотариата, которые составляют нормативную основу построения нотариата. Изучение системы принципов необходимо для понимания сущности нотариальной деятельности, роли и значения нотариата в обеспечении прав и законных интересов граждан. Анализируются изменения в законодательстве о нотариате, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: принципы; законность; беспристрастность; независимость; обеспечение нотариальной тайны; институт нотариата; нотариус; нотариальные действия; защита прав; полномочия.

PRINCIPLES OF ACTIVITY OF THE NOTARY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

E.M. Karavaeva

Francisk Skorina Gomel State University

The article considers the principles of notarial activity, which constitute the normative basis for the construction of the notariat. The study of the principles system is necessary for understanding the essence of notarial activity, the role and importance of notariat in ensuring the rights and legal interests of citizens. Changes in the legislation on notariate are analyzed, and suggestions for improving the legislation are formulated.

Keywords: principles; legality; impartiality; independence; ensuring notarial secrecy; notary institution; notary; notarial acts; protection of rights; authority.

Принципы представляют собой основные положения и существенные черты нотариальной деятельности, и имеют важное значение для уяснения правовой природы нотариата.

Законодатель не дает четкого определения принципам, поэтому ученые и юристы делают это самостоятельно, исходя из смысла, который принято вкладывать при их определении в соответствии с теорией права: принципы нотариальной деятельности – это основополагающие начала, на которых строится деятельность нотариальных органов [1, с. 6].

Принципы деятельности нотариата основываются на Конституции Республики Беларусь. Именно в ней закреплены такие важные для деятельности нотариата нормы, как: гарантия равной защиты и равные условия для развития всех форм собственности (ст.13); равенство всех перед законом, равная защита прав и законных интересов (ст.22); защита от незаконного вмешательства в его частную жизнь (ст. 28); защита персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании (ст. 28); право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами (ст.44); неприкосновенность собственности, право ее наследования (ст.44); право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод (ст. 62) и т.д. [2].

В Законе Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Закон о нотариате) нормы-принципы составляют часть специального раздела I «Основы деятельности нотариата, задачи и принципы нотариальной деятельности».

Нотариальная деятельность в Республике Беларусь основывается на принципах законности, беспристрастности, независимости, обеспечения нотариальной тайны [3, ст.5].

Подобная система принципов имеет место в законодательстве о нотариате Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Республики Армения и других стран СНГ.

Отметим, что Модельный закон СНГ «О нотариате» содержит более широкий перечень принципов, помимо вышеперечисленных: обязательности нотариальных актов; соблюдения профессиональной этики и др.

Систему принципов нотариальной деятельности Республики Беларусь нельзя ограничить названными в ст. 5 Закона о нотариате принципами.

Эта система представляет собой более развитую и обширную структуру за счет включения в нее тех принципов, которые, не будучи сформулированными в виде отдельных норм, могут быть выведены в результате анализа всей их совокупности и сформулированы в качестве принципов, так как отражают закономерности построения, функционирования и развития такого правового явления как нотариат.

Анализ Закона о нотариате позволяет выделить следующую совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов, представляющих собой систему принципов нотариата в Республике Беларусь: законность; беспристрастность; независимость; обеспечения нотариальной тайны; обоснованность нотариальных действий; содействие в осуществлении прав и защите законных интересов; диспозитивность; государственный язык нотариального производства [4, с. 28].

Принцип законности применительно к нотариальной деятельности в соответствии со ст. 5 Закона о нотариате заключается в том, что нотариусы при осуществлении нотариальной деятельности руководствуются Конституцией Республики Беларусь, Законом «О нотариате и нотариальной деятельности» и другими актами законодательства, а также международными договорами Республики Беларусь. Поскольку в своей деятельности нотариусы руководствуются нормами материального права при соблюдении предписанной законодательством о нотариате определенной формы, принцип законности применительно к нотариальной деятельности имеет материально-правовое и процедурно-процессуальное содержание.

Материально-правовое содержание принципа законности состоит в том, что при совершении нотариальных действий нотариусы применяют нормы материального права, регулирующие определенные правоотношения. Так, при удостоверении договора о разделе общей совместной собственности супругов или выдаче свидетельства о праве на долю имущества, нажитого супругами в период брака, нотариусы руководствуются, в частности, нормами ст.ст. 23-26 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, при удостоверении завещания – ст.ст. 1040-1046 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Процедурно-процессуальная составляющая принципа законности выражается в требовании совершения нотариального действия при соблюдении установленных законодательством о нотариате правил. Так, например, в соответствии со ст. 118 Закона о нотариате нотариус принимает документы, составленные в соответствии с нормами иностранного права, совершает удостоверительные надписи по форме, предусмотренной иностранным правом, если это не противоречит интересам национальной безопасности, общественного порядка, а также положениям законодательных актов Республики Беларусь.

Принцип законности проявляется и в том, что закон обязывает нотариуса отказать в совершении нотариального действия, противоречащего требованиям законодательства [3, ст. 71], либо, когда для совершения нотариального действия представлены документы, не соответствующие требованиям законодательства [3, ст. 66].

Признак законности юридической помощи, оказываемой нотариусами, воплощается в полном и точном соблюдении ими требований законов в процессе профессиональной деятельности и гарантируется возможностью судебной защиты. В процессе оказания правовой помощи нотариусами также соблюдаются требования профессиональной этики, морали и нравственности.

Принцип беспристрастности требует, чтобы нотариальные действия совершались на равных условиях для всех граждан независимо от пола, ра-

сы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, политических и иных убеждений, принадлежности к общественным объединениям, других обстоятельств, а для юридических лиц – независимо от формы собственности, подчиненности, организационно-правовой формы, других обстоятельств.

Закон запрещает нотариусам совершать нотариальные действия, результаты которых представляют для них имущественный или иной личный интерес, а также от своего имени, на имя и от имени своего супруга (супруги), его (ее) и своих родственников (родителей, усыновителей (удочерителей), детей, в том числе усыновленных (удочеренных), родных братьев и сестер, деда, бабушки, внуков), на имя и от имени нотариусов и работников соответствующих нотариальной конторы, нотариального бюро.

В соответствии с принципом независимости при решении вопроса о том, соблюдены ли все необходимые для совершения нотариального действия условия или следует отказать в его совершении, нотариус подчиняется только требованиям законодательства Республики Беларусь и должен быть огражден от чьего-либо влияния.

Принцип независимости нотариуса определен его особым публично-правовым статусом.

Гарантией независимости нотариуса выступает содержащийся в п. 2 ст. 8 Закона о нотариате запрет оказывать на нотариуса противоправное воздействие при исполнении им своих обязанностей под угрозой привлечения к установленной законодательством ответственности. Отметим, что «Правила профессиональной этики нотариуса» требуют от самих нотариусов не допускать влияния на их профессиональную деятельность должностных и других лиц. О попытках вмешательства в нотариальную деятельность нотариус ставит в известность соответствующие главное управление юстиции областного (Минского городского) исполнительного комитета, областную, Минскую городскую нотариальные палаты [5, п. 4.3].

Особое место и значение в деятельности нотариуса занимает принцип обеспечения нотариальной тайны. Данный принцип возникает ещё до совершения нотариусом нотариального действия, на стадии обращения заинтересованного лица. Уже само по себе посещение лицом нотариальной конторы, нотариального бюро может являться тайной информацией для разглашения её другим лицам.

Отметим, что принцип «тайна нотариального действия», закрепленный в законодательстве ранее изменен на понятие «нотариальная тайна».

В соответствии с Законом о нотариате нотариальная тайна – это сведения по совершенному нотариальному действию, а также иные сведения, полученные при совершении нотариального действия или обращении к но-

тариусу либо иному уполномоченному должностному лицу, заинтересованного лица, в том числе о его личных неимущественных и (или) имущественных правах и обязанностях [3, ч.1 ст.9].

Установлен перечень сведений, которые не составляют нотариальную тайну. Это размещенные на официальном сайте Белорусской нотариальной палаты в глобальной компьютерной сети Интернет сведения:

– о доверенности (фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) гражданина или наименование юридического лица, выдавших доверенность, дата удостоверения доверенности, фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) нотариуса, должностного лица загранучреждения, удостоверивших доверенность, порядковый номер в реестре для регистрации нотариальных действий, дата отмены доверенности (если доверенность отменена));

– об открытии наследственного дела (фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) наследодателя и дата его смерти, фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) нотариуса, ведущего наследственное дело).

На наш взгляд, необходимо расширить вышеуказанный перечень, дополнив его информацией о совершенной нотариусом исполнительной надписи (сведения о дате совершения исполнительной надписи, нотариусе, совершившем исполнительную надпись), используя опыт Республики Казахстан (ст.3 п.10 Закона о нотариате) дополнив ч.2 п.1 ст.9 Закона о нотариате после абзаца третьего абзацем следующего содержания:

«– о совершенной нотариусом исполнительной надписи (сведения о дате совершения исполнительной надписи, нотариусе, совершившем исполнительную надпись)». Это имеет практическую важность в защите прав участников сделок, так как позволяет получить сведения в момент, когда такая информация потребуется.

Так же считаем целесообразным п.3. ст. 9 Закона о нотариате «Обеспечение нотариальной тайны» дополнить п.п. 3.12: *« – нотариусов в связи с совершаемыми нотариальными действиями»* в соответствии со ст. 5 Модельного закона СНГ «О нотариате» и используя опыт стран СНГ (Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, ст.5).

Библиографический список

1. Кирвель, И.Ю. Нотариат в Республике Беларусь: пособие / И.Ю. Кирвель. – Гродно : ГрГУ, 2013. – 199 с.

2. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. (с изм. и доп. от 12 октября 2021 г. № 124–3) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2022. – 2/2844. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19402875> – Дата доступа: 26.11.2022.

3. О нотариате и нотариальной деятельности: Закон Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З: текст по состоянию на 12 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Белова, Т. Система и содержание принципов нотариата в Республике Беларусь // Юстиция Беларуси – 2005. – №3. – С.28-32.

5. Об утверждении правил профессиональной этики нотариуса: Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 16 ноября 2004 г. № 37 (текст по состоянию на 20 мая 2014 г.) [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ЭЛЕКТРОННАЯ КОМПОНЕНТА ОТКРЫТОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.В. Карамышев

Белорусский государственный университет

Анализируются программные аспекты формирования в Республике Беларусь актуальной цифровой модели открытого территориального управления в контексте мировой практики. Рассматриваются как структурно-методологические, так и сами электронно-коммуникативные инструменты, системно реализующие концепцию открытого правительства на местном уровне.

Ключевые слова: электронное правительство, прозрачность, подотчетность, гражданское участие, местные онлайн-сервисы.

ELECTRONIC COMPONENT OF OPEN TERRITORIAL ADMINISTRATION

A.V. Karamyshev

Belarusian State University

The article analyzes the programmatic aspects of the formation of an actual digital model of open territorial administration in the Republic of Belarus in the context of world practice. Both structural and methodological and electronic communication tools themselves are considered, systematically implementing the concept of open government at the local level.

Keywords: e-government, transparency, accountability, civic participation, local online services

Проблематика, предметом которой являются не только технологические, но и концептуальные (политико-социальные) аспекты содержательного углубления всего спектра цифровых коммуникативных технологий публичного управления, для Республики Беларусь была и остается по-особому актуальной. Правительственными документами (стратегиями и программами) в качестве определяющего вектора здесь обозначен технологический конструкт «электронного правительства». При этом основной целью его построения обозначено создание и развитие системы оказания открытых и доступных «электронных услуг» организациям и гражданам.

Правительство констатировало, что к 2021 году решена программная задача модернизации и создания новых «базовых компонентов» электронного правительства. Последующая государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 гг. должна обеспечить формирование «современной системы оказания государственных услуг», применительно к местному уровню - базовые условия для формирования «умных городов» на основе разработанной типовой концепции.

Содержание программных документов в сегменте информационно-сервисного электронного правительства указывает на то, что здесь практически не обозначены вопросы внедрения разнообразных цифровых инструментов (платформ и т.п.), качественно улучшающих возможности и результативность прямого общественного участия в государственном (публичном) управлении, прежде всего на местном уровне. Наглядной антитезой этому программно-нормативному пробелу выступает широкий перечень демократических (оцифрованных) форм, получивших практическое решение во многих странах на разных континентах. Характерной особенностью зарубежных моделей электронного правительства в настоящее время является именно привлечение граждан к открытому государственному управлению, повышение степени эффективности взаимодействия населения с органами власти [1, с.1].

В докладе Организации экономического сотрудничества и развития «Открытое правительство. Глобальный контекст и движение вперед» (Open Government. The Global Context and the Way Forward, 2016г.) зафиксированы базовые принципы «открытого правительства»: прозрачность (transparency), подотчетность (accountability) и гражданское участие (participation) [2].

Отечественные исследователи заинтересованно и настойчиво акцентируют внимание на широком наборе электронных продуктов «Открытого правительства», многие из которых, несомненно, перспективны и для Беларуси. С методологической точки зрения важно, что данный инструментарий освещается не буклетно-иллюстративно, но в некоей системно-структурной канве, например, по таким группировкам, как форум идей, национальные платформы электронных обращений, электронные инициативы граждан, партиципаторное бюджетирование и др. [3, с.242].

В контексте мировой демократической практики авторами актуализируется задача формирования и реализации «целостной концепции электронного муниципалитета». При этом оговаривается особенность (строго говоря, не муниципальная) организации местной власти в Республике Беларусь – существование двух относительно независимых систем (местного управления и самоуправления) с весьма неодинаковым уровнем их вовлечения в цифровую информационно-коммуникативную среду.

Так или иначе, в развитие концепции формулируется задача, не сводя дело к дальнейшей адаптации для местного публичного администрирования и усовершенствованию патерналистски-проактивной модели электронного правительства («Умный город (регион)»), конструировать многоканальную, вертикально-горизонтальную модель «открытого местного управления и самоуправления», ключевым индикатором которой должно стать более активное привлечение/участие территориальных сообществ в решении важных для них местных вопросов. В частности, предлагаются к внедрению такие весомые интерактивные инструменты, как электронное инициирование местных референдумов, собраний, электронные инициативы по принятию решений местных органов власти, электронные местные собрания и онлайн-обсуждения [4, с. 320-331].

В Обзоре ООН «Будущее цифрового правительства» (UNITED NATIONS E-GOVERNMENT SURVEY 2022. The Future of Digital Government) [5] приведены результаты исследования на основе индекса местных онлайн-сервисов (Local Online Services Index) по пяти критериям, включающим 86 показателей: институциональная структура (8), предоставление контента (25), предоставление услуг (18), участие и вовлеченность (17), технологии (18).

Что касается четвертого критерия, то он оценивает наличие механизмов и инициатив для взаимодействия и возможностей для участия общественности в структурах местного управления (самоуправления). В исследовании отмечается, что многие города разработали целевые инициативы по укреплению взаимодействия с общественностью, используя социальные сети и другие средства для расширения электронного участия. Более 86 процентов обследованных городов имеют аккаунты в социальных сетях для взаимодействия с местными жителями.

Используются также инициативы электронного участия, реализуемые на национальном уровне и принимаемые местными органами. Например, в Саудовской Аравии специальный портал под названием Balady (Страна), интегрированный с муниципальными службами, предлагает широкий спектр функций электронного участия (электронная информация, электронные консультации, электронное принятие решений). Малазийское подразделение административной модернизации и планирования управления, как ведущее агентство по цифровизации государственного сектора, оказывает местным властям поддержку в разработке и внедрении платформ и механизмов электронного участия. В Перу национальное правительство оказывает поддержку более чем 2400 органам местного самоуправления с помощью облачной платформы Plataforma Participa Perú и Facilita Perú. Эти две платформы предлагают муниципалитетам простой способ запуска консультаций с гражданами. В Японии местные органы

власти используют платформы открытого диалога, разработанные национальным правительством и управляемые частными компаниями, и некоторые из этих платформ используют программное обеспечение с открытым исходным кодом.

За период с 2020 по 2022 гг. увеличилось число городских порталов, предоставляющих информацию об открытых заседаниях муниципального совета. Также выросла доля порталов, информирующих граждан о мероприятиях по электронному участию. Значительна и доля городских порталов, поддерживающих онлайн-участие жителей в планировании землепользования, управлении земельными ресурсами, преобразовании земель, территориальной организации.

В обзоре приведены таблицы с перечислением городов, относящихся к категории «Очень высокий». На первом месте - Берлин и Мадрид, за ними следуют Таллин и Копенгаген. Минск в таблицах не представлен, но все же отмечен как пример «быстрого прогресса», поскольку за два года перешел с «низкого» на «высокий» уровень, минуя «среднюю» отметку. Очевидно, этот прогресс достигнут и за счет включения каких-то из 17 показателей, характеризующих «участие и вовлеченность». Тем не менее, важны дальнейшие системные шаги в направлении формирования открытого территориального управления, например, по таким критериям как «открытые данные», «открытый бюджет», «открытый диалог».

Библиографический список

1. Пясецкая, Е. Н. Факторы эффективности электронного участия граждан во взаимодействии власти и общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 2. – Режим доступа : <http://ekoncept.ru/2018/183008.htm>. – Дата доступа: 04.11.2022;
2. Open Government. The Global Context and the Way Forward, 2016 - Режим доступа : https://read.oecd-ilibrary.org/governance/open-government_9789264268104-en#page1. Doi: dx.doi.org/10.1787/9789264268104-en. - Дата доступа: 01.11.2022;
3. Мисуно, Е. И. Формы непосредственного участия граждан в управлении делами государства с использованием информационных технологий // Государство и право в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – 1106 с.;
4. Киселёва, Т. М. Электронный муниципалитет в Республике Беларусь: сущность, состояние и перспективы развития / Т. М. Киселёва // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 3. – С. 320–331. Режим доступа : <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-3-320-331>. – Дата доступа: 02.11.2022;
5. UNITED NATIONS E-GOVERNMENT SURVEY 2022. The Future of Digital Government). Режим доступа : <https://ifap.ru/library/book652.pdf>. - Дата доступа: 30.10.2022.

ЦИФРОВЫЕ УСЛУГИ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Л.А. Краснобаева

Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются аспекты цифровой трансформации образовательного процесса на современном этапе. Обозначены отличительные признаки цифровой услуги и электронной услуги. По итогам проведенного исследования формулируется вывод, что формами практической реализации использования цифровых технологий являются цифровые сетевые формы взаимодействия.

Ключевые слова: образовательный процесс, цифровая трансформация образовательного процесса, цифровые услуги, сетевые формы взаимодействия.

DIGITAL SERVICES AND DIGITAL TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

L.A. Krasnabayeva

Belarusian State University

The article discusses some aspects of the digital transformation of the educational process at the present stage. The distinctive features of a digital service and an electronic service are indicated. Based on the results of the study, the conclusion is formulated that the forms of practical implementation of the use of digital technologies are digital network forms of interaction.

Keywords: educational process, digital transformation of the educational process, digital services, network forms of interaction.

Цифровая трансформация как общепризнанное стратегическое направление развития в современном мире, охватывает не только экономику и социальную сферу, но и государственное управление [1, с.6]. Согласимся с Е.М. Бородинской, что «развитие новых форм коммуникаций меняет среду бытия человека, ценности, природу человека, общественные отношения и окружающую действительность» [2, с.48]. Данное утверждение относится и к системе образования, поскольку цифровые технологии способствуют эффективному вовлечению обучающихся в образовательный процесс; обеспечивают персонализацию обучения; оказывают содействие

во взаимодействии с иными участниками образовательных отношений, а цифровая грамотность формирует профессиональные навыки.

Правовая база цифровой трансформации процессов в системе образования в Республике Беларусь представлена рядом концептуальных актов и государственных программ. Концепцией цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019-2025 гг. заданы цели, задачи, направления и определены границы цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь до 2025 года.

Задачей Государственной программы «Цифровое Развитие Беларуси» на 2021-2025 годы» является обеспечение доступности образования, основанного на применении современных информационных технологий как для повышения качества образовательного процесса, так и для подготовки граждан к жизни и работе в условиях цифровой экономики. Для реализации принципа доступности и в целях технологического, информационного и аналитического обеспечения процессов цифровой трансформации национальной системы образования уже созданы и функционируют Республиканская информационно-образовательная среда (РИОС) и Единый информационно-образовательный ресурс как компонент учебно-методического обеспечения образования.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2021 г. № 683 «О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года» предусмотрены этапы цифровизации образовательной системы и ожидаемые результаты, среди которых наиболее значимыми являются создание программного обеспечения, необходимого для цифровой трансформации процессов в системе образования; широкая доступность электронных образовательных услуг для населения, развитие дистанционного обучения как самостоятельной формы получения образования.

Кодексом Республики Беларусь от 13 января 2011 г. № 243-З дано определение информационно-образовательной среды как «совокупности государственных автоматизированных информационных систем в сфере образования, обеспечивающих взаимодействие государственных органов и организаций, учреждений образования и иных субъектов образовательных отношений и удовлетворение их информационных потребностей». Следует отметить, что законодательный акт регулирует вопросы оказания именно электронных образовательных услуг и обходит стороной цифровые услуги. Если к основным видам электронных образовательных услуг следует отнести информационные услуги и административные процедуры, то цифровые услуги мы можем определить, как вид государственной услуги, оказы-

ваемый посредством сквозных и информационно-коммуникационных технологий.

Именно на основе электронных услуг формируются направления образования, возникающие в процессе его цифровой трансформации: мобильное образование (m-learning), позволяющее получить необходимые знания и компетенции «в любое удобное время и в любом удобном месте» [3];[4]; открытое образование; эвристическое обучение на современных информационно-коммуникационных платформах [5];[6]; индивидуальное обучение, направленное на построение собственных траекторий образовательного процесса и персонализацию учебных программ. Дистанционное обучение также является своего рода цифровой образовательной услугой.

Несмотря на многочисленные положительные стороны дистанционной формы обучения, среди которых большинство ученых выделяет технологичность, доступность, открытость, основными недостатками можно назвать проблему подтверждения личности пользователя при обучении и проверке знаний; необходимость наличия целого ряда индивидуально-психологических условий; высокую трудоемкость разработки курсов дистанционного обучения; недостаточную компьютерную грамотность обучающихся, проблему подготовки педагогических кадров.

Преимуществами цифровой трансформации образовательного процесса является развитие онлайн-обучения, замещение бумажного контента и образовательных программ на цифровой; апробация кооперации образовательных организаций в цифровой среде, а также развитие цифровой культуры педагогических работников. В образовательной среде БГУ уже используются методы виртуальной и смешанной реальностей; применяются цифровые пользовательские устройства; осуществляется персонализация учебного процесса и его геймификация, реализуется проект «Цифровой университет» и др. В сфере юридического образования цифровизация требует формирования навыков работы в справочных правовых системах и информационных базах государственных структур. И если раньше при подготовке юриста большое внимание уделялось изучению фундаментальных основ права и законодательных актов, что требовало работы с литературой и нормативными источниками, то сегодня обучение строится на развитии навыков поиска и обработки информации в электронной среде [7, с.3].

Формами практической реализации использования цифровых технологий могут служить цифровые сетевые формы взаимодействия [8] как вид формы взаимодействия между учреждением образования и иной организацией, индивидуальным предпринимателем, которые позволяют использовать электронные ресурсы этой организации, необходимые для организации образовательного процесса, в том числе посредством сквозных техно-

логий. Предполагаем, что эффективной формой реализации сетевого взаимодействия может стать заключение соглашения о создании Консорциума юридических факультетов, в рамках которого возможно действие договоров между юридическим факультетом БГУ и юридическими факультетами государственных учреждений образования республики. Реализация образовательных программ возможна в рамках отдельной модульной системы с использованием образовательной платформы MOODLE. Студенты юридических факультетов смогут изучать дисциплины, предусмотренные учебным планом с последующей итоговой аттестацией профессорско-преподавательским составом юридического факультета БГУ на образовательном портале. Совместной образовательной программой может быть предусмотрено и дистанционное обучение с применением информационно-коммуникативных технологий для проведения лекционных занятий как в рамках модуля, так и в рамках отдельной дисциплины.

Реализация взаимодействия между юридическими факультетами различных учреждений образования возможна и при условии формирования открытых образовательных пространств (платформ) – Открытое юридическое образование. Образовательная платформа, предлагающая онлайн-курсы в рамках отдельных дисциплин ведущих ученых и специалистов в области права юридического факультета БГУ предоставит возможность каждому студенту получить профессиональные навыки и компетенции независимо от места своего пребывания и обучения.

В заключение отметим, что цифровую трансформацию связывают с формированием четыре «К» компетенций (креативность, критическое мышление, коммуникация, кооперация)» [9]. Цифровое образование – это новая стадия развития образовательных отношений, которая потребует существенных изменений в задачах и функциях педагогических работников и глубокого пересмотра роли обучающегося. Только обдуманное и планомерное внедрение информационных технологий в образовательный процесс могут помочь избежать негативных эффектов от использования модели цифрового образования.

Библиографический список

1. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология: сб. статей / редкол.: А. В. Тузиков (пред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики. – Мн : Беларуская навука, 2020. – 267 с.
2. Бородинская, Е.М., Фиронов, А.Н. Цифровая культура организации как конвергентная парадигма для права и экономики / Е.М.Бородинская, А.Н. Фиронов // Цифровая трансформация – 2022. – № . – С.48– 56
3. Куклев, В.А. Становление системы мобильного обучения в открытом дистанционном образовании: дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Куклев В. А. – Ульяновск, 2010. – 515 с.

4. Духнич, Ю. Мобильное обучение – Mobile Learning [Электронный ресурс] / Ю. Духнич. – Режим доступа: www.smart-edu.com/mobile-learning.html. – Дата доступа: 27.07.2022.
5. Король, А.Д. Эвристический урок. Результаты, анализ, рефлексии (Как разработать и провести эвристический урок): методическое пособие / А. Д. Король. – Мн: Вышэйшая школа, 2017. – 223 с.
6. Хуторской, А.В. Эвристическое обучение. В 5 т. Т.4. Интернет и телекоммуникации / под ред. А. В. Хуторского. – Изд-во: Ин-т образования человека, 2012. – 204 с.
7. Шпилевская, Е.В., Камерова, Э.А., Хижная, А.В. Цифровизация образовательных программ: ответ на запросы современной экономики / Е.В. Шпилевская, Э.А. Камерова, А.В. Хижная // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление – 2021. – № 10 (137). – С.1–4
8. Сетевые формы образовательного партнерства: Монография / О. В. Балун, Ю. В. Бруттан, М. В. Васильева [и др.] ; Под общей редакцией А.Ю. Рожковой . – Москва: «Русайнс», 2022. – 126 с.
9. Афанасьев, А. Цифровизация образования, все минусы электронной школы [Электронный ресурс] / А.Афанасьев // vc.ru – Режим доступа: <https://vc.ru/flood/43800-cifrovizaciya-obrazovaniya-vse-minusy> – Дата доступа 27.07.2022.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В СТРАНАХ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В ПЕРИОД С 2020 ПО 2022 ГОДЫ

М.Д. Кравцова

Минский государственный лингвистический университет

В статье приведены последние глобальные тенденции развития электронного правительства согласно показателю индекса развития электронного правительства, рассмотрены и проанализированы его показатели в странах Организации Объединенных Наций в период с 2020 по 2022 годы, выявлена и исследована на конкретных примерах взаимосвязь между уровнем развития электронного правительства и показателями уровней доходов в этих странах.

Ключевые слова: электронное правительство, страны ООН, тенденции развития, телекоммуникационная инфраструктура, человеческий капитал, показатели развития, статистика.

E-GOVERNMENT IN THE UNITED NATIONS COUNTRIES IN THE PERIOD FROM 2020 TO 2022

M.D. Krautsova

Minsk State Linguistic University

The article presents the latest global trends in the development of e-government according to the indicator of the e-government development index, examines and analyzes its indicators in the United Nations countries in the period from 2020 to 2022, identifies and examines the relationship between the level of development of e-government and indicators of income levels in these countries.

Keywords: e-government, UN countries, development trends telecommunications infrastructure, human capital, development indicators, statistics.

Исследование 2022 года, проведенное Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН, отражает улучшение глобальных тенденций в развитии электронного правительства и переход многих стран с низких показателей EGDI (*индекс развития электронного правительства*) на более высокие.

Глобальные тенденции.

Среднемировое значение EGDI незначительно выросло – с 0,5988 в 2020 году до 0,6102 в 2022 году, в основном благодаря прогрессу, достиг-

нотому в укреплении телекоммуникационной инфраструктуры. Европа остается лидером в развитии электронного правительства со средним значением EGDI 0,8305, за ней следуют Азия (0,6493), Северная и Южная Америка (0,6438), Океания (0,5081) и Африка (0,4054). Впервые с 2016 года среднее значение EDGE для Океании снизилось, в основном из-за 29-процентного снижения среднего значения индекса телекоммуникационной инфраструктуры (ТИ) за последние два года.

В связи с пандемией COVID-19 правительства отдавали предпочтение в предоставлении онлайн-услуг таким сферам, как здравоохранение, образование и социальная защита. На региональном уровне 90% стран Европы и 70% стран Азии и Северной и Южной Америки предоставили широкий спектр онлайн-услуг для борьбы с пандемией COVID-19. Так, резкий подъем произошел в области социальной защиты; число стран с национальными порталами, позволяющими обращаться за такими пособиями, как уход за ребенком, субсидии на детей, пенсии, жилье и продовольственные пособия, выросло на 17% с 2020 года.

Люди, живущие в нищете, инвалиды, пожилые люди, иммигранты, женщины и молодежь извлекли выгоду из достигнутого прогресса, хотя необходимость в приложении дополнительных усилий для обеспечения того, чтобы никто не остался в стороне, по-прежнему сохраняется.

Многие страны уже имеют собственную национальную стратегию по развитию электронного или цифрового правительства, а также законопроекты о кибербезопасности (153 страны), защите персональных данных (145 стран), национальной политике в области данных (128 стран), открытых правительственных данных (117 стран) и электронном участии (91 страна). Частные лица и предприятия получают все больше возможностей взаимодействовать с государственными учреждениями через онлайн-платформы, получать информацию о законодательстве, касающемся свободы информации, и выходить на общедоступные материалы и данные (включая открытые государственные). Все больше правительств обращают внимание на отзывы сетевых пользователей и реагируют на них, а также работают над адаптацией услуг к потребностям людей. Однако активное участие в публичных электронных консультациях по важным политическим вопросам остается ограниченным.

Общие показатели EGDI.

Индекс развития электронного правительства (Global E-Government Development Index) – комплексный показатель, характеризующий уровень развития электронного правительства в странах мира. Он включает средние показатели трех составляющих: Индекса онлайн-услуг (OSI), Индекса телекоммуникационной инфраструктуры (ТИ) и Индекса человеческого капитала (HCI).

Исследование 2022 года отражает улучшение глобальных тенденций в развитии электронного правительства и переход многих стран на более высокие показатели EGDІ. Так, в 2022 60 стран имеют очень высокие значения EGDІ (в диапазоне от 0,75 до 1,00 [1, Р. 74]), в 2020 году - 57 стран - увеличение на 5,3%.

В общей сложности 73 страны имеют высокие значения EGDІ (от 0,50 до 0,75), а 53 страны входят в группу со средними показателями EGDІ (со значениями от 0,25 до 0,50). Семь стран (на одну меньше, чем в 2020 году) имеют значения EGDІ от 0,00 до 0,25.

Среди четырех подгрупп EGDІ наибольшую долю составляют государства-члены с высокими показателями EGDІ (38%), за которыми следуют государства с очень высокими показателями EGDІ (31%) и государства со средними показателями EGDІ (27%). Доля стран с низкими значениями EGDІ остается такой же, как и в 2020 году (4%), хотя количество стран на этом уровне снизилось (с 8 до 7).

Показатели EGDІ по странам.

Почти во всех странах с высоким уровнем дохода (97%) значения EGDІ превышают среднемировой показатель; это верно для 62% стран с доходом выше среднего, но только для 20% с доходом ниже среднего.

1. Высокие показатели.

Общее число стран в группе с высоким показателем EGDІ выросло с 69 до 73 в период с 2020 по 2022 год. Восемь стран впервые присоединились к данной группе; три находятся в Африке (Кот-д'Ивуар, Руанда и Замбия), две – в Северной и Южной Америке (Белиз и Гайана) и три – в Азии (Ливан, Непал и Таджикистан).

Шесть из восьми стран в группе с высоким показателем EGDІ находятся в особом положении и классифицируются Организацией Объединенных Наций как наименее развитые страны (НРС), развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю (НВМРС) и/или малые островные развивающиеся государства (МОРАГ). Число стран, находящихся в особом положении, в группах с высоким и очень высоким уровнем EGDІ увеличилось с 35 до 41 (или на 15 процентов) в период с 2020 по 2022 год. Из них одна страна – с низким уровнем дохода (Руанда), двенадцать стран – с доходом ниже среднего (Бангладеш, Белиз, Бутан, Многонациональное государство Боливия, Замбия, Кабо-Верде, Камбоджа, Кыргызстан, Монголия, Непал, Таджикистан, Узбекистан).

2. Средние показатели.

Число стран в группе со средними показателями EGDІ (со значениями в диапазоне от 0,25 до 0,50) сократилось с 59 в 2020 году до 53 в 2022 году.

Здесь наибольшая доля стран приходится на Африку (60%, или в общей сложности 32 страны), за которыми следуют Азия (19%, или 10

стран), Океания (17%, или 9 стран) и Северная и Южная Америка (4%, или 2 страны). Подавляющее большинство стран в группе со средними показателями EGDИ — 43 из 53, или 81% — являются странами, находящимися в особом положении (НРС, НВМРС и/или МОРАГ). Среди этих 53 стран 20 (38%) являются странами с низким уровнем дохода (16 в Африке и 4 в Азии), а еще 25 (47%) являются странами с доходом ниже среднего (14 в Африке, 6 в Океании, 4 в Азии и 1 в Северной и Южной Америке). Семь стран (2 в Океании, 2 в Африке, 2 в Азии и 1 в Северной и Южной Америке) являются странами с доходом выше среднего, а одна страна, Науру, является страной с высоким уровнем дохода и находится в Океании.

3. Низкие показатели.

Число стран с низкими значениями (ниже 0,25) сократилось с 8 в 2020 году до 7 в 2022 году. Все страны в этой группе являются НРС и/или НВМРС; 6 из них находятся в Африке (Центральноафриканская Республика, Чад, Эритрея, Нигер, Сомали и Южный Судан) и также входили в группу с низким показателем EGDИ в 2020 году, в то время как одна является НРС в Северной и Южной Америке (Гаити). Гвинея-Бисау и Корейская Народно-Демократическая Республика - единственные 2 страны, которые в 2022 году перешли из группы с низкими показателями в группу с средними.

Страны, лидирующие в развитии электронного правительства.

При рассмотрении и анализе результатов опроса 2022 года важно иметь в виду, что EGDИ является относительным индексом, и незначительные различия в значениях EGDИ между странами не обязательно означают, что страна с более низким граничным значением показала низкие показатели в течение конкретного двухлетнего периода. Более высокое значение EGDИ также не означает улучшения показателей, особенно среди стран, входящих в одну и ту же подгруппу. Следовательно, аналитиков и политиков следует предостеречь от неправильного толкования незначительных изменений в рейтингах среди стран, входящих в один и тот же рейтинговый класс. Каждая страна должна определять уровень и масштабы своих целей в области цифрового правительства, основываясь на конкретном контексте своего национального развития, потенциале, стратегии и программах, а не на произвольном предположении о своей будущей позиции в рейтинге. EGDИ – это инструмент сравнения для развития электронного правительства, который будет использоваться в качестве косвенного показателя эффективности.

Оценка электронного правительства на 2022 год в целом показывает взаимосвязь между показателями уровней доходов (измеряемыми валовым внутренним продуктом на душу населения) и значениями EGDИ.

Страны с доходом выше среднего имеют высокие значениями OSI, ТП и НСИ и, вероятно, в ближайшие годы быстро достигнут прогресса в развитии электронного правительства, в то время как снижение значений OSI или НСИ для стран с низким уровнем дохода и доходом ниже среднего могут означать углубление «цифрового разрыва». Из 99 государств-членов ООН, имеющих значения EGDI выше среднего, почти 90% относятся к группе с высоким уровнем дохода или доходом выше среднего, но остальные 10% являются странами с доходом ниже среднего (Многонациональное государство Боливия, Индонезия, Исламская Республика Иран, Кыргызстан, Монголия, Филиппины, Шри-Ланка, Тунис, Украина, Узбекистан и Вьетнам); 10 из этих стран (все, кроме Многонационального государства Боливия) также имеют значения OSI выше среднего. Пять других стран в группе с низким уровнем дохода имеют значения EGDI ниже среднего, но среднее значение OSI в них выше: Бангладеш (0,6521), Египет (0,5730), Индия (0,7934), Кения (0,6821) и Пакистан (0,5658). Эти примеры показывают, что, хотя уровень дохода в стране имеет значение, это не единственный фактор, определяющий значения EGDI или OSI.

Значения EGDI, как правило, выше для стран с более высоким уровнем дохода, чем для стран с более низким. Тем не менее, многие страны достигли высокого и очень высокого уровня в рамках развития электронного правительства во многом за счет улучшения предоставления своих онлайн-сервисов (выраженных в значении OSI), несмотря на ограниченные ресурсы. Например, Индия и Руанда имеют очень высокие уровни OSI (0,7934 и 0,7935 соответственно), несмотря на то, что их телекоммуникационная инфраструктура относительно слабо развита.

Библиографический список

1. United Nations, General Assembly. «Road map for digital cooperation: implementation of the recommendations of the High-level Panel on Digital Cooperation» // report of the Secretary-General (A/74/81). — 29 May 2020.
2. United Nations, Our Common Agenda: Report of the Secretary-General. — Sales No. E.21.I.8. — P. 92.
3. United Nations Conference on Trade and Development. «Digital Economy Report 2019» // Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries. — Sales No. E.19.II.D.17. — P. 15.
4. United Nations, E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. — Sales No. E.20.II.H. 1, addendum. — P. 225.
5. Department of Economic and Social Affairs. The Future of Digital Government / United Nations // New York, 2022. — P. 6–48.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРОЦЕССА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В. А. Круминя

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Анализируется опыт информационной поддержки инвестиционной деятельности, в том числе в Российской Федерации, Королевстве Нидерландов, Объединенных Арабских Эмиратах.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, агентства по привлечению инвестиций, цифровые технологии, цифровизация.

INFORMATION SUPPORT FOR THE PROCESS OF ATTRACTING FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

V. A. Kruminia

*The Academy of Public Administration under the aegis of the President of
the Republic of Belarus*

The article contains an analysis of the experience of information support for investment activities, including the expertise of the Russian Federation, the Kingdom of the Netherlands, the United Arab Emirates.

Keywords: foreign direct investment, investment promotion agencies, digital technologies, digitalization.

Регионализация, сокращение цепочек производства, усиление концентрации добавленной стоимости и снижение международных инвестиций в производственные активы стали новыми трендами мировой экономики.

В последние десятилетия усилилась конкуренция на глобальном рынке привлечения инвестиционного капитала. Множество стран предпринимают меры по либерализации инвестиционной политики, расширению экономических свобод, упрощению инвестиционных процедур, повсеместно создаются информационные платформы поддержки инвестиционной деятельности, дающие возможность потенциальным инвесторам удаленно оценить преимущества ведения бизнеса.

Глобальные потоки прямых иностранных инвестиций резко сократились в 2020 году, упав на 42% до 859 млрд долл. США по сравнению с 1,5 трлн долл. США в 2019 году, сообщается в отчете Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) о глобальных инвестиционных тенденциях, опубликованном январе 2021 года [1].

Услуги, основанные на данных, такие как искусственный интеллект, нейросети и сети 5G, «интернет вещей» и вычисления с помощью квантовых компьютеров, открыли путь к новым движущим силам роста, которые обещают преобразовать целые отрасли и повысить производительность. Вследствие пандемии SARS-CoV-2 это общее движение в сторону все большей опоры мира на цифровые технологии и сетевые связи только усилилось.

В этой связи повышение инвестиционной привлекательности страны и наилучшее представление мировому сообществу имеющихся преимуществ Республики Беларусь, связанных, например, с выгодным географическим расположением, наличием высококвалифицированной рабочей силы, богатством природных ресурсов, является актуальной проблемой и требует разработки, реализации и постоянного совершенствования комплексной информационной платформы.

Цель статьи – выявление современных трендов в области информационной поддержки инвестиционной деятельности в странах, привлекающих максимальный объем прямых иностранных инвестиций, выработка на их основе рекомендаций по развитию интерактивного портала «Дорожная карта инвестора» государственного учреждения «Национальное агентство инвестиций и приватизации» (далее – Агентство), способствующих повышению интереса потенциальных инвесторов к белорусской юрисдикции.

Сегодня в экономической науке формируется переход к новой парадигме, определяющей связь между качеством жизни в стране и степенью реализации ее потенциала, включая инвестиционный. В основе данного подхода лежит признание территории как полноправного объекта рыночных отношений, своеобразного товара, специфическое предложение которого должно строиться, учитывая принципы маркетинга, в первую очередь – для удовлетворения запросов потенциального инвестора.

Страны, заинтересованные в повышении своей инвестиционной привлекательности, создают цифровые платформы, которые позволяют сделать рынок предлагаемых ими инвестиционных проектов открытым, улучшить взаимодействие его участников и сформировать, следовательно, реализовать большее количество качественных проектов.

Примером такой платформы является платформа «РОСИНФРА», созданная в Российской Федерации по инициативе Национального Центра

государственно-частного партнерства и при поддержке Министерства экономического развития Российской Федерации [2].

Платформа в 2019 году из информационного портала стала полноценным акселератором проектных решений, экспертных компетенций и финансовых инструментов для содействия в подготовке и реализации инфраструктурных проектов. Она создавалась несколько лет, первоначально это была обычная база данных, но потом появилось понимание того, что рынок увеличивается, и имеет смысл создать сервисную платформу и оказывать на ее основе услуги, в которых заинтересованы участники инвестиционного процесса.

На текущий момент на «РОСИНФРА» содержится информация более чем о 4600 проектах и 1400 инвестиционных предложениях (проектах и объектах, в отношении которых планируется применять механизмы государственно-частного партнерства). Центром платформы «РОСИНФРА» являются аналитические сервисы, которые строятся на базе данных проектов государственно-частного партнерства. Существующая информация о проектах и наличие понимания трендов в той или иной сфере, формируют «большие данные», которые могут использовать участники рынка при подготовке проектов. Платформе удастся выполнять роль цифрового инвестиционного агентства в сфере государственно-частного партнерства и инфраструктуры.

Интересным для рассмотрения с точки зрения информационного сопровождения процесса привлечения прямых иностранных инвестиций является опыт эмирата Дубай, который по итогам 2019 года занял третье место в мире, как по объему привлеченного капитала, так и по числу запущенных проектов [3].

Сайт инвестиционного агентства Дубая предлагает пользователям достаточно большой объем информации, характеризующей выгоды инвестирования на данной территории. На сайте пользователи могут получить информацию о предоставляемых агентством услугах, последних новостях, историях успешной реализации инвестиционных проектов [4].

Также инвестиционным агентством Дубая разработана отдельная платформа, посвященная преимуществам ведения бизнеса на территории эмирата [5]. На сайте пользователи могут получить информацию о предоставляемых агентством услугах, последних новостях, историях успешной реализации инвестиционных проектов.

Иностранный инвестор может получить посредством сервиса мгновенной лицензии Dubai Economy торговую лицензию в течение пяти минут с момента обращения, что позволяет начать свой бизнес всего за один шаг без необходимости регистрировать торговое наименование, устав или даже договор аренды [6].

Таким образом, инвестиционное агентство Дубая предоставляет заинтересованным значительный объем ценной информации о процессе инвестиционной деятельности на территории эмирата, есть возможность получить отдельные услуги удаленно и достаточно быстро. Также агентством организована система мониторинга реализованных инвестиционных проектов, путем составления карты потоков прямых иностранных инвестиций и размещения в публичном доступе отчетов о привлеченных в Дубай за год прямых иностранных инвестициях.

Представленный пример информационной поддержки демонстрирует инновационный подход в отслеживании прямых иностранных инвестиций в режиме реального времени, что позволяет предоставлять качественные услуги по оказанию содействия и последующего обслуживания инвесторов и более эффективно продвигать Дубай в качестве оптимальной локации для инвестиций.

Голландское агентство иностранных инвестиций разработало новый веб-сайт, признанный одним из лучших в мире Интернет-ресурсов агентств по привлечению инвестиций [7].

Ключевыми инновационными решениями, реализованными при разработке сайта голландского инвестиционного агентства, являются адаптивный контент на основе IP-адреса, сосредоточение визуала сайта на генерации контента, предложения по ключевым видам деятельности, а также по ключевым секторам, привлекательным для инвесторов, эффективное использование инфографики для представления информации инвесторам, использование конкретных примеров для инвесторов, доступ к ресурсам и инструментам для инвесторов.

Совершенствование сайтов агентств по привлечению инвестиций является разумной стратегией. Так, проанализировав информационные ресурсы стран, привлечших максимум прямых иностранных инвестиций, можно сделать вывод, что наибольшую результативность дает стратегия предоставления максимума информации в открытом доступе.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о важном значении соответствия применяемых инструментов инвестиционной политики современным требованиям, что предполагает переориентацию инвестиционных стимулов, модернизацию особых экономических зон, применение новых инструментов поощрения и упрощения процедур осуществления инвестиций и разработку продуманных механизмов отбора иностранных инвестиций. Увязка инвестиционной политики со стратегиями цифрового развития может стать ключом к эффективной интеграции в глобальную экономику и повышению устойчивости процесса глобализации в предстоящие годы.

В этом контексте особенно важно, чтобы агентства по привлечению инвестиций, эффективно выполняли свою функцию и, таким образом, максимизировали прямые и косвенные выгоды, которые могут быть сгенерированы потоком прямых иностранных инвестиций.

В Республике Беларусь для привлечения иностранных инвестиций специально создано государственное учреждение «Национальное агентство инвестиций и приватизации».

К концу 2018 года был разработан и с 1 января 2019 года запущен в тестовом режиме интерактивный портал «Дорожная карта инвестора» (далее – Дорожная карта) с интегрированной CRM-системой.

Дорожная карта представляет собой интерактивный портал хранения и предоставления информации посредством сети Интернет о:

- инвестиционных проектах, реализованных, реализуемых и предлагаемых к реализации на территории Республики Беларусь;
- инвестиционных предложениях (идеях), предлагаемых для реализации;
- земельных участках для размещения предприятий и производств;
- объектах концессии и государственно-частного партнерства;
- объектах недвижимости.

В настоящий момент на Дорожной карте размещена информация более чем о 1950 инвестиционных проектах и идеях, 950 объектах недвижимости и 1150 земельных участках [8].

Таким образом в Республике Беларусь для потенциальных инвесторов обеспечен удобный удаленный доступ к информации о компетенциях, конкурентных преимуществах и инвестиционных инициативах регионов посредством их консолидации на специально созданной электронной платформе на базе Агентства – интерактивном портале «Дорожная карта инвестора».

Актуальным видится совершенствование в масштабах Республики Беларусь работы по наполнению интерактивного портала «Дорожная карта инвестора» Агентства, что позволило бы оптимизировать информационные потоки и повысить эффективность работы с регионами по вопросам привлечения инвестиционных ресурсов.

Библиографический список

1. Global Investment Trends Monitor [Электронный ресурс] // United Nations Conference on Trade and Development. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/diaeiainf2021d1_highlight_ru.pdf/. – Дата доступа: 30.08.2022.
2. «РОСИНФРА» - платформа поддержки инфраструктурных проектов [Электронный ресурс] // «РОСИНФРА» - платформа поддержки инфраструктурных проектов. – Режим доступа: <https://www.rosinfra.ru/>. – Дата доступа: 30.08.2022.

3. Дубай удвоил объем ПИИ в 2019 году [Электронный ресурс] // Журнал «Деловые Эмираты». - Режим доступа: <https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/dubai-udvoil-ob-uem-pii-v-2019-godu/>. – Дата доступа: 30.08.2022.

4. Dubai FDI [Электронный ресурс] // Dubai FDI. - Режим доступа: <http://www.dubaifdi.gov.ae/English/Pages/default.aspx>. – Дата доступа: 30.08.2022.

5. Преимущества Дубая [Электронный ресурс] // Dubai FDI. -Режим доступа : <https://thedubaiadvantage.com/the-gateway/>. – Дата доступа: 30.08.2022.

6. Мгновенная лицензия на ведение коммерческой деятельности в Дубае [Электронный ресурс] // Government of Dubai. - Режим доступа: <https://eservices.dubaided.gov.ae/Pages/Anon/LandPage.aspx>. – Дата доступа: 30.08.2022.

7. Инвестируй в Голландию [Электронный ресурс] // Голландское агентство иностранных инвестиций. – Режим доступа: <https://investinholland.com/>. – Дата доступа: 30.08.2022.

8. Интерактивный портал «Дорожная карта инвестора» [Электронный ресурс] // Национальное агентство инвестиций и приватизации. – Режим доступа: <https://www.map.investinbelarus.by/>. – Дата доступа: 30.08.2022.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАМЕРАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ ПРОВЕРОК

А.Р. Малаховский

Белорусский государственный университет

В статье анализируются научные и нормативные аспекты деления налоговых проверок на камеральные и выездные, определяются их преимущества и недостатки. Делается вывод о необходимости внесения изменений и дополнений в законодательство, связанных с проведением камеральной налоговой проверки на основании предписания.

Ключевые слова: проверка, налоговая проверка, камеральная налоговая проверка, предписание.

SELECTED ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF CAMERAL TAX AUDITS

A.R. Malakhovsky

Belarusian State University

The article analyzes the scientific and regulatory aspects of dividing tax audits into cameral and field audits, and determines their advantages and disadvantages. It is concluded that it is necessary to make changes and additions to the legislation related to the conduct of a desk tax audit on the basis of an order.

Keywords: audit, tax audit, cameral tax audit, prescription.

В настоящее время как в литературе, так и в законодательстве предусмотрена обширная квалификация проверок. В контексте четкого нормативного размежевания финансового и налогового контроля при регламентации проверок первичным, по нашему мнению, является деление проверок на камеральные и выездные.

Изначально отметим что в контексте классификации проверок на камеральные и выездные, абз. 19 п. 23 Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510) прямо определяет, что данный нормативный правовой акт не применяется при осуществлении проверок, проводимых по месту нахождения контролирующего (надзорного) органа на основании изучения документов и информации, полученных контролирующим (надзорным) органом в соответ-

ствии с законодательством, без истребования от проверяемого субъекта иных документов (камеральных проверок). Соответственно, проведение камеральных проверок регламентируется положениями Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166–З (далее – НК). В отношении выездных налоговых проверок ч. 1 п. 71 НК предусматривает, что порядок организации и проведения проверок устанавливается Президентом Республики Беларусь, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Подпункт 2.2 п. 2 ст. 71 НК, в развитие положений ч. 3 п. 1 ст. 71 НК, прямо определяет, какие именно выездные проверки регламентируются непосредственно НК. Анализ исключительного перечня таких проверок свидетельствует об отсутствии в нем самого распространенного вида выездных налоговых проверок, когда на основании предписания руководителя (заместителя руководителя) налогового органа проводится выборочная или внеплановая проверка. Таким образом, проведение вышеуказанных проверок в данном случае регламентируется Указом № 510.

В налогово-правовой литературе сложилась определенная гамма мнений по вопросу категоризации данных видов проверок. Например, Т.Ю. Курбатов полагает, что «камеральная налоговая проверка – это вид налоговой проверки, состоящей из комплекса мероприятий по исследованию налоговых деклараций и документов, представленных налогоплательщиком, служащих основанием для исчисления и уплаты налога, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа, проводимая должностными лицами налогового органа, в соответствии с их служебными обязанностями без какого-либо специального решения руководителя налогового органа по месту нахождения налогового органа, регламентированных нормативными правовыми актами о налогах и сборах и имеющая целью проверку правильности и полноты уплаты налогов и сборов в соответствующие бюджеты, а также соблюдения иных норм законодательства о налогах и сборах» [1, с. 64–65]. Приведя достаточно объемное понятие камеральной налоговой проверки, данный автор не остался в стороне и от вопроса определения выездной налоговой проверки, под которой он понимает «вид налоговой проверки, состоящей из комплекса мероприятий, проводимых налоговым органом на основании решения руководителя (его заместителя) налогового органа по месту фактического местонахождения налогоплательщика (плательщика сборов, налогового агента), регламентированных нормативными правовыми актами о налогах и сборах и имеющая целью проверку правильности и полноты уплаты налогов и сборов в соответствующие бюджеты, а также соблюдения иных норм законодательства о налогах и сборах» [1, с. 66].

Е.В. Осипова полагает, что «выездная налоговая проверка – это проверка правильности исчисления и своевременности уплаты одного или не-

скольких налогов, проводимая на территории (в помещении) налогоплательщика по решению руководителя (заместителя руководителя) налогового органа на основе анализа документальных, цифровых, вещественных носителей информации о финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика [2, с. 20].

Отдельные авторы указывают на двойную природу камеральных налоговых проверок в системной взаимосвязи с выездными налоговыми проверками. Как отмечает А.В. Смирнов, «камеральная проверка имеет двойственное значение: во-первых, как средство контроля правильности и достоверности сведений, указанных в налоговой декларации, во-вторых, как основное средство целенаправленного отбора налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок» [3, с. 163].

Отметим, что Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно касался разграничения камеральной и выездной налоговой проверки и вывел следующий конституционно-правовой смысл из соответствующих положений Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146–ФЗ (далее – НК России): «Камеральная налоговая проверка, по смыслу пункта 1 статьи 88 Налогового кодекса Российской Федерации, является формой текущего документального контроля за соблюдением налогового законодательства, который проводится на основе налоговых деклараций (расчетов) и документов, представленных налогоплательщиком, а также других документов о деятельности налогоплательщика, имеющих у налогового органа. В отличие от выездной налоговой проверки она нацелена на своевременное выявление ошибок в налоговой отчетности и оперативное реагирование налоговых органов на обнаруженные нарушения, что позволяет смягчить для налогоплательщиков последствия от неправильного применения ими налогового закона» [4].

В настоящее время существует определенный научный дискурс по вопросу превалирования и эффективности рассматриваемых видов налоговых проверок. Многие авторы высказываются за большую эффективную и продуктивную выездных налоговых проверок. Например, характеризуя режим налоговых проверок, Р.Б. Мамаев отмечает, что «камеральная проверка – это скорее арифметический контроль предоставляемых налогоплательщиками данных, проводимый в процессе текущей деятельности налоговых органов по мере поступления к ним документов, связанных с исчислением и уплатой налогов (как правило, налоговых деклараций) [5, с. 23]. Аналогичной точки зрения придерживается С.Г. Пепеляев. В частности, он отмечает, что «камеральная налоговая проверка является «счетной», она должна состоять в выявлении ошибок, допущенных при заполнении налоговых деклараций, противоречий между сведениями, представленными в документах» [6, с. 174]. В.В. Уткин отмечает, что «наиболее эффективной

формой налогового контроля является выездная налоговая проверка, так как она выявляет наибольшее число налоговых правонарушений. В то же время эта форма налогового контроля наиболее трудоемка, требует больших затрат рабочего времени сотрудников налоговых органов и высокого уровня их квалификации. В связи с этим, проведение выездных налоговых проверок целесообразно в первую очередь в тех случаях, когда затраты на них многократно перекрываются суммами дополнительно начисленных в результате проверки налогов» [7, с. 54].

В тоже время, можно встретить и другую точку зрения. Например, А.А. Цвилий-Букланова, считая, что налоговые органы в целях налогового контроля используют преимущественно камеральную налоговую проверку по следующим причинам: «во-первых, камеральная проверка является наименее сложной и трудоемкой формой налогового контроля (рабочая сила на ее проведение на несколько пунктов ниже, чем на проведение выездной проверки) в наибольшей степени доступна автоматизации. Во-вторых, этим типом налогового контроля, обычно, охватываются 100 % налогоплательщиков, предоставивших налоговую отчетность в налоговые органы, тогда как выездные проверки налоговые органы могут проводить только у четверти налогоплательщиков. В-третьих, камеральные проверки для налоговых органов главный источник сведений, необходимой при назначении выездной проверки – сведений относительно возможных кандидатов на выездную проверку, информации относительно предмета будущих выездных проверок» [8, с. 113–114]. Т.Ю. Курбатов делает вывод, что «камеральная налоговая проверка играет значительную роль, как для государства, так и для налогоплательщиков. Данное обстоятельство связано с тем, что налоговые органы технически способны охватить выездными налоговыми проверками только часть налогоплательщиков. Тогда как камеральной налоговой проверке документация налогоплательщика, служащая основанием для исчисления и уплаты налога, подвергается регулярно» [1, с. 127].

Исходя из положений национального законодательства, первичное понимание камеральной налоговой проверки основано на том, что она проводится без предписания, по месту нахождения налогового органа и на основании налоговых деклараций, иных документов и информации о плательщике, имеющемся в налоговом органе (п. 3 ст. 73 НК). Целью камеральной проверки является предоставление плательщику права самостоятельно устранить нарушение, выявленное налоговым органом, и доплатить налог, сбор (пошлину).

По нашему мнению, системная взаимосвязь отсутствия предписания на проведение проверки и предоставление налогоплательщику самостоятельно устранить нарушения законодательства предопределяет обращение

со стороны должностных лиц налоговых органов к неограниченному кругу вопросов и, соответственно, истребованию неограниченного круга документов. Это, в свою очередь, значительным образом актуализирует проблему пределов налогового контроля. Отметим, что в налогово-правовой науке существует определенная дискуссия относительно тех документов, которые должны предоставляться при ее проведении. Как следует из ч. 1 ст. 88 НК России, предметом камеральной проверки являются налоговые декларации, а также документы, служащие основанием для исчисления и уплаты налогов, а также другие документы о деятельности налогоплательщика, имеющиеся у налогового органа. В настоящее время нет единой точки зрения относительно пределов того объема документов, которые налоговый орган может дополнительно истребовать. Так, С.Д. Шаталов отмечает, что «все упоминания в НК РФ о документах носят «зонтичный» характер, что позволяет истребовать не только документы, прямо предусмотренные НК и имеющие отношение к подтверждению правильности исчисления налогов, но и иные документы, относящиеся к деятельности налогоплательщика [9, с. 630]. А.В. Брызгалин отмечает, что «в рамках проведения камеральной проверки можно истребовать все документы, включая первичные бухгалтерские документы, так как сам термин «дополнительные сведения» НК РФ не уточняется и никаких указаний в Кодексе относительно их пределов и ограничений также не содержится» [10, с. 6]. Согласно другой позиции «налоговый орган, проводя камеральную налоговую проверку, в соответствии со ст. 88 НК РФ может истребовать только те документы, которые подтверждают правильность исчисления и уплаты налогов, при этом налоговый орган не вправе истребовать ни первичные бухгалтерские документы, ни договоры, ни иные документы, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью налогоплательщика» [11, с. 24]. В контексте вышеуказанной дискуссии М.Н. Дубинский предлагает переименовать предусмотренную НК России камеральную налоговую проверку на декларационную налоговую проверку, что точнее определяет ее действительное содержание [12, с. 67].

Если обратиться, в контексте проведения выездных проверок, к ч. 3 п. 24 Положения о порядке организации и проведения проверок, утв. Указом № 510, то видно, что в предписании на проведение проверки четко должен быть определен исчерпывающий перечень вопросов, подлежащих проверке. В отношении же камеральных налоговых проверок можно констатировать отсутствие в законодательстве каких-либо ограничений по вопросам, входящим в предмет проверки. Предоставление же цели налогоплательщику самостоятельно устранить выявленные нарушения, в определенной степени, выводит его за рамки строго predetermined законодательством ограничительных конструкций при проведении контрольных меро-

приятый. В этой связи полагаем, что камеральная проверка должна проводиться на основании предписания, одним из элементов которого должен быть исключительный перечень вопросов, подлежащих проверке. Соответственно, часть вторую п. 1 ст. 73 НК следует изложить в следующей редакции: камеральная проверка проводится на основании предписания на ее проведение.

Библиографический список

1. Курбатов, Т.Ю. Правовые формы и методы налогового контроля : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.Ю. Курбатов. – М., 2015. – 215 л.
2. Осипова, Е.В. Выездная налоговая проверка как основная форма налогового контроля / Е.В. Осипова // *Налоги*. – 2019. – № 4. – С. 19–22.
3. Смирнов, Д.А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация / Д.А. Смирнов. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 248 с.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Чебаркульская птица» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем четвертым пункта 8 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 10 марта 2016 г., № 571-О // *Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс»*. – М., 2022.
5. Мамаев, Р.Б. Права и обязанности налогоплательщиков при проведении налоговых проверок / Р.Б. Мамаев // *Адвокат*. – 2004. – № 4. – С. 22–27.
6. Пепеляев, С.Г. *Налоги: реформы и практика* / С.Г. Пепеляев. – М. : Статут, 2005. – 287 с.
7. Уткин, В.В. К вопросу о процессе проведения налоговых проверок / В.В. Уткин // *Хозяйство и право*. – 2005. – № 12. – С. 54–59.
8. Цвилий-Букланова, А.А. К вопросу о полномочиях налоговых органов в ходе проведения камеральных налоговых проверок / А.А. Цвилий-Букланова // *Законность и правопорядок в современном обществе*. – 2014. – № 19. – С. 99–106.
9. Шаталов, С.Д. *Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный)* / С.Д. Шаталов. – М. : Статут, 1999. – 638 с.
10. Брызгалин, А.В. Об актуальных проблемах налогового права, Налоговом кодексе и налоговом профсоюзе / А.В. Брызгалин // *Налоги и финансовое право*. – 2002. – № 6. – С. 6–16.
11. Пепеляев, С.Г. Обязан ли налогоплательщик представлять первичные документы для камеральной проверки? / С.Г. Пепеляев // *Ваш налоговый адвокат*. – 2001. – № 3. – С. 22–25.
12. Дубинский, А.М. *Налоговые органы России: теория и практика финансового контроля* / А.М. Дубинский ; под ред. С.В. Запольского. – М. : Контракт, 2014. – 112 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ТАБАКОКУРЕНИЕМ

К.Д. Максимова

Белорусский государственный университет

Статья посвящена вопросам организации борьбы с табакокурением в зарубежных странах. Рассматривается вопрос о возможности применения различных социальных форм и правовых методов по урегулированию табакокурения. При помощи сравнения законодательства иностранных государств в соответствующей сфере выявляются преимущества и недостатки, пути их решения.

Ключевые слова: табачные изделия, запрет на курение, ответственность, табачный дым, охрана здоровья.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MEASURES TO COMBAT SMOKING

K.D. Maksimova

Belarusian State University

The article is devoted to the organization of tobacco control in foreign countries. The question of the possibility of using various social forms and legal methods to regulate tobacco smoking is considered. By comparing the legislation of foreign countries in the relevant area, advantages and disadvantages are identified, as well as ways to solve them.

Keywords: tobacco products, smoking ban, responsibility, tobacco smoke, health care.

Курение является одной из причин высокого уровня смертности и заболеваний. В глобальном обзоре по употреблению табака за период с 1990 по 2019 год проанализирована статистика курения и употребления табака в 204 странах мира, собранная в ходе 3625 общенациональных репрезентативных опросов, проводимых в рамках проекта Глобального исследования бремени болезней (Global Burden of Disease Study), которая показала, что количество курильщиков к 2019 году достигло 1,1 миллиарда человек. При этом курение стало причиной 7,7 миллиона смертей в мире, в том числе – каждой пятой смерти среди мужчин.

По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь 54,4% мужчин курят, в возрасте 30–39 лет количество курящих составляет 64,8% у мужчин и 14,9% – у женщин, в возрасте 14–17 лет курящие со-

ставляют 34,2%, 73% заядлых курильщиков попробовали курить до 17 лет, т.е. в период обучения в школе.

Проблемам табакокурения посвящены научные исследования как белорусских авторов, среди которых следует выделить публикации Е.Н. Хейфеца [1];[2];[3], так и ряда российских исследователей [4];[5];[6]. Отметим, что авторов объединяет единая точка зрения, что на законодательном уровне следует разрешить два блока вопросов: а) законотворческий, а именно, регулирование вопросов производства и сбыта табачных изделий; б) административный - осуществление контроля за соблюдением требования в данном направлении субъектами управления (исполнителями).

Каждое государство стремиться к созданию не только социальных форм, но и правовых методов по урегулированию табакокурения. Инициатива по борьбе с табакокурением была впервые оформлена в ВОЗ в качестве программы в 1970-е гг. 24 мая 1999 г. Ассамблея приняла решение о разработке ряда норм и рекомендаций, направленных на сдерживание увеличения потребления табака в XXI в. Результатом работы явилась Рамочная конвенция по борьбе против табакокурения (2005г.) (далее – Рамочная конвенция, РКБТ), которая является договором, подтверждающим право всех людей на обладание наивысшим уровнем здоровья. Данной Рамочной конвенцией признается, что распространение табачной эпидемии является глобальной проблемой, которая имеет серьезные последствия для здоровья людей и которая требует, как можно более широкого международного сотрудничества и участия всех стран в эффективных, надлежащих и всесторонних международных ответных действиях. РКБТ регламентирует экономические меры, касающиеся сокращения как спроса табака (путем ценовых и налоговых мер), так и поставок табака, а также и экологические меры, затрагивающие вопросы охраны окружающей среды [7].

Отметим важное значение принципов, закреплённых в Рамочной конвенции. В частности, «каждый человек должен быть проинформирован о последствиях для здоровья, наркотическом характере и смертельной опасности в результате употребления табака и воздействия табачного дыма, и в этой связи для защиты всех людей от воздействия табачного дыма следует рассмотреть на соответствующем правительственном уровне эффективные законодательные, исполнительные, административные или иные меры» (статья 4).

Законом Республики Беларусь от 14.06.2005 № 26-3 Республика Беларусь ратифицировала РКБТ. Большинство европейских стран после принятия на себя обязательств в рамках договора издали национальные законы, направленных на борьбу с табакокурением. Так, Австрия, являясь одной из самых курящих стран мира, 1 ноября 2019 года приняла радикальный закон о запрете на курение в заведениях общественного питания, который

распространяется на обычные и электронные сигареты, а также кальяны. Законодательство Австрии в настоящее время запрещает табакокурение в общественном транспорте; аэропортах и вокзалах, общественных транспортных остановках; в учебных заведениях; детских садах и территориях возле них; заведения культуры и отдыха; помещениях для медицинских целей; учреждениях государственного управления. Кроме того, в каждом заведении общественного питания при отсутствии запрета на курения в заведении должно быть 2 зала – один для курящих, а другой для некурящих граждан. За нарушение данных правил владельцев заведений может ждать штраф в размере 1000 евро, а за повторное нарушение – 10 000 евро.

В Швеции основным нормативным правовым актом по борьбе с табакокурением является Закон «О табаке» 1993 года, нормами которого ограничено курение на открытых детских площадках, местах школьных мероприятий и др. Существует полный запрет на рекламу и продвижение табака в средствах массовой информации, но допускается реклама в пунктах продажи, при условии, что продукция не видна за пределами точки продажи. Среди позитивных методов возможно обозначить и социальные меры, направленные на материальные поощрения работников за отказ от курения. Основной причиной снижения уровня потребления табачных изделий в Швеции является замена табака на бездымные табачные изделия (жевательный табак), при этом законодательство рассматривает его как законную альтернативу горящим табачным изделиям.

Франция в борьбе с табакокурением перешла на вейпинговую продукцию. Вместо ограничения электронных сигарет Франция рекомендует вейпинг как средство борьбы с зависимостью от курения. Государство всеми силами информирует общественность о возможности перехода с табачного курения на вейпинг, оправдывая это тем, что данный способ менее вреден для здоровья людей. Подчеркивается также необходимость обучения работников здравоохранения, чтобы они могли поддерживать бывших курильщиков в изменении их потребительских привычек. В 2021 году была запущена интернет-информационная кампания «месяц без табачного дыма», слоган которой «Я выбираю э-сигарету!».

В 2008 году Россия присоединилась к Рамочной конвенции. В ее развитие была разработана концепция по борьбе с табаком на 2019-2022 гг. Новым принципом, относительно ранее действовавшей конвенции по борьбе с потреблением табака на 2015-2017 гг. является принцип информационной открытости и независимости оценки результатов реализации концепции. Меры по борьбе против табакокурения выражаются в издании нормативных правовых актов как федеральных, так и на уровне субъектов Российской Федерации. В частности, на федеральном уровне приняты Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», Федеральный закон

от 30.03.1999 № 52–ФЗ «О санитарно–эпидемиологическом благополучии населения». Основным нормативным правовым актом, регламентирующим защиту здоровья граждан от табачных изделий, выступает Федеральный закон от 23 февраля 2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (в ред. от 30.12.2020 № 506-ФЗ). В законодательстве прослеживается информационный аспект, как один из методов борьбы с табакокурением. Просвещение населения о вреде потребления табака осуществляется в семье, в процессе воспитания и обучения в образовательных организациях, в медицинских организациях, а также работодателями на рабочих местах. Использование информационно–телекоммуникационной сети «Интернет», а также «горячих линий» предоставляет гражданам обращаться по вопросам нарушения законодательства о табакокурении [8, Ст. 15].

Одной из мер по борьбе с табакокурением в Российской Федерации выступает привлечение граждан к ответственности: за нарушение запрета потребления табачных изделий на детских площадках, в необорудованных для курения местах, за вовлечение несовершеннолетних в процесс табакокурения [9, ст.ст.6.23-6.25]. Как и многие страны, Российская Федерация считает эффективным применение запретов на рекламу и стимулирование продажи табака (табачных изделий). В стране, в целях сокращения спроса на табак запрещается установление скидок, купонов на табачные изделия; организация мероприятий, для участия в которых необходимо приобретение табачных изделий; распространение табачных изделий среди населения бесплатно, в том числе в виде подарков; демонстрация табачных изделий в предназначенных для детей аудиовизуальных произведениях, включая теле– и видеофильмы, в театральнo–зрелищных представлениях и др. [8, Ст. 16].

Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 7.07.2020 № 360-VI ЗРК, предусматривает статьи, направленные на снижения табакокурения в стране. Мерами по борьбе выступают установление запретов на: продажу табачных изделий из открытых пачек табачного изделия или штучная продажа табачных изделий; ограничиваются места для курения. Так, запрещается курение в пунктах общественного питания; в объектах культуры, музеях, библиотеках; в зданиях аэропортов, железнодорожных, автомобильных и водных вокзалов, на закрытых остановках общественного транспорта; в подъездах домов; на детских площадках; в автомобильном транспортном средстве во время нахождения в них несовершеннолетних лиц и др. [10, Ст.110].

Закон Республики Узбекистан от 05.10.2011 № ЗРУ-302 «Об ограничении распространения и употребления алкогольной и табачной продук-

ции» закрепил основные направления государственной политики в области ограничения распространения и употребления табачной продукции, профилактики их негативного воздействия, в частности: реализацию комплексных правовых, экономических, социальных и иных мер, направленных на охрану здоровья граждан, его защиту от вредного воздействия табачной продукции; организацию и проведение профилактической, просветительской деятельности, направленной на духовно-нравственное воспитание граждан, пропаганду среди населения, прежде всего молодежи, здорового образа жизни, предупреждение и уменьшение угроз их здоровью, связанных с употреблением табачной продукции; создание эффективной системы медико-санитарной помощи лицам, страдающим табачной зависимостью. И что немаловажно развитие научных исследований в области профилактики негативного воздействия употребления табачной продукции.

Меры по борьбе с табакокурением и защите здоровья граждан от табачного дыма в Республике Беларусь регламентированы Декретом Президента Республики Беларусь от 17.12.2002 № 28 «О государственном регулировании импорта табачного сырья и табачных изделий» регламентированы, которым установлен запрет на курение в учреждениях (организациях) здравоохранения, культуры, образования, спорта, на объектах торговли и бытового обслуживания населения; на объектах общественного питания, в помещениях органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов, организаций; в аэропортах, подземных переходах, на станциях метрополитена, территории вокзалов и т.д. Подзаконными актами регулируются организационные меры, так места, специально предназначенные для курения, должны быть оборудованы в соответствии с требованиями, установленными постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 22.04.2003 № 23/21 «О требованиях к специально предназначенным местам для курения». Органы государственного пожарного надзора вправе осуществлять надзорные мероприятия по реализации Декрета на объектах общественного назначения, за исключением видов транспорта, указанных в абзаце 5 пункта 38 Декрета.

Охранительные меры закрепляются кодексами Республики Беларусь. Кодексом Республики Беларусь об образовании от 13.01.2011 № 243-3: (в ред. Закона Республики Беларусь от 14.01.2022 № 154-3) предусмотрено, что основанием для привлечения обучающихся к дисциплинарной ответственности является курение (потребление) табачных изделий в зданиях, общежитиях и на иной территории учреждения образования (организации, реализующей образовательные программы послевузовского образования, иной организации, которой в соответствии с законодательством предо-

ставлено право осуществлять образовательную деятельность). Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-З предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства в сфере рекламы табачных изделий. Статьей 13.9. предусмотрено наложение штрафа в размере от пятнадцати до ста базовых величин. Статьей 19.9 за курение (потребление) табачных изделий в местах, где оно в соответствии с законодательными актами запрещено, предусмотрено наложение штрафа в размере до четырех базовых величин.

В заключение отметим, что постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19.01.2021 №28 утверждена Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021-2025 гг., подготовленная на основе ключевых положений Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года и Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы, а также с учетом параметров демографического прогноза численности и структуры населения Республики Беларусь. Одним из приоритетных направлений в области охраны здоровья и демографической безопасности на 2021–2025 гг. является разработка мер по формированию культуры здорового образа жизни и здоровьесбережения. Программа предусматривает широкий спектр реализации мероприятий, направленных на профилактику и контроль неинфекционных заболеваний, предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма, охрану психического здоровья, противодействие распространению туберкулеза и т.д. Но, к сожалению, не содержит подпрограммы, направленной конкретно на предупреждение и противодействие табакокурения как комплексной системы деятельности органов государственного управления и общественных организаций. Эффективными формами борьбы с табакокурением, на наш взгляд, являются экономические меры, такие как установление высоких ценовых порогов на табачную продукцию, повышение размера штрафа как административной меры взыскания, уменьшение размера премиальных выплат курящим работникам. На государственном уровне следует рассмотреть вопрос о принятии закона об ограничении распространения и употребления табачной продукции, в котором предусмотреть полномочия государственных органов, предприятий, учреждений и организаций в области ограничения распространения и употребления табачной продукции, мероприятия по профилактике их негативного воздействия, вопросы деятельности по производству, реализации и рекламе табачной продукции, меры и гарантии оказания медико-санитарной помощи лицам, страдающим табачной зависимостью.

Библиографический список

1. Правовые основания борьбы с табакокурением в Республике Беларусь: международные обязательства и развитие национального законодательства / М. М. Сачек, Н. Е. Хейфец, И. В. Малахова [и др.] // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2013. – № 3(76). – С. 19-36.
2. Хейфец, Е. Н. Правотворческая деятельность в сфере борьбы с табакокурением в Республике Беларусь: имплементация норм международных обязательств государства в национальное законодательство о здравоохранении / Е. Н. Хейфец // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2021. – № 2(107). – С. 27-36.
3. Хейфец, Е. Н. Имплементация отдельных норм Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по борьбе против табака (РКБТ) в законодательство Республики Беларусь / Е. Н. Хейфец // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2017. – № 3(49). – С. 149-164.
4. Васильев, Ф. П. Административно-правовое регулирование вопросов борьбы с табакокурением в России / Ф. П. Васильев // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 9(45). – С. 100-107.
5. Смышляев, А. В. Административно-правовые аспекты борьбы с потреблением табака в Российской Федерации на современном этапе: проблемы и перспективы / А. В. Смышляев, Н. И. Платонова, Ю. Ю. Мельников // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 2. – С. 216-219.
6. Мохаммад Хасан. Международное сотрудничество в борьбе с табакокурением / Мохаммад Хасан // Lex russica (Русский закон). – 2007. – Т. 66. – № 6. – С. 1153-1168.
7. Рамочная конвенция Всемирной Организации Здравоохранения по борьбе против табака [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 21.05.2003 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.
8. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака [Электронный ресурс] : Федер. закон, 23.02.2013, № 15-ФЗ: в ред. Федер. закона от 30.12.2020. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.
9. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [Электронный ресурс] 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г.: одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г. в ред. Федер. закона от 17.05.2022 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2022.
10. Кодекс о здоровье народа и системе здравоохранения Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 07.07.2020 г., № 360-VI : принят Парламентом Респ. Казахстан 7 февр. 2001 г. в ред. Закона от 04.07.22. // КонсультантПлюс. Казахстан / Казахстан, 2022.

КОМПЕТЕНЦИЯ ОПЕРАТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК АДМИНИСТРАТОРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ДОМЕННОЙ ЗОНЫ

В.С. Михайловский

Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются отдельные проблемные соотношения понятий «администратор доменной зоны», «администрирование доменного имени» «регистратор доменных имен», «делегирование доменного имени». Обозначается компетенция ОАЦ в сфере безопасности использования национального сегмента сети Интернет на примере полномочий администратора национальной доменной зоны.

Ключевые слова: администратор доменной зоны, администрирование доменного имени, регистратор доменных имен, делегирование доменного имени.

COMPETENCE OF THE OPERATIONAL AND ANALYTICAL CENTER UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS THE ADMINISTRATOR OF THE NATIONAL DOMAIN ZONE

V.S. Mikhailouski

Belarusian State University

The article discusses some problematic relationships between the concepts of «domain zone administrator», «domain name administration», «domain name registrar», «domain name delegation». The competence of the OAC in the field of security of using the national segment of the Internet is indicated on the example of the authority of the administrator of the national domain zone.

Keywords: domain zone administrator, domain name administration, domain name registrar, domain name delegation.

Доменное имя (или домен) – это символьное (буквенно-цифровое) обозначение, сформированное в соответствии с международными правилами адресации сети Интернет, предназначенное для поименованного обращения к интернет-ресурсу и связанное при его делегировании с определенным сетевым адресом. Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (далее – ОАЦ) определяет порядок регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, в том числе требования к юридическим лицам, планирующим осуществлять регистрацию доменных имен, учитывающие финансово-экономическое положение и тех-

нические возможности данных юридических лиц, и меры реагирования на нарушения такого порядка.

ОАЦ при Президенте Республики Беларусь выступает администратором национальной доменной зоны. При этом функционирование национальной доменной зоны реализуется на основании информации, содержащейся в базе данных. База данных представляет собой централизованный информационный ресурс о доменных именах, зарегистрированных в национальной доменной зоне, в том числе об их владельцах. Регистрация доменного имени – внесение в базу данных сведений о домене, его владельце и иной информации, предусмотренной Инструкцией о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне.

Регистратором доменного имени выступает юридическое лицо Республики Беларусь, осуществляющее регистрацию доменных имен в национальной доменной зоне и участвующее в формировании базы данных. Функции регистратора доменного имени выполняет юридическое лицо Республики Беларусь, с которым администратором национальной доменной зоны, т.е. ОАЦ, заключено соглашение о взаимодействии по форме согласно Инструкции о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне и которое должно обеспечивать наличие:

- чистых активов стоимостью в эквиваленте не менее 2600 базовых величин на основании данных бухгалтерского баланса и расчета стоимости чистых активов на первое число первого месяца квартала, в котором заключается соглашение о взаимодействии, а также в течение всего периода осуществления деятельности по регистрации доменных имен;

- информационной системы регистрации доменных имен, соответствующей требованиям Инструкции о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне.

Таким образом, ОАЦ являясь администратором национальной доменной зоны, не является регистратором доменных имен и не осуществляет регистрацию доменных имен. На сегодняшний день регистрацию доменных имен осуществляют:

- 1) ООО «Активные технологии»;
- 2) ООО «Надежные программы»;
- 3) ООО «Открытый контакт»;
- 4) ООО «ТриИнком»;
- 5) ООО «Суппорт чейн»;
- 6) ООО «Белорусские облачные технологии».

Регистрацию доменных имен осуществляют в Республике Беларусь хозяйственные общества, не являющиеся подведомственными организациями республиканских органов государственного управления.

Регистрация доменного имени не включает в себя услуги хостинга, т.е. размещения информационных ресурсов в национальном сегменте сети Интернет посредством технических устройств, а отражает функцию учета существующих в национальной доменной зоне доменных имен и подтверждает права владельцев доменных имен на них. Также подчеркнем, что регистрация доменных имен не является административной процедурой, поскольку не предусмотрена в качестве таковой согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2021 г. № 548 «Об административных процедурах, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования». В то же время государственная регистрация информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет является административной процедурой.

Регистрация доменных имен является важной составляющей административно-правовых отношений в области связи и информатизации, поскольку содействует защите и реализации прав и законных интересов владельцев доменных имен в пределах национальной доменной зоны посредством их учета и систематизации в централизованной базе данных в рамках системы государственного управления интернет-пространством.

Несмотря на то, что процедура регистрации доменного имени не является информационно-технологическим процессом, вместе с тем регистрация доменного имени предоставляет возможности, связанные с делегированием доменного имени. Делегирование доменного имени – это обеспечение на основании информации, содержащейся в базе данных, технической возможности поименованного обращения к интернет-ресурсу, соответствующему этому доменному имени. Делегирование домена реализуется на основании информации, внесенной регистратором в базу данных по заявке владельца домена (заявителя). В заявке указываются сведения о связанных с доменом серверах доменных имен (DNS), обеспечивающих его функционирование, и (или) сетевых адресах.

Факт регистрации владельцем доменного имени предоставляет ему возможность на законных основаниях использовать его для обращения к соответствующему ему интернет-ресурсу, в том числе при наличии законной технической возможности на такое обращение.

Следует разграничивать понятия «администратора национальной доменной зоны» (ОАЦ) и «администрирование доменного имени» (права на которое принадлежат его владельцу, т.е. владельцу доменного имени). Говоря об администраторе национальной доменной зоны (ОАЦе), по сути, мы говорим о функциях и задачах государственного управления в сегменте интернет-пространства белорусской «доменности» («.by», «.бел»). Говоря об администрировании доменного имени – о правомочиях по использованию доменного имени его владельцем.

Регистрация доменных имен в национальной доменной зоне позволяет не только учитывать, систематизировать и идентифицировать посредством данных имен интернет-ресурсы, но и служит информационной базой для государственного реагирования (ОАЦ) на нарушения владельцами доменных имен правопорядка в национальном сегменте сети Интернет. Доменное имя служит идентификатором для интернет-ресурса и его владельца.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному и подытоживая компетенцию ОАЦ в сфере безопасности использования национального сегмента сети Интернет на примере полномочий ОАЦ как администратора национальной доменной зоны, отметим, что ОАЦ:

- заключает соглашение о взаимодействии с регистраторами доменных имен в Республике Беларусь, которые осуществляют на основе данного соглашения регистрацию доменных имен;

- вправе запрашивать у регистраторов доменных имен необходимую информацию и (или) документы по вопросам регистрации доменных имен, необходимую информацию по вопросам соответствия регистратора и информационной системы регистратора требованиям Инструкции о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне;

- имеет право на получение доступа к архивным базам данных заявок за весь период деятельности по регистрации доменных имен;

- в случаях, предусмотренных Инструкцией о регистрации доменных имен, вправе приостанавливать администрирование доменного имени;

- вправе приостанавливать делегирование доменного имени в установленных Инструкцией о регистрации доменных имен случаях;

- вправе аннулировать запись о регистрации доменного имени в случаях, установленных Инструкцией;

- назначает технического администратора национальной доменной зоны из числа регистраторов (т.е. из числа тех хозяйственных обществ, ооо, которых мы записали и которые являются на сегодняшний день регистраторами доменных имен);

- применяет установленные законодательством меры государственного реагирования на нарушения порядка регистрации доменных имен, в том числе уведомляет о выявленных нарушениях суды и иные государственные органы.

Библиографический список

1. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет : Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.09.2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН.

Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.
– Минск, 2022.

2. Инструкция о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне: утв. приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, 18 июня 2010 г., № 47 : в ред. приказа Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 25.08.2021 г. № 138. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.
– Минск, 2022.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л.Е. Можяева, Д.Г. Савченко

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

В статье анализируется перспектива создания и применения специальных искусственных алгоритмов в целях наиболее оперативного и качественного расследования уголовных дел следователями. Предлагается структура и принцип действия перспективного специального программного обеспечения.

Ключевые слова: следователь; приложение; Следственный комитет; алгоритм; следственная практика.

USING SPECIAL SOFTWARE SECURITY IN LAW ENFORCEMENT

L.E. Mozhaeva, D.G. Savchenko

Francisk Skorina Gomel State University

The article analyzes the prospect of creating and applying special artificial algorithms for the promptest and high-quality investigation of criminal cases by investigators. The structure and principle of operation of a promising special software is proposed.

Keywords: investigator; application; Investigative Committee; algorithm; investigative practice.

В современном мире прослеживается общая тенденция информатизации значительной части операций в различных сферах общественной жизни. К примеру, существует возможность подачи электронного обращения в государственные органы, электронная запись на прием к врачу и т.п. Неизбежно этот процесс затрагивает и сферу правоохранительной деятельности, в том числе работу следственных органов, что повышает оперативность и, как следствие, эффективность работы следователя, в особенности лиц, впервые поступивших на службу и не имеющих достаточных навыков и опыта практической деятельности.

Отметим, что первые предложения о программировании процесса расследования были высказаны еще в 1973 году И. Л. Петрухиным и другими учеными. С того времени уровень программно-технических средств значительно изменился, что сказалось на расширении возможностей из использования.

Организация процесса расследования отдельных уголовных дел зависит от многих факторов, в том числе от применения следователем компьютерных технологий, программного обеспечения. Их применение, безусловно, способствует оптимальному планированию работы по расследованию уголовных дел, сокращению сроков расследования, облегчает составление процессуальных документов и т.д. И речь в данном случае идет не просто о наличии компьютерной техники у следователя, а о разработке специализированного программного обеспечения, созданного для решения задач расследования и предусматривающего алгоритмизацию всех этапов расследования.

При создании подобного специализированного программного обеспечения должны учитываться: нормативные положения законодательства, теоретические разработки ученых, аспекты практической деятельности (практический опыт следователей, анализ материалов нераскрытых уголовных дел). Отметим, что попытки внедрения IT-технологий в деятельность Следственного комитета Республики Беларусь имели место в виде программного обеспечения «Е-уголовное дело», которое выполняла фиксацию результатов предварительного расследования в электронном виде, позволившую выйти на качественно иной уровень ведения уголовного процесса, изменить его культуру, обеспечить использование единых стандартов процессуальных документов путем создания и использования электронных шаблонов и форм для их составления.

Указанное программное обеспечение позволяет в ходе предварительного расследования запрашивать сведения в режиме онлайн у 26 государственных органов и организаций и получать ответы в электронном виде из более чем 80 баз данных (включая банковские и медицинские учреждения).

Также «Е-уголовное дело» автоматически систематизирует материалы уголовного дела, составляет опись и дает следователю процессуальные подсказки в целях недопущения совершения ошибки [1].

Однако в целях дальнейшего повышения качества следственной деятельности, на наш взгляд, целесообразно перевести в информационную сферу вопросы, касающиеся организации рабочего времени следователя, распределения задач на каждый конкретный день и в долгосрочной перспективе до предполагаемого окончания предварительного следствия. Предлагаемые ниже алгоритмы целесообразно включить в процесс расследования с первоначальных стадий: выезда на место происшествия, принятия заявления, сообщения о преступлении, обнаружения признаков преступления, и использовать на последующих вплоть до окончания следствия.

Считаем возможным выделить следующие основные направления информатизации работы следователя и обосновать их:

1. Общая организация расследования уголовного дела.

Одной из основных обязанностей следователя, помимо объективного и правильного расследования уголовного дела, является соблюдение установленного Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь срока расследования, проведения отдельных следственных, процессуальных действий. Считаем целесообразным предусмотреть, в случае разработки соответствующего программного обеспечения, возможности выбора одной из наиболее эффективных тактических и методических моделей построения следственного процесса в данном конкретном случае с автоматическим вычислением и установлением уведомлений, касающихся срока проведения следственных, иных процессуальных действий, общего срока предварительного следствия. Принимая во внимание тот факт, что у следователя зачастую находится в производстве одновременно 3, 5 и более уголовных дел, это не всегда позволяет выстроить четкий план действий с учетом сроков в каждом конкретном случае, так как дела возбуждаются в разные дни, месяцы, годы (в конце текущего календарного года).

2. Проведение отдельных следственных и иных процессуальных действий. Неотъемлемой частью предварительного следствия является проведение следственных и иных процессуальных действий. Считаем уместным предусмотреть градацию на действия, которые:

- требуют получения санкции прокурора;
- те, для проведения которых такой санкции не требуется;
- проводятся с обязательным участием понятых (с указанием их количества), проводятся без обязательного участия понятых (с краткими методическими рекомендациями касательно проведения таких действий);
- проводятся на стадии возбуждения уголовного дела, во время предварительного расследования.

Также можно указать действия в соответствии с должностным лицом, уполномоченным его провести. Например, эксперт = экспертиза, дача заключения и так далее. Следует предусмотреть взаимосвязь конкретных видов преступлений и наиболее целесообразных следственных действий для их расследования. На наш взгляд, это будет способствовать процессуальной экономии. Так, следователь не будет проводить все возможные следственные и иные процессуальные действия, назначать все виды экспертиз.

Например, в случае расследования преступления по факту совершения коррупционных преступлений (ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь) целесообразно:

- изучить должностную инструкцию, приказ, которым лицо было наделено административно-хозяйственными функциями и организационно-распорядительными полномочиями;
- назначить почерковедческую экспертизу;
- назначить экспертизу следов рук, фонографическую экспертизу (при проведении оперативного эксперимента, контроля в сетях электросвязи);
- назначить техническую экспертизу документов.

3. Квалификация противоправного деяния.

При составлении протокола по электронной форме необходимо предусмотреть алгоритм, на основании заложенной информации в виде научно-практического комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь, постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, методических рекомендаций по квалификации преступлений. Это позволит направить следователя в верном направлении в связи с зачастую незначительным различием квалифицирующего фактора, от наличия которого квалификация изменяется в части одной статьи либо вовсе квалифицируется по другой статье более или менее тяжкой.

Например, одним из отличий кражи от грабежа является применение насилия, угрозы его применения, если потерпевший воспринимал ее как реальную, а сама угроза совпадала с требованием о передаче имущества, вещных прав во временном отношении. Безусловно, программное обеспечение не сможет учесть всех возможных вариантов следственных ситуаций. Однако следователю будет предлагаться определенная система действий, которая с учетом особенностей конкретного уголовного дела будет положена следователем в основу индивидуального плана расследования уголовного дела.

Таким образом, внедрение предложенных алгоритмов позволит повысить оперативность и грамотность проведения следственных и иных процессуальных действий, оптимизирует процесс взаимодействия следователя с должностными лицами иных государственных органов в рамках расследуемого уголовного дела, в целом будет способствовать принятию своевременных и законодательно обоснованных процессуальных решений, что повысит эффективность практической деятельности следственных органов.

Библиографический список

1. Официальный сайт Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/special/ru/news-ru/view/sledstvennyj-komitet-belarusi-izuchil-opyt-kazaxstana-po-perexodu-k-elektronnomu-formatu-vedeniya-ugolovnogo-8269/>. – Дата доступа: 21.11.2022.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВО НА РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н.О. Мороз

Белорусский государственный университет

В статье рассматривается влияние деятельности по обеспечению информационной безопасности на реализацию права на развитие. Кроме того, установлено, что использование информационно-коммуникационных технологий необходимо для достижения всех целей устойчивого развития, что предопределяет необходимость должного уровня обеспечения информационной безопасности. Выявлено, что влияние на реализацию права на развитие односторонних принудительных мер, принимаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий должно учитываться акторами, принимающими решения о таких мерах с учетом их обязанности по «обеспечению развития и устранения препятствий на его пути».

Ключевые слова: право на развитие, цели устойчивого развития, информационная безопасность, обеспечение информационной безопасности, киберсанкции

INFORMATION SECURITY AND THE RIGHT TO DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

N.A. Maroz

Belarusian State University

The article examines the influence of information security activities on the enjoyment of the right to development. In addition, it has been established that the use of information and communication technologies is necessary to achieve all the goals of sustainable development, which predetermines the need for an adequate level of information security. It was revealed that the impact of unilateral coercive measures adopted with the use of information and communication technologies on the enjoyment of the right to development should be taken into account by the actors making decisions on such measures, taking into account their obligation to «ensure development and eliminate obstacles to development».

Keywords: right to development, sustainable development goals, information security, information security, cyber sanctions

Право на развитие впервые было четко сформулировано в Декларации о праве на развитие, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 41/128 от 4 декабря 1986 г. Несмотря на то, что само по себе данное право вытекает из обязательств по Уставу ООН (п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 55 Устава

ООН), тесно связано с реализацией права народов на самоопределение (п. 2 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г.) Декларация о праве на развитие не была воспринята единогласно позитивно всеми государствами – членами ООН. Так за резолюцию, которой была принята рассматриваемая Декларация, проголосовали «за» - 133 государства; «против» - 11 государств; и воздержались от голосования 12 государств [1].

В настоящее время в академическом сообществе по-прежнему высказываются отдельные дискуссионные мнения, оспаривающие юридически обязательный характер права на развитие. В то же время в ООН широко признается, что данное право является неотъемлемым правом человека; обуславливает реализацию других прав человека. В рамках Совета ООН по правам человека функционирует мандат Специального докладчика по вопросу о праве на развитие, рабочая группа по праву на развитие, а также экспертный механизм по праву на развитие. В настоящее время ведется разработка конвенции по праву на развитие в рамках ООН.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Декларации о праве на развитие «право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами». Взаимосвязь между правом на развитие и другими правами человека четко прослеживается в формулировках целей устойчивого развития, их задач и показателей достижения. Не только устойчивое развитие создает необходимые условия для реализации прав человека, но и «права человека создают важные для устойчивого развития условия» [2]. Как подчеркивается ООН «каждая из 17 целей устойчивого развития (далее – ЦУР) прямо или косвенно отражает существующие принципы и стандарты в области прав человека, охватывая как экономические и социальные права, так и гражданские, политические, культурные права, а также право на развитие» [3].

В то же время как достижение ЦУР, так и реализация права на развитие имеют тесную взаимосвязь с вопросами поддержания международного мира и безопасности. Согласно п. 2 ст. 3 Декларации о праве на развитие «осуществление права на развитие требует полного уважения принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН».

В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г, принятого резолюцией Генеральной Ассамблеи 60/1 от 16 сентября 2005 г. не только было подтверждено, что развитие само по себе является центральной целью и

что устойчивое развитие представляет собой один из ключевых элементов в деятельности всей системы ООН, но и взаимосвязь мира и безопасности, развития и права человека (п. 9-10). Как подчеркивал К. Аннан «у человечества не будет безопасности без развития, оно не будет пользоваться благами развития без безопасности, и оно будет лишено и того, и другого без уважения прав человека» [4].

Недопустимость использования информационно-коммуникационных технологий в целях, противоречащих Уставу ООН, неоднократно становилась предметом обсуждения в рамках различных органов ООН, включая Совет Безопасности ООН и Генеральную Ассамблею ООН.

В контексте обязательств по Уставу ООН отдельные аспекты обеспечения информационной безопасности охватываются деятельностью по поддержанию международного мира и безопасности, тогда как другие скорее относятся к международному сотрудничеству в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера.

Реализация права на развития в настоящее время самым тесным образом связано с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

По данным Международного союза электросвязи ИКТ могут внести значительный вклад в ускорение реализации ЦУР. Более того, достижение всех целей в той или иной степени обусловлено надлежащим уровнем обеспечения информационной безопасности [5]. Так, например, технологии создают новые рабочие места, обеспечивают устойчивую работу и торговлю, а также в целом стимулируют социально-экономическое развитие [5]. То есть ИКТ не только ускоряют, но и в некоторых случаях обеспечивают достижение определенных целей устойчивого развития.

Не вызывает сомнений тот факт, что использование ИКТ предопределяет необходимость обеспечения, как минимум, целостности, доступности и конфиденциальности компьютерных систем и сетей, а также информации, хранящейся в них; необходимость противодействия противоправному использованию таких систем и сетей. На практике же, спектр угроз, возникающих в информационной сфере, гораздо шире

Тот факт, что рост использования ИКТ влечет и рост числа преступлений, совершаемых с их использованием, хорошо иллюстрирует ситуация, имевшая место в период пандемии COVID-19, когда мировое сообщество было вынуждено осуществлять обучение и трудовую деятельность во многих сферах в онлайн-режиме. Так, по оценкам Е. Касперского киберпреступность во время пандемии коронавируса выросла примерно на 20–25% [6]. Управление ООН по наркотикам и преступности также указывало

на прямую зависимость между увеличением числа пользователей онлайн-сетей и ростом числа совершаемых киберпреступлений [7].

Таким образом, активное использование ИКТ для более полного и скорейшего достижения ЦУР требует обеспечения надлежащего уровня обеспечения информационной безопасности.

Представляется возможным выделить следующие проблемы полной реализации права на развитие в контексте обеспечения информационной безопасности:

Во-первых, рост применения односторонних принудительных мер с использованием ИКТ влечет исключение определенных стран из определенных сфер сотрудничества в области использования ИКТ, и таким образом, препятствует народам этих государств в реализации их права на развитие. Так, расширяющаяся практика блокирования аккаунтов в социальных сетях [8], предотвращения доступа к банковским услугам онлайн; кампаний по диффамации в рамках санкционных режимов; блокирование доступа к онлайн-платформам и услугам; публичное наблюдение за социальными сетями и требовать от платформ удаления соответствующих твитов, блогов и личных сообщений и др. [9]. Подобные меры оказывают негативное влияние на реализацию очень многих прав человека, включая право на развитие (как индивидуальное, так и коллективное), поскольку целый ряд государств лишается возможности участвовать в пользовании благами, являющимися результатом развития ИКТ (участвовать в научной деятельности; получать доступ к справедливому распределению результатов экономической деятельности; закупать медицинские препараты и средства профилактики заболеваний; осуществлять образовательную деятельность с использованием ИКТ и (или) участвовать с международным сотрудничеством в данной области и т.д.). Все это несомненно не способствует реализации п. 3. ст. 3 Декларации о праве на развитие, который гласит, что «государства должны сотрудничать друг с другом в обеспечении развития и устранения препятствий на его пути. Государства должны осуществлять свои права и выполнять свои обязанности таким образом, чтобы содействовать установлению нового международного экономического порядка, основанного на суверенном равенстве, взаимозависимости, взаимной заинтересованности и сотрудничестве между всеми государствами, а также поощрять соблюдение и осуществление прав человека».

Во-вторых, система оценки достижения показателей устойчивого развития даже в отношении цели 16, которая в высокой степени обусловлена надлежащим уровнем обеспечения информационной безопасности не рассматривает данные аспекты.

ЦУР 16 будет достижима в неприемлемо низкой степени, при отсутствии эффективной системы противодействия киберпреступности. Прак-

тически все задачи, обозначенные в рамках ЦУР 16, не могут быть реализованы при отсутствии надлежащей системы обеспечения информационной безопасности по направлению противодействия киберпреступности; международного сотрудничества в борьбе с киберпреступности; обеспечения безопасности предоставления электронных государственных услуг, гарантирования права на доступ к информации; наличия соответствующего потенциала для обеспечения информационной безопасности и противодействия киберпреступности, в частности (задачи 16.2 (показатели 16.2.2-16.2.3); 16.3 (показатели 16.3.1); 16.4; 16.6 (показатель 16.6.2); 16.10; 16b). В этой связи представляется, что ЦУР 16 относится к ЦУР в высокой степени обусловленной необходимым уровнем обеспечения информационной безопасности.

В то же время только в докладе о целях в области устойчивого развития за 2020 г. оцениваются показатели достижения данной цели в контексте использования ИКТ и (или) противодействия киберпреступности, которое является одним из важных направлений обеспечения информационной безопасности [10]. Это же справедливо и по отношению к оценке других ЦУР, которые в меньшей степени обусловлены необходимостью надлежащего обеспечения уровня информационной безопасности.

В-третьих, недостаточность правового регулирования в области международно-правового регулирования сотрудничества государств в области обеспечения информационной безопасности и противодействия киберпреступности. В наших предыдущих научных исследованиях неоднократно обращалось внимание на данный аспект [11; 12 и др.]. Регионализация и фрагментация международного права в данной области не способствует выстраиванию универсального механизма обеспечения информационной безопасности, что порождает целый комплекс проблем практического плана. Отсутствие гармонизации законодательства в уголовной и уголовно-процессуальной сфере, регламентирующего вопросы противодействия киберпреступности; а также для осуществления сотрудничества в данной сфере не способствует реализации принципа неотвратимости ответственности за совершение таких противоправных деяния, и как следствие, очень негативно может сказываться на реализации ЦУР 16, а также в различной степени влиять на достижение других ЦУР. Недостаточность технического потенциала государств в сфере информационной безопасности, которая в некоторых ситуациях (например, в случае принятия односторонних санкций против таких государств) усугубляется отказом от технической помощи и (или) сотрудничества с такими государствами создает условия для различного рода противоправных посягательства против ИКТ таких государств; отсутствие возможности у данных государств устанавливать факты совершения, а также пресекать киберпреступления, совершаемые с их тер-

ритории против прав других государств, а также их физических и юридических лиц.

На основании изложенного выше можно прийти к выводу, что тесная взаимосвязь вопросов обеспечения информационной безопасности и реализации права на развитие предопределяет необходимость не только постоянного учета данного обстоятельства при мониторинге достижения ЦУР, но и в рамках международного сотрудничества государств по иным вопросам. Так, влияние на реализацию права на развитие односторонних принудительных мер должно учитываться акторами, принимающими решения о таких мерах с учетом их обязанности по «обеспечению развития и устранения препятствий на его пути».

Библиографический список

1. Резолюции 41-й сессии (1986 год) [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/41/docs/41res.shtml>. – Дата доступа: 10.09.2022.

2. Продвижение устойчивого развития через права человека [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/about-us/what-we-do/our-roadmap/advancing-sustainable-development-through-human-rights>. – Дата доступа: 11.09.2022.

3. Цели устойчивого развития, права человека и COVID-19: что важно знать каждому? [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://belarus.un.org/ru/130626-celi-ustoychivogo-razvitiya-prava-cheloveka-i-covid-19-cto-vazhno-znat-kazhdomu>. – Дата доступа: 12.09.2022.

4. При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех : доклад Генерального секретаря, A/59/2005 , 21 марта 2005 г. [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2005/largerfreedom.shtml. – Дата доступа: 11.09.2022.

5. Цифровые технологии для достижения ЦУР ООН [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/icts-to-achieve-the-united-nations-sustainable-development-goals.aspx>. – Дата доступа: 12.09.2022.

6. Касперский: пандемия привела к росту киберпреступности [Электронный ресурс] / Право.ru. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/227639/>. – Дата доступа: 12.09.2022.

7. Киберпреступность и коронавирус COVID19: риски, угрозы и ответные меры [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/Russian_-_UNODC_-_CYBERCRIME_AND_COVID19_-_Risks_and_Responses_v1.2_-_14-04-2020_-_CMLS-COVID19-CYBER1_-_UNCLASSIFIED_BRANDED.pdf. – Дата доступа: 10.09.2022.

8. Douhan A. The changing nature of sanctions in the digital era // Digital transformations in public international law. – Nomos: Baden-Baden. – 2022. – Vol. 317. - P. 126.

9. Односторонние санкции в киберпространстве: тенденции и проблемы: Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань, A/77/296 [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: [https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/464/12/PDF/N2246412.pdf?](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/464/12/PDF/N2246412.pdf?OpenElement)

OpenElement. – Дата доступа: 12.09.2022.

10. Доклад о целях в области устойчивого развития, 2020 год [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020-Russian.pdf>. – Дата доступа: 10.09.2022.

11. Maroz, N. Regionalization of international cooperation in the fight against cybercrime / N. Maroz // Law Review. – 2019. – Vol. X, Issue 2. – P. 218–229.

12. Мороз, Н.О. Особенности международно-правового регулирования обеспечения информационной безопасности на постсоветском пространстве / Н.О. Мороз // Сборник статей финалистов конкурса молодых международников СНГ имени А. А. Громько / под ред. В. В. Сутырина, А. С. Пешенькова. – М. : Институт Европы РАН. – 2020. – С. 264-275.

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭКОЛОГИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ИНСПЕКТОРЫ ОХРАНЫ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО
МИРА КАК СУБЪЕКТЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА**

О.В. Мороз

Белорусский государственный университет

В статье рассматривается взаимосвязь деятельности общественных экологов с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды, а общественных инспекторов охраны животного и растительного мира с Государственной инспекцией охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь и их территориальными органами. Обосновываются предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства в области охраны окружающей среды.

Ключевые слова: общественный эколог, общественных инспектор охраны животного и растительного мира, охрана окружающей среды, правовой статус, контроль.

**PUBLIC ENVIRONMENTALISTS AND PUBLIC INSPECTORS FOR
THE PROTECTION OF FLORA AND FAUNA AS SUBJECTS CON-
TRIBUTING TO THE IMPLEMENTATION OF THE ECOLOGICAL
FUNCTION OF THE STATE**

O.V. Moroz

Belarusian State University

The article considers the interrelation of the activities of public environmentalists and the Ministry of Natural Resources and Environmental Protection, as well as activities of public inspectors for the protection of flora and fauna and the State Inspectorate for the Protection of Animals and Plants under the President of the Republic of Belarus and their territorial bodies. The proposals for further improvement of legislation in the field of environmental protection are provided.

Keywords: public environmentalist, public inspector for the protection of flora and fauna, environmental protection, legal status, control.

Граждане Республики Беларусь могут быть наделены дополнительными правами и обязанностями в сфере охраны окружающей среды, получив правовой статус общественного эколога или общественного инспектора охраны животного и растительного мира (далее – общественный ин-

спектор). По данным Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды (далее – Минприроды Республики Беларусь) по состоянию на август 2022 г. в состав общественных экологов включено около 500 граждан Республики Беларусь [1]. В сравнении, по информации на ноябрь 2010 г. 1001 человек осуществлял работу в качестве общественных инспекторов охраны природы [2], преемниками которых являются общественные экологи и общественные инспекторы.

Деятельность общественных экологов взаимосвязана с деятельностью Минприроды Республики Беларусь и его территориальных органов, а общественных инспекторов – с Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь (далее – Государственная инспекция) и ее территориальных органов. С одной стороны, они содействуют указанным государственным органам, а с другой стороны, государственные органы формируют состав рассматриваемых представителей общественности, организуют их работу, применяют к ним меры поощрения. Существует необходимость дальнейшего совершенствования законодательства по данным аспектам.

Так, по поводу деятельности общественных экологов в законодательстве содержится такое абстрактное положение как оказывать содействие Минприроды Республики Беларусь и его территориальным органам в проведении природоохранных мероприятий [3, ст. 15-1]. Требуется уточнение таких природоохранных мероприятий или установление их примерного круга, что сделает более определенным правовой статус общественных экологов. В данном контексте представляет интерес формулировка касательно общественного инспектора охраны природы, который обязан был содействовать органам Минприроды Республики Беларусь как в осуществлении мероприятий по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, так и государственного контроля в данной сфере. Отмеченное разграничение позволяло корректно понимать направления его деятельности [4, п. 9].

В случае, если деятельность общественных экологов будет включать содействие Минприроды Республики Беларусь в осуществляемом им контроле, то следует оговорить сферу такого контроля, изложенную в ч. 2 ст. 87 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», по аналогии с общественными инспекторами. Это поспособствует более четкому разграничению компетенции общественных экологов и общественных инспекторов по такому направлению как контрольная деятельность.

На наш взгляд, требует определенности и вопрос о направлениях содействия общественного инспектора в проведении Государственной инспекцией контроля. Существует правовая норма о содействии в его проведении в целом. Можно выделить несколько форм контроля в области

охраны окружающей среды, проводимых Государственной инспекцией, так как государственный контроль включает кроме проверок еще и мероприятия технического (технологического, поверочного) характера, меры профилактического и предупредительного характера, а также в сфере охраны окружающей среды существует специфическая форма контроля – полевые контрольные мероприятия [3, ст. 87; 5, п. 1]. Однако, в перечне прав общественного инспектора акцентируется внимание на участии совместно с должностными лицами Государственной инспекции в проведении полевых контрольных мероприятий. Ранее в законодательстве закреплялось положение, согласно которому они имели право принимать участие совместно с должностными лицами данного государственного органа в проведении проверок субъектов хозяйствования. Возможно его отмена также связана с запретом на осуществление общественного контроля в форме проведения проверок организациями и физическими лицами за исключением профессиональных союзов [3, ст. 87; 5, п. 1; 6, п. 1, 5, 22].

Тем не менее, обоим субъектам не допускается поручать самостоятельное производство действий, составляющих исключительную компетенцию должностных лиц Минприроды Республики Беларусь и Государственной инспекции [6, п. 17; 7, п. 12]. Формулировка требует уточнения, так как не совсем понятно «исключительная компетенция» в сравнении с другими государственными органами или в рамках полномочий данных государственных органов. Полагаем, что это, к примеру, составление актов об установлении факта причинения вреда окружающей среде, вынесение обязательных для выполнения требований (предписаний) об устранении нарушений соответствующего законодательства, изъятие орудий и средств, с использованием которых осуществляется воздействие на природные ресурсы [3, ст. 88; 8, п. 10-18; 9]. Целесообразно изложить в законодательстве действия, которые можно поручать общественным экологам и общественным инспекторам осуществлять самостоятельно, а также разграничить работу, выполняемую в соответствии с поручениями природоохранных органов от деятельности, которая возможна и по их личной инициативе.

Организацию работы общественных экологов осуществляют начальники структурных подразделений областных (Минского городского) комитетов природных ресурсов и охраны окружающей среды, а руководство деятельностью общественных инспекторов – руководители структурных подразделений Государственной инспекции, при которых они состоят. Во многом обязанности указанных должностных лиц совпадают: организация работы и обучения, оказание практической помощи, оценка работы общественных экологов и инспекторов, а также разработка мероприятий по ее эффективности. Как видится, главное отличие заключается в характере

осуществляемых действий: в случае с общественными экологами – координирующая роль со стороны должностных лиц, а в ситуации с общественными инспекторами – более императивный характер действий. Так, возлагается обязанность по контролю за работой общественных инспекторов и за соблюдением ими законности. Кроме того, должностные лица обязаны обеспечивать их безопасность при проведении природоохранных мероприятий. При этом у общественного инспектора имеется право применять к нарушителям соответствующего законодательства физическую силу. В отношении общественного эколога применяются меры поощрения, а в отношении общественного инспектора могут применяться и меры взыскания за ненадлежащее исполнение обязанностей: предупреждение, исключение из состава общественных инспекторов [6, п. 15-16, 22, 25-26; 7, п. 9-10, 14-15]. Это является дополнительным подтверждением того, что правовой статус общественного эколога имеет сходство со статусом гражданина, а для правового положения общественного инспектора характерны и некоторые полномочия должностных лиц государственных органов, осуществляющих контрольную функцию.

Библиографический список

1. Определены общественные экологи, достигшие наилучших показателей в работе [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды. – 2022. – Режим доступа : <https://minpriroda.gov.by/ru/news-ru/view/opredeleny-obschestvennye-ekologi-dostigshie-nailuchshix-pokazatelej-v-rabote-4366/>. – Дата доступа : 10.11.2022.
2. Внештатные защитники. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды делает ставку на общественных инспекторов [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – 2022. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/vneshtatnye-zashchitniki-ministerstvo-prirodnikh-resursov-i-okhrany-okruzhayushchey-sredy-delaet-stavku-na-obshchestvennykh-inspektorov.html>. – Дата доступа : 10.11.2022.
3. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Положения об общественном инспекторе охраны природы [Электронный ресурс] : Приказ Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 05 апреля 1999 № 87 : с изм. и доп. [утратил силу] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, от 16 октября 2009 № 510 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Положение о деятельности общественных инспекторов охраны животного и растительного мира [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 мая 2009 № 688 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Положение о порядке деятельности общественных экологов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июня 2013 № 504 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Положение о Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 15 июля 2019 N 269 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

9. Положение о Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июня 2013 N 503 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНТРОЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

А.А. Пилипенко

Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются научные и прикладные подходы по вопросу временных ограничений при проведении контрольных мероприятий. Делается вывод о недопустимости осуществления контролирующими органами проверочных мероприятий после истечения сроков проверки, в том числе для подтверждения своей позиции в судебных инстанциях. Обосновывается предложение об исключении из законодательства неполного выяснения обстоятельств как основания внесения изменений и (или) дополнений в акт проверки.

Ключевые слова: проверка, срок проверки, налоговый контроль, продолжительность налоговой проверки.

THE TIME LIMITS OF THE TAX CONTROL ENACTMENTS

A.A. Pilipenko

Belarusian State University

The article focuses on scientific and practical approaches to the issue of time limits during tax control enactments. Author concludes that it is inadmissible for the regulatory authorities to carry out verification activities after the expiration of the verification period, including the confirmation of their statement in the courts. Author proposes to exclude from the legislation an incomplete clarification of circumstances as a basis for making changes and (or) additions to the inspection act.

Keywords: audit, audit period, tax control, tax audit duration.

Законодательством предусмотрен вариативные максимальные сроки проведения проверок в зависимости от их видовых особенностей. В соответствии с частью первой п. 26 Положения о порядке организации и проведения проверок, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 (далее – Положение и Указ № 510) в отношении индивидуальных предпринимателей, нотариусов, лиц, осуществляющих ремесленную деятельность, деятельность в сфере агроэкотуризма, временных (антикризисных) управлений, не являющихся юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, не может превышать пятнадцати

рабочих дней; в отношении иных проверяемых субъектов – тридцати рабочих дней.

В отношении выборочных и внеплановых проверок вышеуказанные сроки, по основаниям, предусмотренным п. 28 Положения, по решению руководителя государственного органа или его уполномоченного заместителя может быть однократно продлено на срок не более 15 рабочих дней.

В отношении внеплановых тематических оперативных и дополнительных проверок установлены следующие сроки их проведения – не более трех рабочих и десяти рабочих дней, соответственно (ч. 3 и 4 п. 26 Положения).

Следует констатировать, что Указ № 510 закрепил одновременно и унифицированный, и дифференцированный подходы к определению сроков с целью обеспечения правовых гарантий каждому субъекту предпринимательской деятельности и обоснованного и мотивированного учета юридически значимых и объективно обусловленных различий между определенными категориями проверяемых субъектов в контексте их взаимоотношений с контролирующими органами.

С количественной точки зрения, временные обременения должностных лиц контролирующих органов в отношении субъектов хозяйствования дополняются также сроками приостановления проверки – не более трех месяцев (в случае направления запроса в компетентные органы иностранных государства – не более шести месяцев). Несмотря на то, что законодатель не включает период, на который проверка приостанавливается, в общий срок проведения проверки (ч. 2 п. 26 Положения), выскажем мнение, расширительное понимание которого заслуживает отдельного исследования, что приостановление проверки является составной частью срока проверки. Например, направление запроса в компетентные органы в отношении проверяемого субъекта, как обстоятельства приостановления проверки, следует рассматривать как осуществление контрольных мероприятий, запрет на проведении которых и предусматривает реально прикладная реализация института приостановления проверочной деятельности.

Таким образом, правоприменитель в лице должностных лиц контролирующих органов получил в свое распоряжение не только широкий инструментарий воздействия на субъекты предпринимательской деятельности, но и достаточно широкий временной диапазон его реализации.

Значительный максимальный срок проверки детерминирует в научной среде соответствующий тренд на его осмысление в контексте как необходимости определения четких и неизменных сроков проверки, так и возможного умаления правового положения налогоплательщика в случае их несоблюдения. Например, С.А. Ядрихинский справедливо отмечает, что «ограничение жесткими временными рамками контрольных процедур вно-

сит правовую определенность в отношении «государство – налогоплательщик». Налогоплательщик приобретает уверенность или гарантии того, что он не будет бесконечно долго находиться «под прицелом» проверяющих в состоянии правовой неопределенности» [1, с. 178]. И далее данный автор ведет речь о последствиях несоблюдения сроков проверки: «Нарушение сроков выездной проверки приводит к затягиванию состояния напряжения, неоправданно большому беспокойству, нарушает законные ожидания налогоплательщика, приводит к дискомфорту, ограничению свободы предпринимательской деятельности» [1, с. 179]. С точки зрения Н.В. Бобраковой и Ю.М. Литвиновой, которая базируется на реализации гарантий более слабой стороны налогового правоотношения, которой является налогоплательщик, «расширительное толкование сроков выездной проверки, иных сроков в рамках мероприятий налогового контроля не способствует реализации конституционных гарантий свободы экономической деятельности, охраны частной собственности, запрета несоразмерного ограничения прав частных лиц, а также процедурных гарантий прав налогоплательщиков» [2, с. 60].

В особом мнении к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева» (далее – постановление № 14-П) судья А.Л. Кононов указал, что «неопределенная длительность и не ограниченное по времени вмешательство контрольных органов в экономическую деятельность налогоплательщика может представлять угрозу его деловой репутации, кредитоспособности, отношениям с партнерами, стабильности и планированию хозяйственных операций, создает недопустимую неопределенность его правового положения, вполне сопоставимого с положением подозреваемого в совершении правонарушения» [3].

Само же постановление № 14-П актуализировало проблему соблюдения принципа недопустимости неограниченного по времени налогового контроля, т.к. в данном акте обращается внимание на то, что избыточные или неограниченные по времени меры налогового контроля недопустимы, поскольку в таких случаях контроль превращается в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и прав собственности [3]. В развитие данного положения отметим мнение Е.М. Леонова, который отмечает следующее: «В такой ситуации налогоплательщик не может нормально вести экономическую деятельность, строить долгосрочные планы развития бизнеса, вынужден на долгое время исключить из своего оборота денежные средства, чтобы создать резервы на покрытие ожидаемых налоговых

рисков. В результате как для налогоплательщика, так и для потенциальных инвесторов сильно ухудшается экономическая привлекательность бизнеса в целом» [4, с. 16].

В контексте соблюдения вышеуказанного принципа С.А. Ядрихинский выдвигает идею о разумной продолжительности налоговой проверки, в рамках которой «осуществление контрольной деятельности в разумный срок преследует цель максимально снизить негативное воздействие на хозяйственную деятельность налогоплательщика, что возможно лишь с помощью государства, создающего для этого необходимые институциональные и процессуальные условия, призванные гарантировать права и обеспечивать законные интересы проверяемого лица» [1, с. 177].

По нашему мнению, разрешения вопроса о сроках проверки должно находиться не в плоскости его количественной атрибутивности в контексте поиска приемлемого варианта, в том числе разумного как для субъекта предпринимательской деятельности, так и государства, а в невозможности осуществления контрольных мероприятий за рамками сроков проверки. Такая невозможность прямо постулируется в п. 26 Положения, в котором срок проведения проверки определяется через категорический запрет «не может», что представляет собой обращенное к должностным лицам контролирующих органов категорическое требование, пресекающую любую возможность проведения контрольных мероприятий за обозначенными законодательством сроками.

В практической плоскости нарушение данного запрета характеризуется двойственной вариацией. В налогово-правовой науке существует дискуссия по вопросу легитимности доказательств, представляемых в судебные инстанции контролирующими органами, полученных по истечении срока проверки.

Суждения первой группы авторов [5, с. 119] во многом предопределены позицией Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, согласно которой проведение камеральной проверки за пределами срока, предусмотренного ст. 88 НК России, не может повлечь отказа в удовлетворении предъявленного с соблюдением срока, предусмотренного п. 3 ст. 48 НК России, требования налогового органа о взыскании налога и пени [6, п. 9].

Вторая группа авторов считает, что документы, полученные за рамками налоговой проверки в нарушение установленной законодательством процедуры сбора доказательств совершенного налогоплательщиком правонарушения, не могут быть признаны допустимыми доказательствами [7, с. 12; 8; 9; 10]. Как отмечает К.А. Сасов, «налоговый орган ни при каких обстоятельствах не вправе представлять непосредственно в суд дополнительные доказательства налоговых правонарушений, не выявленные им в

ходе налоговой проверки» [10, с. 13].

Так как контролирующий орган полагает, что сроки проведения проверки не являются пресекательными и их истечение не препятствует выявлению им нарушений законодательства или представление новых доказательств для обоснования своей позиции в судебных инстанциях, аргументация второй группы ученых базируется также на правильном тезисе об отсутствии у проверяющих компетенции после окончания проверочных мероприятий. Как справедливо отмечает С.А. Ядрихинский, «компетенцию налогового органа в налоговой сфере как сфере властной деятельности государства следует рассматривать только в тех пределах, в которых этой компетенцией наделил его законодатель. Произвольный выход за очерченные законом границы компетенции будет означать действие с превышением полномочий, не влекущим для налогоплательщика правовых последствий» [1, с. 181]. Абсолютное нивелирование полномочий должностных лиц налоговых органов за сроками проведения проверки наблюдается у А.Р. Султанова: «Истечение сроков проверки влечет невозможность составления акта проверки, поскольку компетенции за пределами этих сроков у налогового органа просто нет, и проверка должна считаться завершённой без замечаний» [11, с. 11]. Конструирование положительной реальности по вопросу отрицания дискреционных полномочий у проверяющих после истечения сроков проверки прослеживается в правовой позиции КС РФ в постановлении № 14 «Превышение налоговыми органами (их должностными лицами) своих полномочий либо использование их вопреки законной цели и охраняемым правам и интересам граждан, организаций, государства и общества несовместимо с принципами правового государства» [3].

Отсутствие компетенции, соответственно, делает недопустимыми доказательства, полученные контролирующим органом за рамками сроков проверки, т.к. они получены с нарушением законодательства. Доказательства, добытые за рамками сроков проведения проверки, не соответствуют конституционному императиву ст. 27 Конституции Республики Беларусь 1994 года, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Более того, действия по добыванию доказательств вне рамок проверки следует квалифицировать как незаконное вмешательство в деятельность проверяемого субъекта, которое исходя из части первой п. 3 Указа № 510 прямо запрещено.

В соответствии с частью третьей ст. 100 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3 (далее – ХПК) при рассмотрении спора о признании недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица обязанность

доказывания законности оспариваемого акта возлагается на орган или лицо, его принявшие. Контролирующий орган должен доказать обстоятельства, послужившие основанием для вынесения решения по акту проверки, подтвердив, что данные основания существовали на момент вынесения решения, которое оспаривается в судебном порядке. Представление доказательств после вынесения решения (даже если они подтверждают совершение проверяемым субъектом неправомерных действий) свидетельствует о том, что при принятии решения по акту проверки должностным лицом контролирующего органа не были определены все необходимые для данной процедуры фактические обстоятельства, а это ставит под сомнение обоснованность и законность его действий.

По нашему мнению, суды, оценивая законность решений, принятых контролирующими органами по результатам проверки, должны исходить из того объема сведений и документов, которыми обладал контролирующий орган на момент принятия спорного решения. Реализация контролирующим органом права в соответствии с частью седьмой ст. 100 ХПК на представление дополнительных доказательств свидетельствует о том, что на момент вынесения оспариваемого решения оно в определенной степени основывалось на не подтвержденных документально фактах и данных о деятельности проверяемого субъекта, что прямо запрещено частью четвертой п. 59 Положения.

В заключении хотелось бы отметить, что разрешение вопроса о сроках проверки должно находиться не только в плоскости установления временных ограничений для должностных лиц контролирующего органа, но и в невозможности последними осуществления любых контрольных мероприятий по истечении проверки.

Представление контролирующим органом новых доказательств по окончании проверки свидетельствует о том, что на момент вынесения решения по акту проверки оно основывалось на не подтвержденных документально фактах и данных о деятельности проверяемого субъекта, что является нарушением законодательства (ч. 4 п. 59 Положения).

Библиографический список

1. Ядрихинский, С.А. Разумная продолжительность налоговой проверки как законный интерес налогоплательщика / С.А. Ядрихинский // Актуальные проблемы рос. права. – 2021. – № 18. – С. 176–185.
2. Бобракова, Н.В. Соблюдение сроков проведения выездной налоговой проверки как процедурная гарантия защиты прав налогоплательщиков / Н.В. Бобракова, Ю.М. Литвинова // Налоговед. – 2021. – № 9. – С. 52–62.
3. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа [Электронный ресурс] : Поста-

новление Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 июля 2005 г., № 9-П // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2022.

4. Леонов, Е.М. Затягивание сроков на принятие актов и решений по налоговым проверкам – защита или нарушение прав налогоплательщиков? / Е.М. Леонов // Налоговед. – 2019. – № 11. – С. 10–20.

5. Кузнецов, П.Л. Милиции доверяй, но проверяй / П.Л. Кузнецов // Налоговые споры: опыт России и других стран : по мат. II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21–22 нояб. 2008 г. : сб. статей; сост. М.В. Завязочникова ; под ред. С.Г. Пепеляева. – М. : Статут, 2009. – 383 с.

6. Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений части первой НК РФ [Электронный ресурс]: информ. письмо Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации, 17 марта 2003 г., № 71 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

7. Береснева, Н.В. Пояснения учредителей и руководителей недобросовестных поставщиков как доказательства в суде / Н.В. Береснева // Ваш налоговый адвокат. – 2009. – № 1. – С. 8–16.

8. Брызгалин, А.В. Может ли налоговый орган использовать документы, полученные после вынесения решения по результатам налоговой проверки? / А.В. Брызгалин, М.В. Симонов // Налоги и финансовое право. – 2009. – № 9. – 189–190.

9. Панченков, А.А. Судебное доказывание или продолжение проверки? / А.А. Панченков // Налоговые споры: теория и практика. – 2005. – № 3. – С. 25–26.

10. Сасов, К.А. О дополнительных доказательствах налоговых правонарушений / К.А. Сасов // Налоговые споры: теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 11–13.

11. Султанов, А.Р. Новояз или что такое приостановление выездной налоговой проверки / А.Р. Султанов // Адвокат. – 2016. – № 4. – С. 5–15.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ НАЛОГОВОЙ И БАНКОВСКОЙ ТАЙН

Ар.А. Пилипенко

Белорусского государственного университета

В статье рассматриваются вопросы соотношения налоговой и банковской тайн. Обосновывается положение о том, что сведения, входящие в кредитную историю, относятся к налоговой тайне. Делается вывод о системообразующем характере налоговой тайны, которая представляет собой сложный комплексный правовой институт.

Ключевые слова: тайна, налоговая тайна, информация, доступность информации, правовой режим, банковская тайна.

APPLIED ASPECTS OF THE CORRELATION BETWEEN TAX AND BANKING SECRECY

Ar.A. Pilipenko

Belarusian State University

The article deals with the issues of the correlation of tax and banking secrecy. The article substantiates the position that the information included in the credit history belongs to the tax secrecy. The conclusion about the system-forming nature of tax secrecy, which is a compound complex legal institution, is made.

Keywords: secrecy, tax secrecy, information, availability of information, legal regime, banking secrecy. security.

В соответствии с ч. 1 ст. 121 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З (далее – БК) к банковской тайне относятся сведения: о счетах и вкладах (депозитах), в том числе о наличии счета в банке, его владельце, номере и других реквизитах счета, размере средств, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах); конкретных сделках; операциях без открытия счета; операциях по счетам и вкладам (депозитам); имуществе, находящемся на хранении в банке.

В рамках соотношения банковской и налоговой тайны важным представляется вопрос о том, кому предоставляются сведения, составляющие банковскую тайну. Особенно это актуально при проведении соответствующих контрольных мероприятий, а также в процессе исполнения налогового обязательства.

Порядок представления сведений, составляющих банковскую тайну юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, установлен, в частности, ч. 3 ст. 121 БК. Сведения, составляющие банковскую тайну юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, представляются банком им самим и их уполномоченным представителям, на основании письменного согласия таких лиц, лично представленного банку, либо согласия, представленного банку в электронном виде с применением программно-аппаратных средств и технологий, позволяющих достоверно установить, что оно исходит от соответствующих лиц, – любому третьему лицу, в объеме, необходимом для выполнения договора оказания аудиторских услуг, – аудиторским организациям (аудиторам – индивидуальным предпринимателям), оказывающим юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю аудиторские услуги. В случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, в том числе БК, сведения, составляющие банковскую тайну юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, представляются банком:

- судам – по находящимся в их производстве делам;
- судебным исполнителям – по судебным постановлениям и иным исполнительным документам, находящимся в их производстве;
- прокурору или его заместителю, а также с санкции прокурора или его заместителя органам дознания и предварительного следствия – по находящимся в их производстве материалам и (или) уголовным делам;
- специальным подразделениям по борьбе с коррупцией и организованной преступностью органов внутренних дел;
- подразделениям по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел – с санкции прокурора или его заместителя;
- Оперативно-аналитическому центру при Президенте Республики Беларусь;
- органам Комитета государственного контроля Республики Беларусь (далее – КГК);
- органам государственной безопасности Республики Беларусь;
- налоговым и таможенным органам;
- нотариусам для совершения нотариальных действий;
- Национальному банку.

Из приведенного перечня видно, что в круг субъектов, которым могут быть предоставлены сведения, составляющие банковскую тайну, относятся, в том числе, и налоговые органы.

Также обратим внимание, что не всем госорганам требуется санкция прокурора или его заместителя для получения сведений, составляющих банковскую тайну. Например, санкция не требуется специальным подразделениям по борьбе с коррупцией и организованной преступностью (спец-

подразделения), органам КГК (абз. 5, 8 ч. 3 ст. 121 БК). Такой подход законодателя к дифференциации правоохранительных органов в связи с получением сведений, составляющих банковскую тайну, не обоснован. На практике его применение может являться причиной злоупотреблений в получении данных сведений. Для отдельных органов дознания делается исключение, при этом возникает ряд вопросов.

Например, к органам дознания относятся органы финансовых расследований (абз. 5 ч. 1 ст. 2, ст. 7 Закона Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь»). Как органы дознания они обязаны получить санкцию прокурора (его заместителя) на получение сведений, составляющих банковскую тайну, по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам (абз. 4 ч. 3 ст. 121 БК). Но они же как органы КГК могут получать указанную информацию без соответствующей санкции (абз. 8 ч. 3 ст. 121 БК).

В практике имеются ситуации, когда органы финансовых расследований при отсутствии в их производстве материалов и уголовных дел обращаются в банк с запросом о представлении сведений, составляющих банковскую тайну, со ссылкой в качестве основания данного запроса на их отнесение к органам КГК (абз. 8 ч. 3 ст. 121 БК).

Противоречие одной и той же нормы БК препятствует однозначному ее пониманию и применению на практике. Необходим единый подход к получению сведений, составляющих банковскую тайну. Представляется, что органы финансовых расследований как органы дознания должны получать санкции прокурора (его заместителя). Полагаем, если органы дознания и предварительного следствия должны получать санкцию прокурора (его заместителя), то тем более данную санкцию должны получать спецподразделения и органы КГК и госбезопасности, не относящиеся к таковым. Данное условие необходимо не только для единообразия в применении запросов, но и для стабильности взаимоотношений между банками и государством, которое заинтересовано в объемных и долгосрочных денежных сбережениях.

Банки обязаны представлять в Министерство финансов Республики Беларусь (далее – Минфин), его территориальные органы, местные финансовые органы, финансовые органы администраций районов в г. Минске сведения, составляющие банковскую тайну юридических лиц, в случаях и объеме, установленных законодательными актами Республики Беларусь в сфере бюджетного законодательства Республики Беларусь (ч. 4 ст. 121 БК).

Такие случаи установлены Бюджетным кодексом Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 412-3 (далее – БдК). Так, Минфин, его террито-

риальные органы, местные финансовые органы имеют право получать от банков информацию об остатках и движении средств на текущих (расчетных) банковских счетах, счетах по учету средств соответствующего бюджета и иных средств в соответствии с законодательством (подп. 1.11 п. 1 ст. 104 БдК). Вышеуказанные органы и финансовые органы администраций районов имеют право запрашивать у банков информацию о состоянии текущих (расчетных) банковских счетов органов госуправления, иных организаций, использующих средства республиканского бюджета, местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов, и о движении бюджетных средств по счетам их получателей (п. 3 ст. 128 БдК).

Перечень органов и организаций, имеющих право на получение сведений, составляющих банковскую тайну физических лиц, приведен в ч. 5 ст. 121 БК.

Содержащийся в ч. 3, 5, 7 ст. 121 БК перечень органов и организаций, имеющих право на получение сведений, составляющих банковскую тайну, не является исчерпывающим. Сведения, составляющие банковскую тайну, представляются банком в иных случаях, если это предусмотрено законодательными актами Республики Беларусь (ч. 8 ст. 121 БК).

В данном случае мы имеем дело с бланкетным способом изложения нормы, когда законодателем делается отсылка к нормам, изложенным в иных нормативных правовых актах. В ситуации, относящейся к раскрытию банковской тайны, такой подход, на наш взгляд, неприемлем, поскольку норма ч. 8 ст. 121 БК допускает наличие неограниченного количества лиц, имеющих право на получение сведений, составляющих банковскую тайну.

Отдельно применительно к данной норме БК рассмотрим вопрос о представлении сведений, составляющих банковскую тайну, в пользу автоматизированной информационной системы исполнения денежных обязательств (далее – АИС ИДО). АИС ИДО начала действовать с 1 января 2020 г. на основании Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2018 г. № 414 «О совершенствовании безналичных расчетов» (далее – Указа № 414). АИС ИДО создана, в частности, для обеспечения исполнения обязательств плательщиков путем взыскания в бесспорном порядке денежных средств со счетов в банках.

Взаимодействие между АИС ИДО и банками осуществляется путем передачи информации о наличии счетов в банке, их реквизитов, денежных средств на счетах и операциях по счету. Это сведения, относящиеся к банковской тайне.

Поскольку Указ № 414 относится к законодательным актам, в данной ситуации применяется норма ч. 8 ст. 121 БК, являющаяся основанием для представления сведений, относящихся к банковской тайне, в рамках функционирования АИС ИДО.

Очень важной нормой, применительно к вопросу соотношения банковской и налоговой тайн, является ст. 86 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 168-З (далее – НК).

Банки обязаны на основании запроса представлять Министерству по налогам и сборам Республики Беларусь и (или) инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по городу Минску информацию об операциях по переводу денежных средств, электронных денег, осуществленных в адрес иностранных организаций, оказывающих услуги в электронной форме для физических лиц (абз. 2 п. 3 ст. 86 НК).

Несмотря на приведенный выше исчерпывающий перечень, законодательство может предусматривать возможность представления сведений о ваших вкладах и счетах иным лицам (ч. 8 ст. 121 БК).

В соответствии с п. 2 ст. 86 НК по запросу от налогового органа банк обязан сообщать в письменной или электронной форме не позднее трех рабочих дней после получения такого запроса:

– сведения о наличии и реквизитах счетов, электронных кошельков и (или) об остатках денежных средств на, электронных денег на (в) них, начисленных (выплаченных) процентах по вкладам (депозитам), сведения о кредитах (выданных, возвращенных, погашенных), конкретных сделках, об операциях без открытия счета, имуществе, находящемся на хранении в банке.

При этом в отношении физических лиц указанная информация может быть запрошена налоговым органом:

1) на основании запроса уполномоченного органа иностранного государства в случаях, предусмотренных законодательством или международными договорами Республики Беларусь;

2) в случае, если физическим лицом, в отношении которого проводится камеральная проверка соответствия расходов доходам физического лица, в качестве источников доходов были заявлены кредиты, проценты по вкладам (депозитам) и (или) денежные средства, размещенные во вклады (депозиты);

– сведения о владельце электронного кошелька, операциях, осуществленных по данному электронному кошельку, об остатках электронных денег, дате приостановления операций с электронными деньгами в электронном кошельке;

– сведения о движении денежных средств по счетам, электронных денег по электронным кошелькам плательщиков.

В соответствии с п. 3 ст. 86 НК по запросу Министерства по налогам и сборам и (или) инспекции Министерства по налогам и сборам по городу Минску обязаны сообщать не позднее трех рабочих дней после получения такого запроса:

– банк, процессинговый центр, владелец платежной системы на основе использования банковских платежных карточек, владелец системы расчетов с использованием электронных денег – об операциях по переводу денежных средств, электронных денег, осуществленных в адрес иностранной организации, оказывающей услуги в электронной форме для физических лиц;

– оператор электросвязи, интернет-провайдер – сведения об оказании иностранной организацией, оказывающей услуги в электронной форме для физических лиц, услуг в электронной форме;

– оператор АИС ИДО – информацию о принятых АИС ИДО к исполнению платежных требования уполномоченных государственных органов и иных взыскателей, платежных инструкциях плательщиков, а также о неисполнении (исполнении) таких документов и заявлений об их отзыве (изменении) в течение периода, указанного в запросе.

Также банки представляют налоговым органам сведения, входящие в состав кредитной истории (ст. 6 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 441-З «О кредитных историях»).

На основании п. 4 ст. 86 НК Национальный банк Республики Беларусь, банки обязаны представлять сведения, составляющие банковскую тайну физических лиц, на основании заключенного с Министерством по налогам и сборам соглашения. В развитие данного законодательного положения отметим, что п. 1 постановления Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь и Правления Национального банка Республики Беларусь от 29 апреля 2015 г. № 10/258 «О сведениях, составляющих банковскую тайну физических лиц, представляемых налоговым органам» определено, что перечень сведений, составляющих банковскую тайну физических лиц, представляемых Национальным банком, банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями налоговым органам на основании соглашения, заключенного с Министерством по налогам и сборам, включает в себя сведения, входящие в состав кредитной истории.

В рамках института кредитной истории отметим, что сведения, составляющие банковскую тайну, могут быть предоставлены любому лицу с согласия владельца. Но что делать в том случае, когда такого согласия нет, а вы, к примеру, являетесь поручителем по кредитному договору и хотите узнать, какова задолженность самого кредитополучателя? В данном случае, следует отметить, что поручитель отвечает перед кредитором (банком) в том же объеме, что и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств должником, если иное не предусмотрено договором поручительства (п. 2 ст. 343 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. №

218-3). Следовательно, от размера задолженности кредитополучателя зависит размер ответственности поручителя по договору поручительства. Ответственность поручителя составляет его банковскую тайну. Таким образом, с учетом того что поручитель является владельцем сведений, составляющих банковскую тайну, ему сведения без согласия кредитополучателя о задолженности кредитополучателя по кредитному договору могут быть предоставлены, но лишь в той части, в которой поручитель обязался отвечать за исполнение кредитополучателем обязательств по кредитному договору.

ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ЭКСПЕРТА ПРИ АТТЕСТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ¹

А.Ю. Рожкова

Псковский государственный университет Российская Федерация

В статье представлены положения о толковании дефиниции «эксперт», о правовой природе «независимый эксперт» в целях разграничения правопонимания и правоприменения при вынесении процессуальных актов или независимом участии в аттестации государственных служащих таможенных органов. Применен компаративистский подход в раскрытии правового режима привлечения независимых экспертов Российской Федерации и Республики Беларусь в целях понимания перспективы гармонизации норм в рамках Союзного государства. Сформулировано заключение, что независимый эксперт выступает субъектом гражданского общества и общественного контроля, а общественный инспектор более соответствует критериям государственного контроля.

Ключевые слова: эксперт, независимый эксперт, общественный инспектор, аттестация, государственные гражданские служащие.

EXPERIENCE OF INVOLVEMENT OF AN INDEPENDENT EXPERT IN THE CERTIFICATION OF STATE CIVIL SERVANTS

A. Y. Rozhkova

Pskov State University, Russian Federation

The article presents the positions about interpreting of "expert", about law nature of "independent expert" to distinguish the law understanding and enforcement in the rendering procedural acts or independent participation and the assessment of customs officials. Comparatives approach was applied to reveal the legal regime of involvement the independent experts of the Russian Federation and the Republic of Belarus in order to understand the prospects of harmonization the norms within the Union State. It is concluded that the independent expert is as a subject of society and civil control, while the public inspector more corresponds to the criteria of state control.

Keywords: expert, independent expert, civil inspector, assessment, customs officials.

Данная статья посвящена положениям о практике взаимодействия публичной власти с субъектами гражданского общества и опыту привле-

¹ Статья подготовлена в рамках участия в НИР ГПНИ «Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве» ГПНИ № ГР 20212197.

чения независимых экспертов в соответствии с нормой статьи 114 Конституции Российской Федерации по «выработке и проведении государственной политики».

Так, автор (Кравцова Е. А.) [16, с.21] указывает на «взаимодействие» как совместная выработка механизма по управлению и построению правового общества и государства инициативных «граждан» «с государственными структурами». Кроме того, по смыслу нормы абзаца 1 пункта 1 статьи 5 Федерального закона № 172-ФЗ от 17.07.2009 [3] граждане как субъекты гражданского общества имеют право участвовать в независимой экспертизе.

Вопросам толкования дефиниции «эксперт» посвящена статья авторов (Е. Е. Тонкова, В. Ю. Туралина) [17, с. 84], где этимология раскрыта свойствами: «опыт», «специалист», «специальные знания», «профессиональная область». Автор исследования [15, с. 36] Л. А. Гречина обозначает еще одно свойство, как «независимость». Кроме того, в рассматриваемых авторских взглядах встречаются еще такие свойства, как «разнообразие» [15, с. 36] и «случайность» [17, с. 86], которые, на наш взгляд, не позволяют их детерминировать, так как данные признаки носят относительный характер.

Если продолжить мысль о независимости как о принципе, то по заключению автора С.А. Бочкарева [14, с. 156] «независимость» раскрыта такими свойствами, как: «познание», «начало, не определяемое внешней средой», «фундаментальность» — что составляют аксиологию ценности и первичности. В свою очередь, познание как когнитивная категория включает формирование глубоких исследований, диагностических и профессиональных компетенций.

Таким образом, дефиниция «эксперт» и принцип «независимость» тесно связаны между собой, имеющие ценностную основу. Особенная же часть данной дефиниции связана с правовыми аспектами относительно установления норм регулирования правового положения и административных регламентов по применению и осуществлению процессуальных, договорных и иных правовых действий. Например, согласно той же норме абзаца 1 пункта 1 статьи 5 Федерального закона № 172-ФЗ закреплен императив в виде обязательного соблюдения и исполнения порядка, установленного отдельным правоустанавливающим исполнительным актом Правительства Российской Федерации.

В целом, «независимый эксперт» – это неделимая дефиниция, которую уместно применять в практике законотворчества и правоприменения.

В свою очередь, авторы исследования [17, с. 84] раскрывают правовое положение относительно лишь «эксперта» по норме (ст. 55 АПК РФ), где не наблюдаем принцип «независимость». По норме (ст. 57 УПК РФ) тоже не обнаруживаем принцип независимости в отношении «эксперта». Тем не

менее, в общем понимании правовое положение эксперта закрепляет требование к специальным и глубоким знаниям (п.1 ст. 57 УПК РФ; п.1 ст. 55 АПК РФ) и в отдельных случаях соблюдение и исполнение порядка аккредитации таких лиц [12] – что составляет аксиологию ценности в познании.

Однако относительно дефиниции «независимый эксперт» по норме (ст. 25.9 КоАП РФ) закреплены два признака — «лицо любое» и «не заинтересованное», где последний признак детерминирует и позволяет толковать как независимое лицо (то есть, не аффилированное и не под внешним воздействием), «обладающее специальными познаниями в науке» разных областей знания. Здесь просматривается та самая неделимость познания и независимости, которая позволяет установить целостность правопонимания и раскрыть этимологию независимого эксперта для раскрытия его правовой природы, выраженной нормами регулирования правового положения и исполнения административных регламентов. Полученное заключение согласуется с мнением С.А. Бочкарева с той лишь разницей, что независимость не включает познание, а характеризует состояние, в котором происходит познание.

Полагаем, что применение дефиниции «независимый эксперт» не будет зависеть от вида экспертной деятельности: научной, при аттестации государственных служащих, арбитражной, судебно-медицинской, антикоррупционной или иных профессиональных экспертных действий, а содержит лейтмотив, выраженный именно общественным контролем соблюдения и исполнения административного и/или процессуального порядка в обеспечении баланса государства и гражданского общества.

Далее напомним нормативные положения о государственной гражданской службе, сложившейся в российской практике. Так, Федеральный закон № 58-ФЗ закрепляет нормы «регулирования системы государственной службы» [4] как публичный институт государственного управления. Предмет регулирования Федерального закона № 79-ФЗ связан с «поступлением на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов РФ, ее прохождением и прекращением...» (ст.5), в том числе аттестацией (ст. 48). Указ Президента РФ устанавливает порядок аттестации с привлечением независимых экспертов (абз. 2 п. 8 Положения) [8].

На практике действует единая методика [10] аттестации государственных гражданских служащих (далее – ГГС), которая носит универсальные положения и где не прослеживается порядок включения в состав аттестационной комиссии независимых экспертов. При этом независимые эксперты участвуют в аттестации только ГГС, но не сотрудников в качестве государственных правоохранительных служащих, на примере Феде-

ральной таможенной службы (п. 2 ст. 47 Федерального закона № 114-ФЗ) [5] и органов внутренних дел (п.8 ст. 33 Федерального закона № 342-ФЗ).

Обратимся к нормам белорусского права в отношении регулирования экспертной деятельности, которое регулирует процессуальные действия в рамках судопроизводства по гражданским, административным и уголовным делам.

Однако в Республике Беларусь при аттестации ГГС практика привлечения независимых экспертов отсутствует. По Закону Республики Беларусь от 01.06.2022 г. № 175-З «О государственной службе» [1] (ст. 52) указано только: «входят руководители структурных подразделений, работники кадровой службы и иные должностные лица государственного органа, а также руководящие работники вышестоящих и иных государственных органов» (п. 3 Постановления Совета министров Республики Беларусь) [11].

В отношении же аттестации ГГС таможенных органов и возможное привлечение независимых экспертов определяется председателем аттестационной комиссии (гл. 7 Указа Президента Республики Беларусь) [7], но в соответствии с законодательством.

В результате обзора правовых основ напрашивается приведение к единому знаменателю государственного управления совместно с институтами гражданского общества и общественного контроля в контексте развития Союзного государства в создании «единой правовой системы» (п. 1 ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Республики Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства»).

Так, статья 37 Конституции Республики Беларусь гласит об «участии граждан делами общества и государства, обсуждением проектов законов, вопросов республиканского и местного значения». Глава 8 основного Закона Республики Беларусь закрепляет Комитет государственного контроля, при котором привлекаются общественные инспекторы. Также действует Указ Президента Республики Беларусь № 339 [6] о контрольной и аналитической деятельности на добровольной основе и общественных началах общественных инспекторов (п. 2, п. 4). В целом, почва подготовлена, и разрабатывается проект закона «О гражданском обществе» «как о партнере государства».

По итогам правового обзора предлагается анализ правового положения независимого эксперта Российской Федерации и общественного инспектора Республики Беларусь на предмет родовых признаков. По деятельности родовым признаком независимого эксперта является профессиональное и независимое суждение, основанное на глубоких специальных знаниях – что отличает от контрольной деятельности общественного инспектора. При этом, последний не обусловлен обязательным наличием специальных знаний, а достаточно способностей по «личным, моральным

и деловым качествам» (п. 4 Указа Президента Республики Беларусь № 339). Однако закреплены ограничения (п. 5), связанные с судимостью, ограниченной и недееспособностью, и привлечением к административной ответственности — что не наблюдается в нормах российского права в отношении независимого эксперта. Зато здесь закреплён принцип независимости как ценности, обусловленной отсутствием аффилированности во избежание конфликта интересов и коррупционных проявлений (ст.ст. 10.2, 12 Федерального закона № 79-ФЗ).

По привлечению независимого эксперта и общественного инспектора также наблюдаются разные родовые признаки. Так, общественный инспектор привлекается централизованно Государственным комитетом Республики Беларусь (п. 2, 9 Указа Президента Республики Беларусь № 339), обладающий как минимум профессиональным образованием. Допускается привлечение кандидатов от общественных объединений, профессиональных союзов. Осуществляется административный контроль и оценка общественной деятельности — что в целом характеризует императивную основу, в том числе по порядку выдачи удостоверения и централизованному учету таких инспекторов, и не создает условия обеспечения принципа независимости.

Порядок привлечения независимых экспертов РФ (п. 8 Указа Президента РФ от 01.02.2005 № 110) обуславливает наличие высшего образования, трудового стажа не менее 4-х лет (п. 2 Постановления Правительства РФ от 12.03.2021 № 359) [9]. Такой порядок аналогично закрепляет императив учета независимых экспертов в государственном реестре Минтруда РФ. Например, в порядке аттестации ГГС таможенных органов (абз. 1 п. 8 Приказа ФТС России от 24.12.2008 № 1658) [13] закреплён состав аттестационной комиссии, куда входят члены, в том числе независимые эксперты в качестве членов комиссии.

На примере аттестации ГГС таможенных органов практика привлечения и работы независимого эксперта складывается на основе контрактных отношений согласно нормам Федерального закона № 44-ФЗ [2] при заключении контракта на возмездной основе. Аналогично деятельность общественного инспектора может носить возмездный характер или иметь иные формы стимулирования, в том числе почетные грамоты и благодарности (п. 14 Указа Президента Республики Беларусь № 339).

Относительно применения государственных информационных систем демонстрируется практика работы аттестационной комиссии в виде отчетности, уведомительной деятельности и объявления конкурса. Так, действует Центральное информационно-техническое таможенное управление, где представлены открытые данные, доступен состав аттестационной комиссии, где независимыми экспертами являются представители Российской

таможенной академии, заведующий кафедрой и доценты, а также списки кадрового резерва и победителей конкурса.

Таким образом, компаративистский и сравнительно-правовой подход позволяют обнаружить систему разных родовых признаков в порядке привлечения «независимых экспертов» как субъектов гражданского общества и общественного контроля при аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации и Республики Беларусь. Значимо исполнение конституционных основ развития государственного и общественного управления в достижении гармонизированной правовой системы Союзного государства посредством единых государственных информационных систем и реестров.

Библиографический список

1. О государственной службе в Республике Беларусь : Закон Респ.Беларусь, 1 июня 2022г., № 175-3 [Электронный ресурс] : // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер.закон, 5 апр. 2013г., № 44-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/. – Дата доступа: 12.10.2022.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер.закон, 17 июля 2009 г., № 172-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/. – Дата доступа: 11.10.2022.
4. О системе государственной службы Российской Федерации : Федер.закон, 27 мая 2003 г., № 58-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/. – Дата доступа: 12.10.2022.
5. О службе в таможенных органах Российской Федерации : Федер.закон, 21 июля 1997 г, № 114-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15264/. – Дата доступа: 12.10.2022.
6. Об общественных инспекторах : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 сент. 2021г., № 339 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Вопросы таможенных органов : Указ Президента Респ.Беларусь, 21 апр. 2008г., № 228. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации»: Указ Президента Российской Федерации, 1 февр. 2005г, № 110 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc – Дата доступа: 12.10.2022.
9. Об утверждении Правил приглашения и отбора независимых экспертов, включаемых в составы конкурсных и аттестационных комиссий федеральных государственных органов : постановление Правительства Российской Федерации, 12 марта 2021г, № 359 [Электронный ресурс] // СПС Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/400440675/>. – Дата доступа: 12.10.2022.

10. Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации, 9 сент. 2020 г., № 1387. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362054/. – Дата доступа: 12.10.2022.
11. Об утверждении Положения о проведении аттестации государственных гражданских служащих : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 авг. 2022 г., № 563. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
12. Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации : Приказ Минюста Российской Федерации, 29 марта 2019г., № 57. [Электронный ресурс] // офиц. сайт Минюста Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7598/> – Дата доступа: 11.10.2022.
13. Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации сотрудников таможенных органов Российской Федерации : Приказ ФТС Российской Федерации, 24 дек. 2008г., № 1658 [Электронный ресурс]. // СПС Гарант. – Режим доступа: <https://ivo.garant.ru/#/document/785013/paragraph/37:0>. – Дата доступа: 11.10.2022.
14. Бочкарев, С.А. Независимость как категория бытия. // Философия права. – 2019. – № 2 (89). – С. 146-158.
15. Гречина, Л. А. Об изменении норм федерального законодательства о статусе независимых экспертов на государственной гражданской службе. // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2021. – № 20. – С.34-43.
16. Кравцова, Е.А. О соотношении понятий «гражданское общество» и «публичная власть» и отдельных коллизиях в их нормативном регулировании. // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 21-23.
17. Тонков, Е. Е., Туранин, В. Ю. Критерии для аккредитации лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: перспективы совершенствования // Административное право и процесс. – 2017. – № 3. С.82-91.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.З. Рыбаключева

Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются правовые аспекты цифровизации в сфере образования, отмечаются законодательные новации в сфере цифровизации и обеспечения качества образования. Отдельное внимание уделяется анализу субъектов государственной аккредитации, рассматривается опыт применения цифровых технологий при проведении государственной аккредитации, подтверждения государственной аккредитации учреждений образования, а также при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за обеспечением качества образования. Обосновывается необходимость при разработке Республиканской информационно-образовательной среды создания электронных кабинетов учреждений образования, приводится примерный перечень возможностей данного электронного кабинета.

Ключевые слова: государственная аккредитация, качество образования, установление соответствия, учреждение образования, цифровизация, электронный кабинет.

DIGITALIZATION IN ENSURING THE QUALITY OF EDUCATION: EXPERIENCE AND PROSPECTS

O.Z. Rybaklyucheva

Belarusian State University

The article discusses the legal aspects of digitalization in the field of education, notes legislative innovations in the field of digitalization and ensuring the quality of education. Special attention is paid to the analysis of the subjects of state accreditation, the experience of using digital technologies in the course of state accreditation, confirmation of state accreditation of educational institutions, as well as in the implementation of control and supervisory activities to ensure the quality of education is considered. The need for the creation of electronic cabinets of educational institutions in the development of the Republican information and educational environment is substantiated, an approximate list of the possibilities of this electronic cabinet is given.

Keywords: state accreditation, quality of education, conformity assessment, educational institution, digitalization, electronic office.

С 1 сентября 2022 года в нашей стране вступил в силу Кодекс Республики Беларусь об образовании с изменениями, внесенными Законом Рес-

публики Беларусь от 14 января 2022 г. № 154-З, который предусматривает значительные корректировки системы цифровизации в сфере образования.

Дистанционная форма как самостоятельная форма получения образования, наличие сетевой формы взаимодействия, Республиканская информационно-образовательная среда (далее – РИОС), дистанционные образовательные технологии – это далеко не полный перечень нововведений, предусмотренных новой редакцией Кодекса об образовании в части цифровизации.

Подходы к обеспечению качества образования (внешнего и внутреннего) в новой редакции Кодекса об образовании существенно не изменились. В новом Положении о порядке проведения государственной аккредитации и подтверждения государственной аккредитации учреждений образования, иных организаций, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, утверждённом постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2022 г. № 572 (далее – Положение о государственной аккредитации), на законодательном уровне закреплены выработанные национальной системой образования и положительно зарекомендовавшие себя на практике правила проведения государственной аккредитации в сфере образования, отражены позиции, позволяющие обеспечить дальнейшую гармонизацию законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере внешнего обеспечения качества образования. Бесспорно, данное положение приведено в соответствие с понятийным аппаратом новой редакции Кодекса Республики Беларусь, а также имеющимися в нем новеллами в части касающейся государственной аккредитации учреждений образования.

Понятие государственной аккредитации, закреплённое в пункте 1 статьи 28 Кодекса об образовании, существенно не изменилось – это деятельность государственных органов (**организаций** – *выделено автором*) по установлению соответствия образовательной деятельности учреждения образования, иной организации, осуществляющей образовательную деятельность, законодательству об образовании, содержания и качества предоставляемого образования требованиям образовательных стандартов, учебно-программной документации образовательных программ.

В число субъектов, имеющих право на установление соответствия образовательной деятельности учреждения образования законодательству об образовании, содержания и качества предоставляемого образования требованиям образовательных стандартов, учебно-программной документации образовательных программ, законодателем включена государственная организация. Такой организацией, созданной в соответствии с подпунктом 1.4 пункта 4 статьи 71 Кодекса об образовании, является государственное

учреждение «Национальное агентство по обеспечению качества образования». Реализация права Национального агентства на установление соответствия детально регламентирована Положением о государственной аккредитации.

В Республике Беларусь имеется положительный опыт проведения государственной аккредитации, подтверждения государственной аккредитации учреждений образования с применением цифровых технологий. При подтверждении государственной аккредитации учреждений образования на соответствие заявленному виду либо государственной аккредитации по специальности работа отдельных членов комиссии по анализу закрепленных направлений образовательной деятельности учреждений образования осуществлялась удаленно (без непосредственного выезда в учреждение образования) с использованием цифровых технологий (работа посредством видеоконференцсвязи, представление материалов в электронном виде и др.). Кроме того, оценка содержания и качества образования по реализации учреждениями образования образовательных программ (проведение комплексных контрольных работ по аккредитуемым специальностям, анкетирование обучающихся) проводилось онлайн с использованием образовательной платформы учреждения образования.

Государственная аккредитация с использованием цифровых технологий проводилась в следующих учреждениях образования: Республиканский институт профессионального образования; Витебский государственный университет им. П.М.Машерова; Гомельский государственный медицинский университет; Барановичский государственный университет; Витебский государственный медицинский университет и др.

Второе направление внешнего обеспечения качества – контрольно-надзорная деятельность за обеспечением качества образования. Для планирования и организации данной работы Министерством образования Республики Беларусь обеспечена разработка и принятие единых критериев оценки степени риска для отбора проверяемых субъектов при проведении выборочной проверки (далее – критерии оценки степени риска). Контролирующими (надзорными) органами за обеспечением качества образования определены Департамент контроля качества образования Министерства образования Республики Беларусь и местные исполнительные и распорядительные органы (пункты 12, 25 Перечня контролируемых (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510).

В настоящее время для планирования контрольной (надзорной) работы за обеспечением качества образования используется информационно-аналитическая база учреждений образования, создаваемая на базе респуб-

ликанской автоматизированной системы «Электронное образование» (далее – РАС «Электронное образование»). Каждое учреждение образования имеет в РАС «Электронное образование» учетную запись, внесение статистических данных осуществляется учреждением образования удаленно и удостоверяется электронной цифровой подписью.

На основании статистических данных РАС «Электронное образование», лицензионных требований и условий на право осуществления образовательной деятельности (за исключением учреждений образования, образовательная деятельность которых не подлежит лицензированию) и критериев оценки степени риска автоматически формируется ранжированный ряд учреждений образования в зависимости от составляющих критериев оценки степени риска по всем уровням основного образования, который служит основанием для внесения предложений по субъектам контрольной (надзорной) деятельности в АИС «Контрольно-надзорная деятельность», используется для осуществления профилактических и предупредительных мероприятий в установленном законодательством порядке.

Вместе с тем, практика применения цифровых технологий при оценке качества образования, в том числе при проведении государственной аккредитации, подтверждении государственной аккредитации в сфере образования, контрольно-надзорной деятельности за обеспечением качества образования требует расширения и совершенствования. Новой редакции Кодекса об образовании предусмотрено создание РИОС, представляющей собой совокупность государственных автоматизированных информационных систем (ресурсов) в сфере образования, обеспечивающих взаимодействие государственных органов и организаций, учреждений образования и иных субъектов образовательных отношений и удовлетворение их информационных потребностей.

При разработке РИОС в рамках Регистра учреждений (одна из составляющих РИОС) необходимо предусмотреть создание электронных кабинетов учреждений образования, иной организации, которой в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность, при этом предусмотреть присвоение уникального идентификатора учреждения в рамках РИОС, удостоверение внесенных данных электронной цифровой подписью, что позволит обеспечить цифровизацию процессов управления учреждением образования, в том числе обратную связь с учреждением образования (удаленно, посредством РИОС). В частности, посредством электронного кабинета, учреждение образования, иная организация, осуществляющая образовательную деятельность, помимо внесения всевозможной статистической и отчетной информации, может получить информацию о наличии или приближении к пороговым показателям по составляющим критериев оценки степени риска (отображение

предупреждающего и (или) контрольного маркера) в рамках контрольной (надзорной) деятельности, а также предупреждающее уведомление об истечении сроков и (или) необходимости осуществления отдельных действий (например, подтверждение государственной аккредитации, получение сертификата о готовности к началу учебного года и др.) или обновления данных.

В рамках проведения государственной аккредитации в сфере образования и ее подтверждения электронный кабинет должен предусматривать следующие возможности:

для учреждения образования, иной организации, осуществляющей образовательную деятельность:

подача заявления о проведении государственной аккредитации, подтверждении государственной аккредитации и информации о результатах самоконтроля за обеспечением качества образования (далее – информация о результатах самоконтроля);

отзыв заявления и информации о результатах самоконтроля;

ознакомление с административным решением об отказе в осуществлении административной процедуры;

размещение документов и (или) сведения, необходимых для проведения государственной аккредитации;

изучение отдельных направлений образовательной деятельности учреждения образования дистанционно, без непосредственного выезда в учреждение образования;

проведение комплексных контрольных работ, анкетирования всех участников образовательного процесса о результатах удовлетворенности качеством образования;

ознакомление с заключением об установлении соответствия;

подача заявления о пересмотре заключения об установлении соответствия (при необходимости);

ознакомление с решением, принятым по итогам рассмотрения заявления о пересмотре заключения об установлении соответствия;

размещение плана мероприятий по устранению несоответствий, выявленных в ходе государственной аккредитации и ее подтверждении;

размещение отчета о выполнении плана мероприятий по устранению несоответствий, выявленных в ходе государственной аккредитации и ее подтверждении;

для Департамента контроля качества образования:

размещение решения об отказе в осуществлении административной процедуры;

размещение решения по итогам государственной аккредитации и ее подтверждения;

полные права доступа ко всем составляющим электронного кабинета (за исключением возможности редактировать информацию, подаваемую учреждением образования и размещаемую Национальным агентством).

для Национального агентства по обеспечению качества образования:

размещение приказа об установлении соответствия, включающего программу, состав комиссии, перечень документов, которые необходимо предоставить для установления соответствия;

размещение заключения об установлении соответствия;

размещение решения, принятого по итогам рассмотрения заявления о пересмотре заключения об установлении соответствия;

ознакомление с планом мероприятий по устранению несоответствий, выявленных в ходе проведения государственной аккредитации и ее подтверждению;

ознакомление с отчетом о выполнении плана мероприятий по устранению несоответствий, выявленных в ходе проведения государственной аккредитации и ее подтверждению;

полные права доступа ко всем составляющим электронного кабинета (за исключением возможности редактировать принятые решения об отказе в осуществлении административной процедуры и по итогам административной процедуры).

Реализация указанных функций РИОС, в том числе и в связи с Единым государственным регистром юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, позволит внедрить новые подходы, механизмы и методы, обеспечивающие превентивность контрольной (надзорной) работы на базе информационно-аналитических платформ, а также позволит проводить контрольные мероприятия по отдельным направлениям образовательной деятельности, в том числе и в области обеспечения качества образования, без реального выхода в учреждения образования.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ»

В.В. Сидорович, Л.А. Краснобаева

Белорусский государственный университет

В работе рассматривается значение понятия «документирование населения» и его фактическое использование в законодательстве. Дано авторское определение, не совпадающее с его фактическим использованием в законодательстве, однако в большей степени отражающее его семантику. Также были приведены возможные альтернативы использованию термина «документирование населения» в законодательстве.

Ключевые слова: документирование населения, документы, удостоверение личности, документы для въезда и выезда, учет населения, персональные данные.

ON THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT OF «DOCUMENTING THE POPULATION»

V.V. Sidorovich, L.A. Krasnabayeva

Belarusian State University

The paper examines the meaning of the concept of «documenting the population» and its actual use in legislation. The author's definition is given, which does not coincide with its actual use in legislation, but largely reflects its semantics. Possible alternatives to the use of the term «documenting the population» in the legislation were also given.

Keywords: documentation of the population, documents, identity card, documents for entry and exit, population registration, personal data.

Изменения, происходящие в обществе, дают определенный импульс к развитию документообразования, стадией которого является процесс документирования населения. Изучение данного процесса является актуальным, так как имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку позволяет проанализировать причины появления новых видов документов, уяснить функцию документа в регулировании административных процессов, а также значение в непосредственной деятельности человека.

Ни в законодательстве Республики Беларусь, ни в научной литературе не существует определения термина «документирование населения». Не-

смотря на это, понятие используется в нормативно-правовых актах Республики Беларусь. В частности, оно содержится в названии и в тексте Указа Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. №294 «О документировании населения Республики Беларусь» (далее - Указ) и некоторых других актах.

Названный Указ регулирует вопросы, связанные с документами, удостоверяющими личность и документами для выезда или въезда в Республику Беларусь. Им утверждаются четыре положения, регулирующих «порядок выдачи, использования, обмена, признания недействительными, изъятия, хранения и уничтожения» таких документов [1, п.2]. Тем не менее, Указ также не дает определение термину «документирование населения».

Если обратиться к семантическому определению, то под «документированием» понимается «запись по установленным формам необходимой информации» [2], «запись информации на различных носителях по установленным правилам» [3, с.19], процесс или результат отражения чего-либо в документах [4]. Под «населением» подразумевается совокупность индивидов, проживающих на какой-либо территории, включая граждан, иностранцев и лиц без гражданства [5, с.421].

В совокупности, «документирование населения» можно определить, как «процесс или результат записи по установленным формам информации о индивидах, проживающих на какой-либо территории». Таковым является буквальное определение, полученное путем совмещения двух его составляющих. Однако возникает ряд проблем.

Во-первых, оно не отображает то, какого именно рода информация о населении подлежит отражению. Принимая во внимание содержание Указа и положений, им закрепленных, представляется необходимым внести уточнение: информация, подлежащая записи при документировании населения – это исключительно персональные данные. Под персональными данными в Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. №99-3 «О защите персональных данных» понимаются «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано» [6, ст.1]. При этом нужно иметь в виду, что в научной литературе и законодательстве (как Республики Беларусь, так и зарубежных государств) не выработан единый подход к делению персональных данных на виды. Так, в Законе Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. №418-3 «О регистре населения» персональные данные разделены на две категории: основные и дополнительные [7 ст. 8, 10]. Применяя

такую классификацию, можно отметить, что данные, которые указываются во всех документах, удостоверяющих личность и документах для въезда и (или) выезда, принадлежит к категории основных. Кроме того, при соблюдении некоторых условий, в некоторые документы могут быть занесены персональные данные, принадлежащие к категории дополнительных.

Во-вторых, рассматриваемое определение не согласуется с содержанием Указа по нескольким причинам. Указ и положения, им утвержденные, регулируют не столько процесс записи информации и составления документов, сколько «порядок их выдачи, использования, обмена, признания недействительными, изъятия, хранения и уничтожения». Ни одно из этих действий не используется в различных вариантах определения термина «документирование», приведенных выше.

Что касается «установленных форм» записи информации при документировании населения, их можно разделить по двум признакам:

- по целям использования можно выделить документы, удостоверяющие личность и документы для въезда в Республику Беларусь и (или) выезда из Республики Беларусь;

- по виду персональных данных, используемых в документе, можно выделить биометрические и небиометрические документы

Всего можно выделить четыре категории документов, регулируемых Указом, в отношении каждого из которых им закрепляется отдельное положение:

- документы, удостоверяющие личность;
- документы для въезда в Республику Беларусь и (или) выезда из Республики Беларусь;
- биометрические документы, удостоверяющие личность;
- биометрические документы для въезда в Республику Беларусь и (или) выезда из Республики Беларусь;

Также следует учитывать, что Указом регулируется не только документирование населения Республики Беларусь, но также и граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих за её пределами, и в меньшей степени также лиц, временно пребывающих и временно проживающих на территории Республики Беларусь.

С учетом содержания нормативных правовых актов, в которых используется рассматриваемый термин, можно прийти к выводу, что в их контексте под ним понимается следующее: «документирование населения – это процесс выдачи, использования, обмена, признания недействительными, изъятия, хранения и уничтожения документов, содержащих персо-

нальные данные о физических лицах и удостоверяющих личность либо использующихся для въезда и (или) выезда на и (или) с определенной территории». В таком значении термин будет употребляться и далее в настоящей работе.

Для разрешения возникшей терминологической проблемы возможным действием является либо включение определение термина «документирование населения» (в таком значении, в каком оно фактически используется в актах законодательства) в текст Указа, либо отказ от использования термина «документирование населения». Альтернативным вариантом может послужить и изменение названия Указа на «О документах, удостоверяющих личность и документах для выезда и (или) въезда в Республику Беларусь». Такое название, несмотря на свою громоздкость не будет конфликтовать с буквальной трактовкой термина, используемого сейчас. Вместо «порядка документирования» в таком случае следует использовать «порядок выдачи, использования, обмена, признания недействительными, изъятия, хранения и уничтожения документов, удостоверяющих личность и документов для выезда из Республики Беларусь и (или) въезда в Республику Беларусь», и так далее.

Следует отличать *документирование* населения от *учета* населения. *Учет* населения – это сбор данных об изменениях в составе и численности населения, а также в ее возрастной и половой структурах [8, с.93]. При проведении учета населения внимание уделяется именно его составу и структуре, то есть всему населению и каким-то отдельным его группам. Цель *документирования* населения – это обеспечение возможности идентификации каждого конкретного человека. Документирование населения, как ни странно, оперирует не населением в целом и не его группами, но отдельными индивидами.

Более того, если провести аналогию между терминами «документирование населения» и «учет населения», то становится неясным, зачем в первом термине вообще используется слово «население». В случае с учетом населения, это оправдано: цель учета – это получение и анализ данных именно о населении, а не о конкретных индивидах. В рамках учета все ещё собираются данные о конкретных индивидах, но исключительно постольку, поскольку они являются составными частями населения в целом. В случае же с термином «документирование населения», собственно документированию подлежит не население, а отдельные лица. Никаких данных о населении в целом в рамках документирования не собирается. Данные, использующиеся при документировании населения по природе своей мо-

гут использоваться для того, чтобы вынести какие-то выводы о населении или его отдельных группах, но этот процесс будет лежать уже за рамками документирования как в буквальном смысле, так и в смысле, используемом в нормативных правовых актах. Кроме того, как уже было сказано выше, согласно Указу «О документировании населения Республики Беларусь» документированию подлежат и некоторые лица, которые частью населения Республики Беларусь не являются вовсе: граждане Республики Беларусь, на постоянной основе проживающие за границей. Возможно употребление слова «население» было вызвано стремлением законодателя отразить, что документирование должно пройти все население Республики Беларусь, но и в таком случае Указ не способствует окончательному достижению этой цели, так как его действие «не распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь» [1, п.3], хотя они и входят в состав её населения. Исходя из этого, представляется более уместным использовать термин «документирование личности», «документирование индивида», «документирование идентичности», или «документирование персональной идентичности».

Что касается перевода термина, то русскоязычное «документирование населения» обычно переводится на английский язык как «documentation of population», «population documentation» и «people documentation» [9]. В параллельном корпусе ООН используется также термин «issuance of identity papers», что можно дословно перевести как «выдача документов, удостоверяющих личность» [10]. Такой перевод представляется некорректным, так как существенно разнится с фактическим использованием термина. В целом, из всех вариантов перевода, наиболее корректным представляется «people documentation», так как в нем лучше отражается то, что документированию подлежат отдельные люди, а не население в целом.

Библиографический список

1. О документировании населения Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 июня 2008 г., №294. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=p30800294>. Дата доступа: 10.10.2022
2. Большой бухгалтерский словарь / Под ред. А.Н.Азрилияна. - М.:Институт новой экономики, 1999. - 574 с [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32o6SY>. Дата доступа: 10.10.2022
3. Делопроизводство и архивное дело в терминах и определениях : учеб. пособие / С.Ю. Кабашов, И.Г. Асфандиярова. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 296 с
4. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой / Т.Ф. Ефремова. – 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://surl.li/dixte>. Дата доступа: 10.10.2022.

5. Большой юридический словарь / [В. А. Белов и др.]; Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. - 2. изд, перераб. и доп. - М. : ИНФРА-М, 2002. - 703 с
6. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. №99-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100099_1620939600.pdf. – Дата доступа: 12.10.2022.
7. О регистре населения: Закон Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. №418-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://surl.li/dixvu>. – Дата доступа: 12.10.2022.
8. Анатольева, Т.А. Документирование учета населения в России // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2018. №12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentirovanie-ucheta-naseleniya-v-rossii>. – Дата доступа: 12.10.2022
9. Параллельный корпус для европейских языков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://paracrawl.eu>. – Дата доступа: 13.10.2022
10. Параллельный корпус Организации Объединенных наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conferences.unite.un.org/uncorpus>. – Дата доступа: 13.10.2022

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ГРАЖДАНСКИХ
И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕЛ**

В.П. Скобелев

Белорусский государственный университет

В статье показано, термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» не могут пониматься в буквальном смысле, они имеют образный (условный, переносный) характер и отражают факт применения в правосудии современных информационно-коммуникационных технологий для решения (облегчения решения) лишь отдельных, преимущественно вспомогательных задач. При этом использование указанных технологий базируется на достижениях научных доктрины и требованиях правовых документов программного характера.

Ключевые слова: гражданские дела; экономические дела; информационно-коммуникационные технологии; электронное правосудие; электронное судопроизводство; электронный суд.

**PREREQUISITES AND LIMITS OF USE ELECTRONIC JUSTICE
IN THE CONSIDERATION OF CIVIL CASES BY THE COURTS
OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND ECONOMIC AFFAIRS**

V.P. Skobelev

Belarusian State University

The article shows that the terms «electronic justice», «electronic litigation», «electronic court» cannot be understood in a literal sense, they have a figurative (conditional, figurative) character and reflect the fact of the use of modern information and communication technologies in justice for the solution (facilitation of the solution) of only individual, mainly auxiliary tasks. At the same time, the use of these technologies is based on the achievements of scientific doctrine and the requirements of legal documents of a program nature.

Keywords: civil cases; economic cases; information and communication technologies; electronic justice; electronic litigation; electronic court.

Потребность внедрения в гражданское и хозяйственное судопроизводство ИКТ неоднократно подчеркивалась на уровне правовых актов программного характера. Так, еще в Концепции судебной реформы, одобренной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. №1611-ХП, можно найти указания о том, что органы Ми-

нистерства юстиции должны решать вопросы оснащения судов оргтехникой и другими техническими средствами, осуществлять информационное обеспечение судов нормативными правовыми актами и иными материалами, необходимыми для осуществления правосудия, в том числе через создание при Министерстве юстиции республиканского центра правовой информации, функционирующего на основе использования современных средств программного и аппаратного обеспечения (раздел V Концепции); что на подготовительном этапе судебно-правовой реформы требуется выработать для судов правила рационального порядка делопроизводства с использованием современных научно-технических средств (раздел X Концепции).

В подп. 49.2 п.49 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. №205, в качестве одной из мер по совершенствованию гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательств предлагалось «осуществить дальнейшее внедрение технических средств на стадии судебного разбирательства (изменение процедуры направления повесток, введение обязательного стенографирования судебного процесса как способа совершенствования процедуры протоколирования и др.)».

Директива Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. №2 «О деbüroкратизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» в качестве общих ориентиров дальнейшего совершенствования деятельности всех государственных органов определила, что «следует переходить к новому, более высокому уровню взаимодействия государства и народа, основываясь на современном уровне развития информационных технологий и максимально используя имеющиеся возможности в сфере информатизации» (абз.5 преамбулы), «необходимо создавать такие условия, при которых граждане и представители юридических лиц будут тратить минимум времени и сил при обращении в государственные органы» (абз.6 преамбулы). Помимо этого, в целях повышения уровня информатизации в сфере работы с гражданами и организациями Директивой Правительству было предписано обеспечить полномасштабный переход государственных органов к электронному документообороту при реализации государственных функций и осуществлении взаимодействия, в том числе принять меры по обеспечению своевременного перехода на межведомственное электронное взаимодействие государственных органов и подчиненных им организаций, сокращению бумажного документооборота с одновременным расширением практики использования электронного формата представления документов (подп.3.1 п.3).

Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. №4

«О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» потребовала обеспечить максимальное расширение сферы применения электронного документооборота при осуществлении хозяйственного судопроизводства (подп.3.3 п.3). Еще более широкий комплекс мер в данном направлении был предусмотрен Стратегией деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь на 2011-2015 годы, утвержденной постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 4 марта 2011 г. №1. Так, Стратегией (см. подп.1.2-1.4 п.1, подп.2.1 п.2, подп.3.1 п.3 раздела II «Приоритетные направления деятельности») были оговорены: совершенствование способов хранения и обмена внутрисистемной информации и связи; использование электронных копий документов; применение передовых технологий (в частности электронной почты) для направления (получения) документов и извещения участвующих в деле лиц о времени и месте проведения судебного заседания; организация автоматического учета и предварительного уведомления о течении (окончании) процессуальных сроков; применение видеоконференцсвязи для проведения судебных заседаний и осуществления отдельных процессуальных действий; использование возможностей Интернет-ресурсов для обеспечения открытости в работе хозяйственных судов, в том числе путем размещения текстов судебных постановлений на Интернет-портале хозяйственных судов; оперативное информационно-правовое обеспечение деятельности хозяйственных судов за счет своевременного обновления информационных баз.

Послание о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. №454, закрепило ряд положений относительно информатизации судебной сферы, которые касаются одновременно и гражданского, и хозяйственного судопроизводства (изначально данный нормативный правовой акт не касался правосудия по экономическим делам, поскольку оперировал термином «общие суды», однако в связи с объединением в 2014 году общих и хозяйственных судов в единую систему судов общей юрисдикции везде по тексту названного Указа термин «общие суды» был заменен на «суды общей юрисдикции», что дало основания распространять действие этого нормативного правового акта и на хозяйственное судопроизводство). Это такие положения, как разработка специального банка данных судебных решений, интегрированного в информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН» (абз.10 ч.2 п.1 Послания); обеспечение материально-технической базы и нормативного регулирования фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях, поэтапное внедрение в 2012-2013 гг. в деятельность судов по осуществлению правосудия средств аудио-, видеозаписи (абз.8 ч.2 п.2 По-

слания); внедрение видеоконференцсвязи между судами общей юрисдикции всех уровней (абз.9 ч.2 п.2 Послания); расширение форм и методов извещения участников процесса о времени и месте рассмотрения дела (абз.11 ч.2 п.2 Послания); усовершенствование механизма взаимодействия судов общей юрисдикции с государственными органами (абз.14 ч.2 п.2 Послания); обеспечение доступа судей к необходимым для работы базам данных Министерства внутренних дел (в том числе Государственной автомобильной инспекции), организаций по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, других государственных организаций (абз.4 ч.2 п.5 Послания).

На потребность использования в ходе правосудия по гражданским и экономическим делам современных информационных технологий многократно указывалось и представителями юриспруденции, прежде всего теми из них, кто задействован в практической судебной деятельности. Так, в свое время председатель Брестского областного суда констатировала, что «бумажная система делопроизводства, действующая в большинстве судов, морально устарела и должна быть заменена электронным документооборотом (хотя бы в рамках учреждений юстиции), который позволит сократить издержки, повысит эффективность внутреннего контроля. Так, в двухсоставном суде Жабинковского района при самой низке в области нагрузке число исходящих документов составило более 13 тысяч, в суде Московского района г. Бреста – более 65,5 тысячи, а это – бумага, конверты, огромная нагрузка работников канцелярий» [1, с.10].

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь В.О. Сукало отмечал, что «в судах, к сожалению, лишь в незначительной степени используются те возможности, которые предоставляют новейшие информационные технологии. В то время как высокое качество отечественного правосудия невозможно без современной организации самого процесса правосудия, его технического, информационного, материального и финансового обеспечения» [2, с. 5]. Он также говорил, что нужно «постепенно переходить с бумажного на электронный документооборот, шире использовать банки данных наших коллег из правоохранительных и других органов», и это (в совокупности с иными мероприятиями) «не только будет способствовать более оперативной судебной защите, но и позволит принять дальнейшие меры к снижению среднемесячной нагрузки на судей, сконцентрировать усилия на разрешении сложных и неоднозначных многотомных дел» [3, с. 9]. Наконец, по мнению В.О. Сукало, «сегодня правосудие невозможно представить без широкого внедрения новых информационных технологий. Следует признать, что скорость внедрения электронного судопроизводства пока отстает от современных тенденций ... Судам необходимо двигаться вперед, причем стремительно, в том же направлении, в каком

двигается Правительство, другие государственные органы, иначе мы безнадежно отстанем» [4, с.9].

С позицией Председателя Верховного Суда Республики Беларусь полностью солидарен его заместитель А.А.Забара: «Мы не можем отказаться от достижений научного прогресса. Введение в судах электронного документооборота, создание электронного банка судебных решений, доступ судов к электронным базам данных других организаций, безусловно, позволяют гражданскому судопроизводству идти в ногу со временем, делают его современным, более мобильным и экономичным» [5, с. 7]. Аналогичную точку зрения высказывает и другой заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Ж.Б. Шкурдюк: «Внедрение электронного судопроизводства – это, бесспорно, революционный шаг. Сегодня использование информационных технологий должно лечь в основу рациональной организации работы судебной системы и служить базой современного судебного процесса» [6, с. 8].

С.А.Любецкая тоже писала, что один из факторов обеспечения эффективной работы судов «заключается в активном применении в судах информационно-коммуникационных технологий ... как совокупности методов, производственных процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения и использования информации. В свете увеличения информационных потоков эта функция судебного администрирования приобретает особое значение. Для судов Республики Беларусь это выражается в качественном обеспечении материально-технической базы, нормативном регулировании фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях, внедрении средств аудио-, видеозаписи в деятельность судов, а также видеоконференцсвязи между общими судами всех уровней» [7, с.30].

Акцентирование внимания различными субъектами (нормотворческими органами, представителями науки, работниками правоприменительной сферы) на необходимость использования в судопроизводстве современных ИКТ вкупе с фактическим внедрением некоторых из них в практическую судебную деятельность (использование электронных носителей информации в качестве средств доказывания, извещение участников процессов с помощью средств мобильной связи и электронной почты, проведение судебных заседаний посредством видеоконференцсвязи, применение аудио- и видеофиксации хода судебного разбирательства, использование сети Интернет для опубликования, равно как и передачи, некоторой процессуальной информации и пр.) привели к выработке таких категорий (терминов), как «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд». Данные категории активно используются в за-

рубежной, в частности российской, процессуальной науке [8; 9; 10; 11; 12; 13] и уже достаточно прочно вошли в терминологический обиход белорусских юристов [4, с. 9; 14; 15, с. 9, 11-12; 16, с. 295, 296, 298; 17; 18].

Отдельные из указанных терминов получили в Республике Беларусь закрепление даже на уровне нормативных правовых актов. Так, «электронное правосудие» можно встретить в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. №216 «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011-2015 годы» (см. подраздел «Информационно-коммуникационные технологии» раздела «Структурная политика и повышение конкурентоспособности экономики» главы 4 «Ключевые направления деятельности Правительства Республики Беларусь в области реализации приоритетов Программы социально-экономического развития на 2011-2015 годы» утвержденной им Программы); постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 7 августа 2009 г. №11 «Об утверждении примерных нормативов материально-технического обеспечения хозяйственных судов Республики Беларусь» (см. п.3 утвержденных им примерных нормативов); постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 4 марта 2011 г. №1 «Об утверждении Стратегии деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь на 2011-2015 годы» (см. абз.7 преамбулы постановления и подп.3.1 п.3 Раздела II утвержденной постановлением Стратегии).

Упоминание про «электронное судопроизводство» присутствует в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2016 г. №149 «О Государственной программе "Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь" на 2016–2020 годы» (см. п.32 приложения 5 к утвержденной им Государственной программе); постановлении Министерства образования Республики Беларусь от 28 марта 2017 г. №28 «Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов» (см. подраздел 6.2.2 раздела 6 утвержденного им образовательного стандарта переподготовки руководящих работников и специалистов по специальности 1-26 03 71 «Управление государственными информационными ресурсами»); постановлении Министерства образования Республики Беларусь от 1 марта 2021 г. №34 «Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов по специальностям переподготовки» (см. подраздел 8.2.3 раздела 8 утвержденного им образовательного стандарта переподготовки руководящих работников и специалистов по специальности 1-26 03 71 «Управление государственными информационными ресурсами»).

Вместе с тем, по нашему мнению, термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» являются не

вполне удачными и приемлемыми. Сущность правосудия, соответственно суть деятельности суда или суть судопроизводства, заключается в определении (установлении) материально-правового положения непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц (собственно, это следует уже из буквального смысла самого слова «правосудие» – суждение о праве). Данная деятельность предполагает осуществление правовой квалификации произошедшего конфликта, выяснение его фактических обстоятельств и, наконец, констатацию правовых последствий установленных фактов.

Правовая квалификация – это поиск из огромного массива юридических норм именно тех, которые регулируют возникшую спорную ситуацию. Такой поиск требует принятия во внимание множества факторов (предмета регулирования, сферы действия норм во времени, пространстве и по кругу лиц), соотнесения нормативных правовых актов по юридической силе, разрешения коллизий в правовом регулировании, преодоления неясностей в содержании юридических норм и пр. Для выяснения фактических обстоятельств требуется определение предмета доказывания, т.е. вычленение из регулирующих спорные отношения нормативных правовых актов именно тех юридических фактов, которые имеют значение для правильного разрешения данного конкретного дела. И это традиционно сложная для судов (не говоря уже о заинтересованных лицах) задача, решение которой, как свидетельствует правоприменительная практика, вызывает у судей наибольшее число ошибок.

Далее установление фактических обстоятельств сопряжено с необходимостью физического восприятия (исследования) различными способами, а затем оценки по внутреннему убеждению и на основе ряда критериев (их убедительности, достаточности, допустимости, законности получения и т.д.) самых разнообразных по характеру и способу получения доказательств. Определение правовых последствий произошедшего конфликта – тоже непростая задача, она требует учета особенностей каждого конкретного случая, тем более если гипотеза и (или) диспозиция юридической нормы имеют недостаточно конкретизированный характер и изначально рассчитаны на использование правоприменительного усмотрения.

Как видно, правосудие по своей сущности является очень сложной и в значительной мере интеллектуальной (мыслительной) деятельностью. Поэтому данную деятельность нельзя «уложить» в какие-то заранее заданные формальные алгоритмы, ее невозможно автоматизировать, заменить или подменить какими-либо информационными технологиями и программно-техническими средствами. Между тем выражения «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» создают обманчивое (ложное) представление об обратном. В связи с этим совершенно справедливым видится утверждение В. Л. Калинковича о том, что «введ-

рение технических новаций в судопроизводство не должно вытеснять сущность правосудия. Правосудие по своей сути – живая и органичная процедура, призванная определять дальнейшее направление не только финансовых потоков, но и человеческих судеб... Поэтому не машина, а судья – человек – есть и остается центральной фигурой, призванной в соответствии с законом осуществлять правосудие. Нельзя допустить его вытеснение или обезличивание информационными технологиями. Следует говорить об эффективном использовании современных технологий для нужд правосудия и не злоупотреблять тиражированием словосочетания «электронное правосудие»» [15, с.9].

В контексте сказанного любопытно обратить внимание на некоторые определения понятия «электронное правосудие» («электронное судопроизводство»), предлагаемые в литературе. Так, В.А. Пономаренко, на протяжении всей своей монографии отстаивает точку зрения о том, что под электронным правосудием следует понимать такой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства [10, с.11-12, 57, 70, 76-77, 152]. Как видим, «электронное правосудие» охватывает у автора лишь внешние (формально-технические) стороны правосудия (форму выражения процессуальной информации и форму взаимодействия участников судопроизводства) и оставляет за рамками его содержательную (гораздо более сложную, объемную и важную) часть: интеллектуальную деятельность, которая предшествует объективации процессуальной информации вовне, т.е. является источником данной информации; интеллектуальную деятельность по обработке (оценке) полученной процессуальной информации; интеллектуальную деятельность, которая направляет и сопровождает то или иное физическое (внешнее) взаимодействие субъектов процесса. Таким образом, в концепции электронного правосудия (или электронного гражданского судопроизводства) В.А. Пономаренко без «живого» судьи и «живых» участников процесса не обойтись, а электронная составляющая имеет отношение лишь к отдельным аспектам правосудия.

Аналогичный подход можно встретить и у С.В. Васильковой, которая пишет, что «электронное правосудие в цивилистическом процессе – установленная законом процессуальная деятельность по отправлению правосудия по подведомственным ему делам, при которой дистанционное (удаленное) общение с участниками цивилистического процесса и бездокументарная форма передачи данных (сведений, документов и др.) производятся с использованием информационных технологий (сети Интернет, других

средств телекоммуникационной связи), являющихся альтернативным или субсидиарным средством общения (извещения, слушания) по отношению к существующей документарной форме передачи данных» [9, с. 9]. Автор (и, думается, совершенно оправданно) связывает электронное правосудие только с двумя элементами судопроизводства, причем имеющими отношение исключительно к его внешней форме: возможностью дистанционных коммуникаций субъектов процесса и возможностью передачи данных в бездокументарном виде. По своей сути такая позиция ничем не отличается от взглядов В.А. Пономаренко.

Наоборот, диссонирующей в этом плане выглядит точка зрения И.Ю.Кирвель. Она полагает, что «на современном этапе под электронным правосудием следует понимать государственную деятельность, осуществляемую судом по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, с использованием информационных коммуникационных технологий в процессуальной форме (процессуально-электронной форме)», поясняя при этом, что процессуально-электронная форма означает «определенный порядок рассмотрения и разрешения дел судом, в рамках которого процессуальные действия совершаются в электронной виде» [18, с.339], т.е., другими словами, автор считает, что абсолютно любые действия в ходе судопроизводства могут быть совершены в электронном виде. Однако такая позиция является заблуждением: посредством ИКТ могут быть совершены далеко не все действия, связанные с рассмотрением дела, и уже тем более в электронной форме не может быть осуществлено разрешение гражданско-го (так же как и уголовного) дела.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что круг проблем (вопросов), которые традиционно принято обозначать терминами «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и «электронный суд», очевидно, связан не с тем, чтобы подменить судью и его деятельность по осуществлению правосудия, равно как и деятельность участников судопроизводства, какими-то информационными технологиями, а с тем, чтобы с помощью данных технологий оказать суду и участникам процесса определенное содействие в разбирательстве гражданских и экономических дел. Соответственно, термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» не могут пониматься в буквальном смысле, эти термины имеют образный (условный, переносный) характер и отражают факт применения в правосудии современных ИКТ для решения (облегчения решения) лишь отдельных, преимущественно обеспечительных, вспомогательных задач. Эффективность использования в судопроизводстве ИКТ напрямую зависит от теоретической проработки соответствующих вопросов. В значительной мере поспособствовать этому может классификация ИКТ через призму процессуальных явлений (феноменов,

категорий), поскольку такая классификация позволит наметить те концептуальные (принципиальные) подходы, которых следует придерживаться при внедрении в правосудие ИКТ. Однако это уже предмет для отдельного научного исследования.

Библиографический список

1. Сучок, Т.И. О совершенствовании правосудия и использовании преимуществ научно-технического прогресса / Т. И.Сучок // Судовы веснік. – 2010. – №1. – С. 9-10.
2. Сукало, В.О. Роль Верховного Суда в проведении судебно-правовых преобразований / В.О. Сукало // Судовы веснік. – 2013. – №2. – С. 3-5.
3. Сукало, В.О. О задачах по повышению эффективности судебной деятельности и роли органов судейского сообщества в их решении В. Сукало // Судовы веснік. – 2017. – №4. – С. 7-11.
4. Сукало, В.О. Развитие системы судов общей юрисдикции в современных условиях: новые требования – новый уровень ответственности / В.О. Сукало // Судовы веснік. – 2019. – №2. – С. 7-11.
5. Забара, А.А. Актуальные задачи в сфере гражданского правосудия / А. А.Забара // Судовы веснік. – 2015. – №2. – С. 3-7.
6. Роль суда в обществе не исчерпывается отправлением правосудия (интервью с заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Ж.Б. Шкурдюк) // Судовы веснік. – 2020. – №2. – С. 3-9.
7. Любецкая, С.А. Судебное администрирование как одна из форм совершенствования системы судопроизводства в Республике Беларусь / С. А.Любецкая // Судовы веснік. – 2013. – №4. – С. 29-31.
8. Алексеев, А.А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе / А.А. Алексеев // Арбитраж. и гражд. процесс. – 2016. – № 2. – С. 12-16.
9. Василькова, С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / С.В. Василькова; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2018. – 28 с.
10. Пономаренко, В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции / В.А. Пономаренко. – М.: Проспект, 2015. – 184 с.
11. Приходько, Л.В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «Электронный суд» (e-court) / Л.В. Приходько // Государство и право. – 2007. – №9. – С.82-86.
12. Решетняк, В.И. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве / В.И. Решетняк // Юрист. – 2011. – №9. – С. 33-37.
13. Электронное правосудие. Электронный документооборот: науч.-практ. пособие / С.Ю. Чуча [и др.]. – М.: Проспект, 2018. – 240 с.
14. Андрощук, В.В. Понятие «электронное правосудие»: постановка проблемы / В.В. Андрощук, Е.Н. Швед // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2018: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – С. 360-364.
15. Внедрение технических новаций в судопроизводство не должно вытеснять суть правосудия (по материалам Международной конференции

«Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015)» // Судовы веснік. – 2015. – №3. – С. 9-12.

16. Здрок, О.Н. Перспективы использования IT в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам / О.Н. Здрок // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Вып.6 – Гродно: ГрГУ, 2021. – С. 295-302.

17. Кизей, А.Ю. Электронное правосудие: перспективы развития / А.Ю. Кизей // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной: сб. ст. / Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь; под ред. Н.Л. Бондаренко [и др.]. – Минск: Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – С. 89-92.

18. Кирвель, И.Ю. Электронное правосудие: понятие, сущность, перспективы / И.Ю. Кирвель // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / УО «Гродн. гос. ун-т им. Я.Купалы»; редкол.: И.Э. Мартыненко [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 334-345.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ
БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ
ВОЗДУШНЫХ СУДОВ**

В.С. Слепенкова

Белорусский государственный университет

В статье рассматривались международные акты, регламентирующие вопросы возмещения ущерба за нарушение правил безопасности полетов и эксплуатации гражданских воздушных судов. Внесены предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: возмещение ущерба, гражданская авиация, ответственность.

**INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF COMPENSATION
FOR DAMAGES FOR VIOLATION OF FLIGHT SAFETY
AND OPERATION RULES CIVIL AIRCRAFT**

V.S. Slepenskova

Belarusian State University

The article considered international acts regulating the issues of compensation for damage for violation of the rules of flight safety and operation of civil aircraft. Proposals have been made to improve the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: redress, civil aviation, responsibility.

Взаимоотношения пассажиров и авиаперевозчика, возникающие в процессе оказания услуг по транспортировке потребителя и его багажа, носят сложный и многоплановый характер. Интересы гражданина как слабой стороны в таких отношениях призвана защищать система правовых норм, обеспечивающих достижение юридического равновесия экономически мощных транспортных предприятий и граждан в качестве их контрагентов по договорам перевозки. Решение данной проблемы лежит в сфере закреплённого законодателем набора правовых средств и методов, составляющих механизм гражданско-правовой защиты, имеющий своей целью защиту нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав.

В настоящее время существует ряд международных актов, регламентирующих вопросы ответственности. В первую очередь Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. (далее- Варшавская конвенция), в последующем дополненной многочисленными протоколами.

Для Республики Беларусь Варшавская Конвенция вместе с Гаагским протоколом 1955 г. вступила в силу в 1963 г. Параллельно с активизацией использования гражданской авиации для целей перевозки совершенствуется нормативная правовая база, регламентирующая осуществление международных воздушных перевозок.

Так, в 1999 г. на смену режиму международных воздушных перевозок, действовавшему на основе Варшавской конвенции, в связи с принятием Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. (далее - Монреальская конвенция) пришел новый и значительно более прогрессивный режим, который, не распространяет свое действие на Республику Беларусь.

Среди ведущих позитивных нововведений Монреальской конвенции можно выделить значительно более высокий уровень обеспечения защиты интересов потребителей при международных воздушных перевозках, а также необходимость справедливой компенсации на основе принципа полного возмещения. Ключевые усовершенствования данного международного соглашения сводятся к закреплению значительно более высоких пределов ответственности воздушного перевозчика, по сравнению с Варшавской конвенцией.

Стоит отметить, что сам принцип ответственности воздушного перевозчика претерпел изменения. Так, положения Варшавской конвенции выстроены по «принципу априорной презюмированной вины перевозчика» [1, с. 578]. При этом «истец, требующий возмещения, должен доказать факт нарушения обязательства своим контрагентом, наличие и размер ущерба и причинную связь между правонарушением и ущербом» [2]. Монреальская конвенция вводит совершенно иной принцип – «принцип императивной и не зависящей от вины перевозчика ответственности» [1, с. 603–604]. Этот принцип проистекает из некоторых хронологически наиболее поздних протоколов, принятых в рамках Варшавской правовой системы и вместе с тем не обладающих внушительным числом государств-участников, что снижает их практическую значимость. Именно Монреальская конвенция, аккумулируя в числе своих положений наиболее передовые тенденции протоколов к Варшавской конвенции, устанавливает принцип абсолютной ответственности авиапервозчика (за исключением просрочки в доставке грузов).

Присоединение государства к Монреальской конвенции не обусловлено требованием о денонсации этим государством Варшавской конвенции и не означает автоматического выхода страны из числа ее участниц, поскольку не должно создавать вакуум в отношении международно-правового регулирования перевозок, осуществляемых между этим государством и государством, не ставшим пока участником новой Конвенции и сохраняющим свое участие в документах Варшавской конвенции 1929 г. Статья 55 (п. 1) Монреальской конвенции предусматривает ее преимущественную силу в отношении перевозок между государствами, участвующими в ней, перед положениями Варшавской системы. Число стран, участвующих в Варшавской конвенции и (или) изменяющих ее протоколах, практически не изменилось и, соответственно, превосходит количество участвующих в Монреальской конвенции. Однако с ростом числа участников Монреальской конвенции Варшавская конвенция постепенно фактически утрачивает свое значение.

За несохранность груза и багажа Монреальская конвенция предусматривает значительно более строгую ответственность авиаперевозчика (часто называемую объективной, независимой от вины). Документ определяет исчерпывающий перечень обстоятельств, освобождающих перевозчика от ответственности за несохранность груза: присущий грузу дефект, качество или порок; неправильная упаковка груза лицом, иным чем перевозчик, его работники или агенты; акты войны или вооруженного конфликта; акты органов государственной власти, связанные с вывозом, ввозом или транзитом груза.

Ответственность перевозчика за несоблюдение сроков перевозки пассажира, багажа и груза до сих пор основывается на началах вины, отсутствие которой он должен доказать. Ст.19 Монреальской конвенции в отношении задержки без существенных изменений воспроизводит формулу ст. 20 Варшавской конвенции. Вина перевозчика как основание ее возникновения была и остается неизблемым принципом правового режима перевозок любым видом транспорта. Этот принцип является условием повышения ответственности перевозчика за жизнь и здоровье пассажиров, несохранность багажа и груза. Такой подход обусловлен чрезвычайной сложностью организации и технологии транспортного процесса, зависимостью его от множества условий, разрешений, иных неподвластных перевозчику обстоятельств, а главное — требованиями безопасности полетов, приоритетом сохранности жизни людей. Традиционным и сохраненным Монреальской конвенцией обстоятельством, которое частично или полностью исключает ответственность авиаперевозчика как за причинение вреда жизни и здоровью пассажира, несохранность груза, так и за просрочку (задержку) в их доставке, является вина лица, требующего возмещения, т. е.

отправителя, получателя или пассажира. Последние лишаются права на возмещение вреда в той степени, в какой суд, применяя норму внутреннего права, признает, что их «небрежность, неправильное действие или бездействие» способствовали причинению вреда. Какие-либо иные основания освобождения перевозчика от ответственности недопустимы. Это положение вытекает из ст. 26 Монреальской конвенции.

Монреальской конвенцией (ст. 24) предусмотрен достаточно совершенный механизм периодического пересмотра установленных ею пределов ответственности воздушного перевозчика с учетом коэффициента инфляции, что позволяет в будущем избежать процессов эрозии, которые были свойственны Варшавской системе в части, касающейся адекватности установленных пределов уровню цен и стоимости жизни (требовались согласование и принятие дополнительных протоколов к Конвенции, созыв дипломатических конференций и т. п.). Положения ст. 24 Монреальской конвенции распространяются и на упоминавшийся порог требований к перевозчику в связи со смертью или телесным повреждением пассажира. Так, суммы пределов (порога) ответственности, установленные в ст. 21, 22 и 23, пересматриваются ИКАО, выполняющей функцию депозитария Монреальской конвенции, каждые пять лет (последний пересмотр был в 2019 году).

Монреальская конвенция допускает при оформлении перевозок применение электронно-вычислительных устройств. Согласно Монреальской конвенции несоблюдение правил в отношении документации, отсутствие, недостатки, утрата билета, авиагрузовой накладной или квитанции на груз не лишают перевозчика права ссылаться на правила Конвенции, ограничивающие его ответственность и освобождающие от нее. [3] Прежде по Варшавской конвенции, Гаагскому протоколу 1955 г., если перевозчик принял груз без составления накладной, а пассажира — без билета, или если они не содержат уведомления об ограничении ответственности перевозчика, последний лишался права ссылаться на них [4]. Варшавская конвенция предусматривает лишение перевозчика указанного права и во многих других случаях несоблюдения правил оформления перевозочного документа. Перевозчик в добровольном порядке может оговорить, что в отношении договора перевозки применяются более высокие пределы ответственности, чем предусмотренные в Конвенции, либо никакие пределы ответственности не применяются. Согласно положениям Монреальской конвенции перевозчик вправе сам отказаться от любых предусмотренных в ней средств защиты. Введение электронной формы перевозочной документации позволяет перевозчикам полноценно участвовать в кооперации с иностранными авиакомпаниями на международном рынке авиаперевозок, экономить вре-

мя и средства, связанные с оформлением транспортной документации, не опасаясь быть привлеченным к неограниченной ответственности.

На основании всего вышеизложенного, предлагаем ратифицировать Монреальскую конвенцию 1999 года. Национальное законодательство Республики Беларусь, в случае принятия рассматриваемой конвенции, позволило бы защищать права пассажиров, как более «слабой» стороны, более эффективно.

Тем самым было бы значительно легче перенимать зарубежный опыт в вопросах возмещения ответственности пассажирам. В качестве положительной динамики в вопросах возмещения ущерба, с связи с принятием Монреальской конвенцией, необходимо изучить опыт Российской Федерации, которая ратифицировала Монреальскую конвенцию в 2017 году.

Библиографический список

1. Холопов, К. В. Международное частное транспортное право / К. В. Холопов. – Москва : Статут, 2010. – 700 с.
2. Сигал, К. Ю. Ответственность перевозчика по Варшавской и Монреальской конвенции об унификации некоторых правил международных воздушных перевозок: сравнительно-правовой анализ / К. Ю. Сигал // Научно-практическая конференция : сборник докладов / Университет ГА. – Спб. : 2013 – с. 93–96.
3. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2022.
4. Конвенция для унификации правил, касающихся международных воздушных перевозок// Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2022.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ: ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Е.Е. Сметанина

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Российская Федерация*

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования электронного документооборота между хозяйствующими субъектами. В частности, исследованы правовые основы внедрения электронного документооборота, субъектный состав правоотношений по использованию электронного документооборота, а также правовые последствия использования электронного документооборота.

Ключевые слова: электронный документооборот, хозяйствующие субъекты, цифровизация, электронная подпись.

ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT: PRIVATE LAW AND PUBLIC LAW ASPECTS

E.E. Smetanina

*Orel State University named after I.S. Turgenev
Russian Federation*

The article deals with the issues of legal regulation of electronic document flow between business entities. In particular, the legal foundations of the introduction of electronic document management, the subject structure of legal relations on the use of electronic document management, as well as the legal consequences of the use of electronic document management are investigated.

Keywords: electronic document management, business entities, digitalization, electronic signature.

В 2022 году в Российской Федерации утверждена Концепция электронного документооборота в хозяйственной деятельности (далее - Концепция). Концепция предназначена для реализации комплексного подхода к нормативному правовому регулированию в следующих областях: применение электронной подписи; архивное хранение электронных документов; обеспечение юридической значимости электронного документооборота в сфере хозяйственной деятельности. Целью принятия Концепции является развитие нормативного регулирования с учетом соблюдения баланса инте-

ресов участников рынка и органов государственной власти [1, с.55]. Таким образом, одним из принципов развития правового регулирования электронного документооборота является обеспечение баланса частных и публичных интересов.

Можно выделить следующие сферы, где в настоящее время используется электронный документооборот:

- 1) взаимодействие контрагентов в рамках правоотношений, возникших из гражданско-правового договора (регулируется соглашением сторон, обычно включается в условия договора);
- 2) внутренний документооборот субъектов гражданских правоотношений (регулируется локальным правовым актом);
- 3) взаимодействие с государственными органами (регулируется нормативным правовым актом, действующим в соответствующей сфере);
- 4) информационное взаимодействие посредством обмена документами в электронном виде федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, а также организаций, осуществляющих публично значимые функции;
- 5) взаимодействие работника и работодателя в случае выполнения трудовой функции удаленно (регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации).

В юридической литературе встречаются следующие определения электронного документооборота:

- 1) это форма обмена документами с использованием электронных и программных средств, автоматизация всех этапов документооборота в организации [2, с. 57];
- 2) это способ организации работы с документами, когда основная масса их оригиналов формируется в электронном виде без использования бумажных носителей [3, с. 40].

При этом электронный документ в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяется как документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

В настоящее время отсутствует единый нормативный правовой акт, регулирующий электронный документооборот в сфере гражданских и иных правоотношений. Вместе с тем утверждены документы рекомендательного характера, которые обеспечивают комфортные условия для электронного взаимодействия между хозяйствующими субъектами, а также

операторами электронного документооборота. В соответствующих методических рекомендациях по порядку обмена электронными документами устанавливаются, в частности: процедуры самостоятельного взаимодействия между организациями (физическими лицами) или через оператора электронного документооборота; рекомендации о содержании соглашения между организациями (физическими лицами), если они действуют без оператора электронного документооборота; какой вид подписи могут использовать участники.

В рамках электронного документооборота между хозяйствующими субъектами происходит обмен первичными учетными документами в электронной форме, оформляющими те или иные факты хозяйственной жизни участников гражданского оборота: документы о передаче товара от продавца покупателю, о передаче результатов работ и оказании услуг, счетов-фактур, корректировочных документов и так далее. Одним из актуальных вопросов внедрения электронного документооборота является вопрос о соотношении электронного документа и бумажного документа или о юридической значимости электронного документа. Согласно Федеральному закону от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», каждый факт хозяйственной жизни подлежит оформлению первичным учетным документом и должен содержать обязательные реквизиты. Первичный учетный документ составляется на бумажном носителе и (или) в виде электронного документа, подписанного электронной подписью.

Таким образом, одной из особенностей электронного документооборота является использование электронной подписи. В соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», информация в электронной форме, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью:

1) если она подписана усиленной квалифицированной электронной подписью – во всех случаях, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе;

2) если она подписана простой электронной подписью или усиленной неквалифицированной электронной подписью – в случаях, установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, нормативными актами Центрального банка Российской Федерации или соглашением между участниками электронного взаимодействия, в том числе правилами платежных систем.

Можно отметить следующие эффекты от внедрения электронного документооборота как для целей государственного управления, так и для

участников гражданских правоотношений. Для государства внедрение электронного документооборота влечет следующие положительные эффекты: повышение эффективности налогового администрирования и администрирования страховых взносов; сокращение сроков проведения мероприятий налогового контроля и контроля полноты и своевременности уплаты страховых взносов.

Внедрение электронного документооборота позволяет хозяйствующим субъектам получить следующие эффекты: сокращение непроизводственных расходов, связанных с работой с документами на бумажном носителе; сокращение количества ошибок, связанных с обработкой документов; повышение скорости заключения и проведения сделок, и, как следствие, оборота финансовых средств и другие положительные эффекты.

Можно ли считать внедрение электронного документооборота проявлением цифровизации гражданского оборота и государственного управления? По мнению Санниковой Л.В. и Харитоновой Ю.С. при положительном ответе на этот вопрос происходит подмена понятий. Цифровизация предполагает использование передовых цифровых технологий, переход же к электронному формату взаимодействия не требует принципиально новых технологических решений, основанных на цифровых технологиях. Вместе с тем, если рассматривать электронный документ исключительно с технической точки зрения, то отнесение его к так называемым цифровым объектам было бы оправданным, так как электронный документ обладает цифровой сущностью, реализация которой возможна только в электронной среде [4, с. 10].

Библиографический список

1. Зобова, Е.П. Цифровизация хозяйственной деятельности: перспективы // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. – 2021. – № 2. – С. 54 – 63.
2. Афанасьевская, А.В., Содель, О.В. Электронный документооборот: сравнительно-правовой анализ российского и европейского законодательства // Российский судья. – 2021. – № 11. – С. 57 – 60
3. Чесноков, С.В. Внедрение электронного документооборота в российских организациях // Бухгалтер и закон. – 2015. – № 1. – С. 40 – 44.
4. Санникова, Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. – 304 с.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В.П. Сухопаров

Белорусский государственный университет

Государственное управление информационным и цифровым пространством является необходимым для осуществления задач и функций государственных органов, надлежащего, стабильного и безопасного функционирования общества и государства под влиянием повсеместного «проникновения» ИКТ. Это обуславливает развитие соответствующих административно- и информационно-правовых институтов, необходимость уточнения понимания отдельных конституционно-правовых норм. Раскрытию данных межотраслевых аспектов информационных правоотношений в сети Интернет и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: государственная регистрация; Интернет; информационные правоотношения; информационный суверенитет; владельцы интернет-ресурсов; сетевые издания; доменные имена.

INTER-BRANCH ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION RELATIONS ON THE INTERNET

V.P. Sukhparau

State governing information and digital sphere is the necessity for realization of state structures' goals and functions as well as for normal, stable and safe functioning of society and state who have influence of ICT. So, administrative and information law institutions also have some current improvements and rules of constitutional law are needed in some clarifying. Such interdisciplinary aspects are revealed in the present article.

Key-words: public registration; Internet; information law relations; information sovereignty; owners of web-sources; online-media; domain names.

Развитие информационного общества в современных государствах и всеобъемлющий характер информатизации и цифровизации различных сторон общественной жизни не может не сказываться и на специфике соответствующего правового регулирования. В связи с этим закономерным представляется тот факт, что информационное право еще на этапе своего становления «пребывало на периферии отраслевой семьи права», а предмет информационного права «включал в себя рассмотрение наиболее общих тенденций развития информационных отношений, анализ теоретиче-

ских положений формирования и развития системы правового обеспечения информационной сферы» [1, с. 104]. Развитие информационного права, на наш взгляд, продолжает носить комплексный характер регулирования информационных отношений, в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет. При этом для включения общественных отношений в предмет информационного права необходима их тесная связь с информацией, ее «продуктами» и «производными» (т. е. информационными сетями, системами, ресурсами, а также информационными и информационно-коммуникационными технологиями). На сегодняшний день перечисленный перечень объектов информационно-правового регулирования закономерно дополняется цифровыми технологиями и процессом цифровизации в целом, которая вместе с тем включается в сферу государственного управления, нормативно-правовое обеспечение которого входит в систему источников административного права.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» на Министерство связи и информатизации Республики Беларусь были дополнительно возложены функции государственного управления в сфере цифрового развития. Наряду с этим согласно п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» государственная регистрация информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет, размещенных на территории Республики Беларусь, осуществляется по заявительному принципу уполномоченной Министерством связи и информатизации Республики Беларусь организацией. Государственная регистрация сетевых изданий (т. е. интернет-ресурсов, регистрируемых в качестве средств массовой информации) осуществляется республиканским органом государственного управления в сфере массовой информации – Министерством информации Республики Беларусь (ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации»). Доменные имена национальной доменной зоны (Республика Беларусь) регистрируются регистраторами доменных имен, с которыми администратором национальной доменной зоны заключено соглашение о взаимодействии и соответствующими иным предъявляемым к регистраторам доменных имен требованиям в соответствии с приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18 июня 2010 г. № 47 «О регистрации доменных имен в национальной доменной зоне» и иными нормами законодательства.

Рассматриваемые регистрационные производства, а также иная управленческая деятельность в сфере информатизации и цифровизации

указывают вместе с тем на взаимосвязь административного и информационного права Республики Беларусь. Однако информационное право не ограничивается публично-правовыми аспектами информационных отношений, равно как и административное право не ограничивается регулированием государственного управления сугубо в области информатизации и цифровизации, а имеет и другие объекты управленческой деятельности государственных органов. Среди иных информационных отношений в сети Интернет, включаемых в предмет информационно-правового регулирования, можно упомянуть охрану интеллектуальной собственности в информационной сфере сети Интернет, функционирование электронных библиотек, деятельность средств массовой информации, электронный маркетинг и др. Эти и другие институты отрасли информационного права обуславливают ее особое место в национальной системе права и, в частности, позволяют разграничивать данную отрасль от административного права.

В то же время влияние государственного управления на процессы информатизации и цифровизации в период их развития является необходимым и весьма важным компонентом управленческой деятельности государственных органов. В теории административного права среди элементов административного процедурного производства и управленческой деятельности государственных органов в целом, не связанных с привлечением к административной ответственности и возникающих на основе правомерных действий физических и юридических лиц, выделяется регистрационное производство [2, с. 270; 3, с. 139; 4, с. 362–363]. Как уже было отмечено выше, в рамках процессов информатизации и цифровизации в Республике Беларусь республиканскими органами государственного управления либо подведомственными им организациями осуществляется ряд регистраций, обеспечивающих правовую основу реализации информационных отношений в сети Интернет. Это обуславливает необходимость теоретико-прикладного разграничения рассматриваемых регистрационных производств в системе государственного управления информационным пространством.

Государственная регистрация сетевых изданий необходима для придания интернет-ресурсам, при помощи которых в сети Интернет распространяется массовая информация, правового статуса средств массовой информации. Однако, несмотря на рассчитанность информации, размещаемой на интернет-ресурсах, на неопределенный круг лиц, в случаях, если цели создания и поддержания функционирования интернет-ресурсов связаны с реализацией товаров, выполнением работ, оказанием услуг на территории Республики Беларусь, то такие информационные ресурсы, а также сети и системы национального сегмента сети Интернет регистрируются не

как сетевые издания в Министерстве информации Республики Беларусь, а как сетевые адресные пространства, либо центры обработки данных, либо интернет-сайты в Республиканском унитарном предприятии по надзору за электросвязью «БелГИЭ» (РУП «БелГИЭ») (п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет»; п. 4.2 единого перечня административных процедур, осуществляемых в отношении субъектов хозяйствования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24.09.2021 № 548). Регистрация доменных имен национальной доменной зоны осуществляется в целях их дальнейшего использования для поименованного обращения к интернет-ресурсу владельца домена (п. 3 Инструкции о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, утвержденной приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18.06.2010 № 47). При этом согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» название сетевого издания должно совпадать с доменным именем интернет-ресурса.

Таким образом, несмотря на взаимосвязь данных регистрационных производств с обеспечением правовой основы для реализации информационных правоотношений в сети Интернет на территории Республики Беларусь, рассматриваемые производства отличаются друг от друга не только по видам государственных органов и организаций, осуществляющих регистрацию соответствующих объектов информационных отношений в сети Интернет либо по факту отнесения рассматриваемых регистраций к административным процедурам, но и по видам объектов, подлежащих регистрации и юридическим последствиям данных регистраций для последующей реализации соответствующих информационных правоотношений в сети Интернет.

Так, государственная регистрация сетевого издания осуществляется в отношении интернет-ресурсов, при помощи которых на территории Республики Беларусь распространяется массовая информация. Интернет-ресурс, не зарегистрированный в качестве сетевого издания, средством массовой информации не является (п. 1 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации»). Государственная регистрация информационных сетей, систем и ресурсов, имеющих подключение к сети Интернет, на территории Республики Беларусь осуществляется в отношении информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет, размещенных на территории Республики Беларусь, и позволяет осуществлять деятельность по реализации товаров, выполнению работ и оказанию услуг в Республике Беларусь с использованием сети Интернет. Доменные имена национальной доменной

зоны регистрируются в целях их учета, повышения эффективности государственного контроля в сети Интернет, юридического придания статуса соответствующим доменным именам принадлежности их владельцам, а, значит, и в целях дальнейшей защиты прав и законных интересов указанных субъектов, а также в целях обеспечения безопасности использования национального сегмента сети Интернет и реализации других управленческих функций государственными органами.

Рассмотренные виды регистраций объектов информационных правоотношений в сети Интернет вместе с тем указывают на межотраслевую проблематику суверенитета и юрисдикции государства в киберпространстве. С одной стороны, суверенитет государства входит в предмет конституционно-правового регулирования, с другой – его осложненность в рассматриваемом случае, заключающаяся в проявлении в информационно-технологической среде, обуславливает также необходимость информационно-правовой регламентации соответствующих вопросов. Как точно отмечается в юридической литературе относительно «точек пересечения» конституционного и информационного права, наблюдается некоторая «конституционализация информационно-цифрового пространства» и «цифровизация конституционного права», тенденция чему была предопределена еще «на заре сетевой эпохи, когда государство и общество только отчасти были связаны информационными технологиями» [5, с. 27; 1, с. 105].

В Республике Беларусь определения понятий «информационный суверенитет» и «суверенитет данных» предусмотрены в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № I. Так, согласно п. 8 указанной Концепции под информационным суверенитетом понимается неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность.

Наряду с приведенным подходом к определению информационного суверенитета Республики Беларусь, на наш взгляд, его признаки могут также уточняться применительно к конкретным видам информационных правоотношений, в том числе в сети Интернет, в соответствии со специальными нормами законодательства Республики Беларусь. Так, согласно п. 2 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» иностранные средства

массовой информации, распространяющие на территории Республики Беларусь свою продукцию с изменением ее формы или содержания, подлежат государственной регистрации в республиканском органе государственного управления в сфере массовой информации. При этом в целом для регистрируемых интернет-ресурсов, которые подлежат регистрации в качестве СМИ в Республике Беларусь, не устанавливается требования об их размещении в пределах национальной доменной зоны (определяемой доменами первого уровня «.by» или «.бел»). Помимо этого, иностранное СМИ согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» не определяется посредством доменной зоны соответствующих интернет-ресурсов (в случаях средств массовой информации – сетевых изданий). Следовательно, при регулировании информационных отношений в сети Интернет, связанных со СМИ, информационный суверенитет Республики Беларусь определяется фактом распространения и рассчитанностью массовой информации на аудиторию, находящуюся в территориальных пределах Республики Беларусь. В то же время исходя из норм Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» в отношении доменных имен и информационных сетей, систем и ресурсов сети Интернет следует иной подход к информационному суверенитету Республики Беларусь, в соответствии с которым суверенитет Республики Беларусь в глобальной компьютерной сети Интернет определяется национальной доменной зоной Республики Беларусь (по доменам первого уровня «.by» или «.бел») либо размещением информационных сетей, систем и ресурсов сети Интернет на территории Республики Беларусь.

В заключение отметим, что в настоящее время вопрос суверенитета и юрисдикции государств в глобальной компьютерной сети Интернет, а также над ИКТ-инфраструктурой в целом является достаточно сложным и комплексным, подходы к его решению в юридической науке и практике неоднозначны. Государственное управление процессов информатизации и цифровизации обуславливает взаимосвязь административно- и информационных-правовых норм в национальной правовой системе. Правовую основу для реализации владельцами интернет-ресурсов, сетевых изданий, а также владельцами доменных имен субъективных информационных прав в сети Интернет в Республике Беларусь составляют, в частности, регистрационные производства соответствующих объектов информационных правоотношений в сети Интернет, осуществляемые республиканскими органами государственного управления, подведомственными им организациями либо иными субъектами административно- и информационно-правовых отношений, определяемыми в соответствии с законодательством.

Библиографический список

1. Перепелица, Е.В. Прерогативы информационного права в мире «цифровой пандемии» / Е.В. Перепелица // Право.by. – 2022. – № 4 (78). – С. 103–110.
2. Административное право : учебник / Л.М. Рябцев, О.И. Чуприс [и др.]. – Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2014. – 605 с.
3. Крамник, А.Н. Административное право. В 2 ч. Ч. 1 Управленческое право : учебник / А.Н. Крамник, О.И. Чуприс. – Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2013. – 567 с.
4. Куневич, Г.Г. Административные процедуры в Республике Беларусь и зарубежный опыт / Г.Г. Куневич // Публічне адміністрування в умовах змін та перетворень: проблеми організації та правового забезпечення : зб. наук. пр. за матеріалами III Міжнар. наук.-практ. конф., м. Харків, 11–12 квіт. 2019 р. / Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого; відп. за вип.: Н.П. Матюхіна, Г.А. Гончаренко, М.С. Ковтун, С.А. Федчишин. – Харків : Право, 2019. – С. 362–366.
5. Бондарь, Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Журн. рос. права. – 2019. – № 11. – С. 25–42.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

О.Н. Толочко

Белорусский государственный университет

Цифровая трансформация не ограничивается техническими средствами помощи органам правосудия, а представляет собой фундаментальный вызов современной правовой системе. В статье анализируются качественные изменения, происходящие в системе отправления правосудия и обуславливающие необходимость совершенствования норм права, регулирующих процесс и пределы использования технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве. По мнению автора, в отсутствие законодательного регулирования судьям надлежит руководствоваться принципом предосторожности и Бангалорскими принципами поведения судей, что несомненно повысит культуру отправления правосудия и доверие к нему со стороны общества.

Ключевые слова: цифровая трансформация, правосудие, технологии искусственного интеллекта, базы данных, принцип предосторожности

DIGITAL TRANSFORMATION OF JUSTICE SYSTEM: NEW CHALLENGES

O.N. Tolochko

Belarusian State University

Digital transformation is not limited to technical means of assisting the judiciary, but represents a fundamental challenge to the modern legal system. The article analyzes the qualitative changes taking place in the system of administration of justice and necessitating the improvement of the rules of law governing the process and limits of the use of artificial intelligence technologies in legal proceedings. According to the author, in the absence of legislative regulation, judges should be guided by the precautionary principle and the Bangalore principles of judicial conduct, which will undoubtedly increase the culture of the administration of justice and public confidence in it.

Keywords: digital transformation, justice, artificial intelligence technologies, databases, precautionary principle

Достижения в области информационно-коммуникационных технологий, полностью изменив систему государственного управления, оказали огромное влияние и на работу судов и правоохранительных органов. На протяжении трёх десятков лет информационно-коммуникационные технологии повышают прозрачность и эффективность работы органов правопо-

рядка и в значительной мере изменяют практику их работы, в частности, стимулируют переход на безбумажное электронное судопроизводство. Компьютерные программы и алгоритмы, системы искусственного интеллекта используются во всё большем количестве процедур и процессуальных действий. Цифровые технологии облегчают и упрощают работу и в целом позитивно сказываются на работе судебных и правоохранительных органов.

Вместе с тем, в последнее время всё большее распространение в мире получают технологии искусственного интеллекта, которые могут оказывать непосредственное влияние на процесс вынесения судебных решений. Речь идет, прежде всего, о технологиях прогноза (предиктивной аналитики), которые посредством машинного обучения могут формировать прогнозы будущих судебных решений или актов правоохранительных органов. Компьютер анализирует материалы дел: процессуальные документы, судебные решения и т.д., и на основе анализа этого набора обучающих данных устанавливает статистические сопоставления между обстоятельствами дел и соответствующими судебными или процессуальными актами. Чем больше исходных данных обработает машина, тем более точные прогнозы она сможет формировать по новым делам. Таким образом, системы искусственного интеллекта «учатся» производить решения, которые по таким делам могли бы принять судьи. Технологии предиктивного правосудия, в отличие от, например, технологий цифрового обмена данными и документами, может оказывать прямое влияние на вынесение судебных решений, причём это влияние может иметь как позитивный, так и нежелательный характер.

Как отмечает старший научный сотрудник Института изучения судебных систем Национального исследовательского совета Италии Ф. Контини, который в свое время участвовал в разработке Этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах Совета Европы и Справочного руководства по укреплению честности, неподкупности и потенциала судебных органов управления ООН по наркотикам и преступности, – потенциальное воздействие предиктивных технологий на отправление правосудия можно оценить, изучив проблемы, создаваемые уже используемыми цифровыми технологиями, например, такими как системы делопроизводства и электронной подачи документов. Исследователь приводит в пример случай в Англии и Уэльсе, когда простая арифметическая ошибка в официальной форме документа, используемой в делах о разводе, за 19 месяцев привела к неправильному расчету алиментов в 3600 делах [1]. Однако основная проблема, как отмечает автор, заключается не в самой ошибке искусственного интеллекта, а в причинах, по которым Министрство юстиции и лица, использовавшие эту форму, полтора года ее не

замечали. Пользователи любой системы обычно смотрят на её интерфейс и возможности, не вникая в детали их внутренней работы. Следовательно, «встроенные» ошибки могут в значительной мере влиять на качество принимаемых решений и, в конечном счёте, на качество отправления правосудия.

Широко применяемые в настоящее время во многих странах Европы и США судебные технологии обеспечивают доступ к массиву данных о судебных делах для повышения прозрачности. Однако процессы обработки, внутренней оценки системами этих данных оценить и проконтролировать извне довольно сложно. Поэтому на повестке стоит создание эффективных правовых механизмов контроля над внутренней работой информационно-коммуникационных технологий и алгоритмов, обрабатывающих данные.

В некоторых странах уже используются технологии, выдающие рекомендации относительно принятия решений о предварительном заключении под стражу. Они используют алгоритмы, вычисляющие вероятность рецидива, и оценивают, насколько вероятно совершение обвиняемым преступления, если не заключить его под стражу. Такая оценка ставит судей в непростое положение. Очевидно, что судья должен быть вправе не согласиться с оценкой компьютера. Однако каковы будут последствия в том случае, если обвиняемый не будет заключен под стражу и совершит преступление?

Наиболее продвинутым в применении такого рода технологий в судопроизводстве является в настоящее время Китай. В июле 2022 г. искусственный интеллект впервые составил текст обвинительного заключения, которое было предъявлено в суде. Разработанная Китайской академией наук система машинного обучения System of Systems (SoS) сканирует судебные дела, рекомендует судье законодательные акты, составляет процессуальные документы и даже исправляет то, что она считает ошибками в приговоре. В соответствии с предписанием Верховного Народного Суда КНР с системой консультируется каждый судья по каждому делу. Если судья не согласен с рекомендациями, то он должен представить ей письменное объяснение для учёта и проверки. Система обучалась на 17 тысячах дел, рассмотренных в судах Шанхая с 2015 по 2020 годы. Она выносит обвинения, основываясь на тысяче характерных черт, которые сама выявляет в судебных документах по конкретным уголовным делам, при этом точность составляет 97%. По сообщениям из китайских источников, внедрение искусственного интеллекта в судебную систему позволило сократить среднюю нагрузку на судью более чем на 33% и сэкономить 1,7 млрд рабочих часов для граждан КНР в течение 2 лет. Кроме того, сообщается, что за 2019–2021 годы было сэкономлено более 45 млрд долларов, что эквивалентно половине всех гонораров адвокатов в Китае в 2021 г. По информа-

ции разработчиков, SoS может выдвигать обвинения по восьми наиболее распространённым в КНР преступлениям: хищение, мошенничество, мошенничество с кредитными картами, организация азартных игр, нарушение ПДД, нанесение телесных повреждений и создание препятствий представителям властей. Разработчики считают, что в скором времени искусственный интеллект сможет выносить обвинения и по более сложным с правовой точки зрения делам [2].

Вместе с тем, любая технология искусственного интеллекта основывается на обработке уже имеющихся данных. Компьютер может просчитать вероятность рецидива с гораздо большей точностью, чем судья. Искусственный интеллект не подвержен эмоциям и коррупции, он может чётко придерживаться законодательства и выносить решения с учётом многих факторов, включая данные, характеризующие участников процесса. Система может оперировать большими данными из архивов государственных служб, может быстро обрабатывать данные и учитывать значительно более факторов, чем судья-человек [3].

Однако, во-первых, вывод, сделанный на основе предшествующего опыта и имеющихся данных всегда вероятностен. Во-вторых, большой вопрос, на основе каких посылок и установок машина делает конечный вывод? Например, в алгоритм может быть заложена бóльшая вероятность совершения правонарушения чернокожим или меньшая – женщиной, что может отражать сложившиеся стереотипы и предубеждения. В последние годы научная общественность и средства массовой информации обсуждают феномен, получивший название «AI bias», что можно перевести как «необъективность искусственного интеллекта» или «пристрастность искусственного интеллекта» [4]. Расизм и сексизм, присущий многим действующим алгоритмам, серьёзно обсуждается в профессиональных изданиях, таких как «Engadget» [5], «TechTalks» [6], а также в массовых СМИ, таких как «The Guardian» [7], «The New York Times» [8]. Кроме того, отсутствие эмоциональной составляющей при рассмотрении судебных дел не на пользу правосудию.

Очевидно, что, как результат научно-технического прогресса, технологии искусственного интеллекта никуда не уйдут, и их применение в судопроизводстве будет только расширяться. Поэтому на повестке стоит разработка действенных механизмов контроля за всеми применяющимися алгоритмами, будь то системы делопроизводства, формы документов или более сложные программы, помогающие судьям выносить решения.

Наиболее остро проблема контроля стоит в отношении технологий, основанных на машинном обучении. Прогнозы в таких системах основываются на алгоритмах, которые со временем изменяются: машина «учится» на основе собственного опыта. Когда алгоритм изменяется, человек уже не

может знать, как он работает и почему машина ведет себя определенным образом. Вопрос обеспечения контроля и подотчетности технологий искусственного интеллекта, основанных на машинном обучении, при нынешнем развитии науки и техники остается открытым.

Поэтому до тех пор, пока технические и правовые решения не найдены, судьям надлежит руководствоваться принципом предосторожности, т.е. при отсутствии надёжных данных избегать неоправданных рисков. Принцип предосторожности закреплён в Этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах Совета Европы. Однако, как именно он будет реализовываться на практике, пока не очень понятно. Эта задача стоит не только перед юристами. Она может быть выполнена при участии специалистов из разных областей – программистов, психологов, социологов, экономистов и др., и при условии широкого мониторинга работы систем искусственного интеллекта и их оценки на предмет соблюдения ключевых ценностей, закреплённых в Бангалорских принципах поведения судей [9]: независимость, объективность, честность и неподкупность, соблюдение этических норм, равенство, компетентность и старательность. Только при таких условиях цифровые технологии не приведут к дегуманизации правосудия, а наоборот будут способствовать повышению доверия со стороны общества.

Библиографический список

1. Контини, Ф. Искусственный интеллект: Новый способ ненадлежащего воздействия на судебные органы? / Ф. Контини // UNODC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/dohadeclaration/ru/news/2019/06/artificial-intelligence_-a-new-trojan-horse-for-undue-influence-on-judiciaries.html. – Дата доступа: 01.09.2022.
2. China's AI-Enabled 'Smart Courts' to Recommend Laws & Draft Legal Docs; Judges to Take Consult AI Before Verdict // The Eurasian Times [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eurasianimes.com/chinas-ai-enabled-smart-court-to-recommend-laws-judges/>. – Date of access: 02.09.2022.
3. Технологии искусственного интеллекта // Агентство промышленного развития Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apr.moscow/content/data/pdf>. – Дата доступа: 02.09.2022.
4. Сексизм и шовинизм искусственного интеллекта: почему так сложно его побороть? // TAdviser. Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru>. – Дата доступа: 02.09.2022.
5. Ip, C. In 2017, society started taking AI bias seriously / C. Ip // Engadget [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.engadget.com/2017-12-21-algorithmic-bias-in-2018.html>. – Date of access: 02.09.2022.
6. Dickson, B. What is algorithmic bias? / B. Dickson // TechTalks [Electronic resource]. – Mode of access: <https://bdtechtalks.com/2018/03/26/racist-sexist-ai-deep-learning-algorithms/>. – Date of access: 02.09.2022.

7. Naughton, J. Even algorithms are biased against black men / J. Naughton // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/26/algorithms-racial-bias-offenders-florida>. – Date of access: 02.09.2022.

8. Tufekci, Z. The Real Bias Built In at Facebook / Z. Tufekci // The New York Times [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/05/19/opinion/the-real-bias-built-in-at-facebook.html>. – Date of access: 02.09.2022.

9. Бангалорские принципы поведения судей 2002 г. // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

10. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml. – Дата доступа: 04.09.2022.

РОЛЬ «ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВА» В ПРОДВИЖЕНИИ ПРАВ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Н.М. Шевко

Белорусский государственный университет

Люди с инвалидностью относятся к одной из наиболее уязвимых групп. В этой связи, они заслуживают особого внимания и защиты со стороны государства. В статье анализируется роль «эффективного государства» в продвижении и защите прав людей с инвалидностью. Участие людей с инвалидностью в общественной и политической жизни невозможно без обеспечения доступности информационно-коммуникационных технологий. В рамках концепции «эффективного государства» участие и доступность являются основными принципами инклюзии людей с инвалидностью в цифровое общество.

Ключевые слова: «эффективное государство»; права человека; люди с инвалидностью; доступность; информационно-коммуникационные технологии.

THE ROLE OF A «GOOD GOVERNANCE» IN PROMOTING THE RIGHTS OF PEOPLE WITH DISABILITIES

N.M. Shevko

Belarusian State University

People with disabilities are one of the most vulnerable groups. In this regard, they deserve special attention and protection from the state. The article analyzes the role of the "effective state" in the promotion and protection of the rights of people with disabilities. The participation of people with disabilities in public and political life is impossible without ensuring the availability of information and communication technologies. Within the framework of the concept of "effective state", participation and accessibility are the main principles for the inclusion of people with disabilities in the digital society.

Keywords: «good governance»; human rights; people with disabilities; availability; information and communication technologies.

Современная концепция «эффективного государства» включает в том числе такие основные характеристики, как участие и доступность. Именно благодаря их проявлению в отношении людей с инвалидностью можно говорить о «хорошем управлении». Особое внимание к людям с инвалидностью (в рамках данной концепции) обусловлено тем, что при принятии каких-либо решений (в общественной и политической жизни) необходимо

учитывать голоса наиболее уязвимых слоев общества [1, с. 1]. Более того, принимая во внимание тот факт, что права человека неразрывно связаны с «good governance», эффективная реализация прав человека людьми с инвалидностью зависит от того, насколько государство соблюдает такие принципы, как: «никого не забыть», недискриминация, участие, доступность и справедливость. В этой связи стоит согласиться с тем, что «благое управление имеет важнейшее значение для осуществления всех прав человека» [2, п. 6] и «как таковое, оно является неременным условием для полного их осуществления» [2, п. 7].

Роль «эффективного государства» в продвижении прав людей с инвалидностью в первую очередь проявляется в обеспечении участия этой группы лиц в общественной и политической жизни государства. С одной стороны, участие в политической и общественной жизни государства является фундаментальным правом каждого гражданина, включая людей с инвалидностью. Осуществление данного права этой категорией граждан позволяет человеку с инвалидностью влиять не только на свое собственное развитие, но и на развитие общества в целом. С другой стороны, «активное и осознанное участие различных групп населения, в том числе... инвалидов, не только соответствует подходу, основанному на правах человека, но и является одним из принципов этого подхода» [3, п. 13].

Действительно, полноценное участие людей с инвалидностью закреплено в Преамбуле Конвенции о правах инвалидов 2006 г. (далее –КПИ) (ст. 3 (с)); участие, как одно из основных политических прав закреплено в статье 29 КПИ; обеспечение участия, как обязательство государств закреплено в статье 4 (с) КПИ. Также участие упоминается в связи с правами: на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество (ст. 19); на инклюзивное образование (ст. 24); на абилитацию и реабилитацию (ст. 26); на участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом (ст. 30). Широкое применение участия в КПИ свидетельствует о том, что участие выходит за рамки политических прав и распространяется на другие права человека людей с инвалидностью (в таких сферах как здравоохранение, образование, правосудие).

Однако обеспечение участия людей с инвалидностью в общественной и политической жизни невозможно без обеспечения доступности информационно-коммуникационных технологий (далее –ИКТ), которые активно проникают во все сферы современного общества. Действительно, доступность электронного голосования, электронных обращений, интерактивных площадок для обсуждения проектов правовых актов, электронных государственных услуг, электронного документооборота, а также информации в электронном формате способствует всестороннему участию людей с инвалидностью в жизни общества наравне с другими. При этом стоит при-

знать, что на практике люди с инвалидностью по-прежнему сталкиваются с препятствиями и барьерами. Под воздействием различного рода барьеров они лишаются возможности высказать свое мнение и в результате решения принимаются за них, а также создаются ситуации, при которых люди с инвалидностью исключаются из процесса принятия жизненно важных для них решений на местном, региональном и международном уровнях. Также они лишь в редких случаях занимают должности в правительствах и с ними обычно не консультируются в процессе разработки политики [3, п. 25].

Тем не менее, участие людей с инвалидностью в обсуждении и разработке текста КПИ способствовало тому, что произошел сдвиг в сторону того, что люди с инвалидностью совершенно однозначно были признаны «субъектами» прав человека и основных свобод. Принимая во внимание тот факт, что люди с инвалидностью представляют собой одну из наиболее неоднородных групп, именно их активное участие в процессах принятия решений способствует построению инклюзивного общества [3, п. 27]. В этой связи, не стоит недооценивать роль участия людей с инвалидностью в рамках концепции «good governance». Так, реализация политических прав людей с инвалидностью, в частности права на управление государственными делами без дискриминации и наравне с другими и права на участие в государственных делах [4, ст. 29 (b)] приведет к принятию более оптимальных решений, государственных стратегий и программ, основанных на их потребностях. Также, обеспечивая осуществление права на участие в политической и общественной жизни, государства таким образом гарантируют реализацию других фундаментальных прав человека людей с инвалидностью (право на образование, право на доступ к информации, право на участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом, право на свободу выражения мнения и убеждений).

Таким образом, взаимно укрепляя друг друга, «good governance» и права человека необходимы для построения мирного, справедливого и инклюзивного общества, а также для обеспечения устойчивого развития.

Библиографический список

1. What is good governance [Electronic resource] // United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. – Mode of access: <https://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf>. – Date of access: 10.06.2022.
2. Intersessional seminar on the role of good governance in the promotion and protection of human rights and best practices in the implementation of the Sustainable Development Goals, including Goal 16 in this regard [Electronic resource] // UN, Human Rights Council. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/338/40/PDF/G193>. – Date of access: 10.06.2022.

3. Report of the Special Rapporteur on the rights of persons with disabilities [Electronic resource] // UN, Human Rights Council. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G16/004/48/PDF/G1600448.pdf?OpenElement>. – Date of access: 10.06.2022.

4. Конвенция о правах инвалидов: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 61/106 от 1 декабря 2006 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа: 10.06.2022.

ПУТИ ПРИМЕНЕНИЯ СЕТЕВЫХ СПОСОБОВ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

П.В. Юсупов

Белорусский государственный университет

В условиях пандемии covid-19 и повсеместного развития современных технологий, все более важным становится обеспечение возможности контактирования представителей бизнес кругов и государственной власти с использованием сети интернет. Совершенствование сетевых каналов интернет коммуникации упростит возможность ведения диалога и повысит качество нормативного регулирования.

Ключевые слова: Government relations (GR), взаимодействие государства и бизнеса, бизнес, общественно-консультативные советы, электронное обсуждение проектов НПА, интернет коммуникация бизнеса и государства представительство интересов.

WAYS OF APPLICATION OF NETWORK METHODS OF COMMUNICATION IN THE PROCESS OF INTERACTION OF THE STATE AND BUSINESS

P.V. Yusupov

Belarusian State University

In the context of the covid-19 pandemic and the widespread development of modern technologies, it becomes more and more important to ensure the possibility of network contacts between representatives of business circles and government authorities. Improving electronic sources of communication will simplify the opportunity for dialogue and improve the quality of regulatory regulation.

Keywords: Government relations (GR), interaction between the state and business, business, public advisory councils, electronic discussion of laws projects and regulations, internet communication between state and business, representation of interests.

В настоящий момент в Республике Беларусь существует ряд возможностей электронной коммуникации, среди них: площадка «Правовой форум Беларуси»; возможность подачи электронного обращения по различным вопросам в органы государственной власти; проведение заседаний консультативных структур в формате онлайн; доступ к контактам уполномоченных лиц государственных органов через сайты министерств и ведомств; иные мероприятия, организуемые с помощью сети интернет.

Сайт «Правовой форум Беларуси» действует на основании Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», Постановления Совета Министров Республики Беларусь «О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов» и Приказа Национального центра правовой информации Республики Беларусь «О проведении публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов на сайте «Правовой форум Беларуси»» [1][2].

Правовой форум предоставляет возможность комментариев только для зарегистрированных пользователей. Регистрация осуществляется в двух категориях «Пользователь» и «Специалист (юрист)». Для получения статуса специалиста не требуется какое-либо подтверждение компетенции, что, по нашему мнению, является негативным аспектом.

Перед опубликованием любой комментарий попадает на модерацию. Тем не менее, качество данной модерации недостаточно высокое, что снижает уровень дискуссии.

Дизайн правового форума и его структура достаточно устарели и нуждаются в обновлении. Новым пользователям может быть затруднительно сразу разобраться с механизмом работы сайта и размещением на нем информации. Отдельным недостатком является неполнота информации, приложенной к проекту того или иного акта.

Кроме исправления вышеописанных недостатков, считаем необходимым добавить возможность отслеживания на Правовом форуме стадий прохождения того или иного законопроекта с необходимой справочной информацией. Следующим способом является возможность подачи электронного обращения. На данный момент отправка обращения возможна двумя путями: посредством электронной почты и с помощью электронной формы на сайте государственного органа.

Согласно п. 23 Типового положения об общественно-консультативном (экспертном) совете по развитию предпринимательства допускается принятие решение советом без проведения заседания совета, путем письменного опроса его участников, что делается в электронном формате [3].

Вторым аспектом сетевого взаимодействия с консультативными структурами является информирование их деятельности и составе. Не все государственные органы своевременно публикуют протоколы заседаний и актуальный состав советов. Сайты министерств и ведомств зачастую предоставляют рабочие контактные данные чиновников. Чиновники высшего уровня государственного управления (министры и их заместители) представлены телефонами их приемных.

Под иными мероприятиями, организуемыми с помощью сети интернет, понимаются различного рода семинары, совещания и воркшопы, про-

водимые с участием или под началом государственных органов и стейкхолдеров со стороны бизнеса. В силу новизны данного формата встреч, государственные органы чаще отменяют мероприятие, чем переносят его в онлайн.

Таким образом, в Республике Беларусь сформированы базовые компоненты ИТ взаимодействия государства и бизнеса. Наличие Правового форума, возможности подачи электронных обращений, предусмотренная возможность удаленного функционирования консультативных структур, доступность контактов чиновников и рост количества мероприятий на онлайн платформах говорит о стремлении упростить для субъектов информационное взаимодействие. Тем не менее, в функционировании данных каналов коммуникации присутствует ряд недостатков. Устранение технических недостатков правового форума: устаревший дизайн, усложненность сайта. Улучшение модерации также позитивно повлияет на качество обсуждения. Требуется увеличить функционал форума.

Формы подачи обращений достаточно функциональны, единственным на наш взгляд усовершенствованием может стать придание формам различных ведомств единообразия в формате заполнения полей. Возможность направлять позиции в консультативные советы посредством электронной почты является плюсом, но учитывая возможность государственных органов организовывать мероприятия в режиме онлайн встреч было бы лучше проводить их именно таким образом. Решением проблемы может стать организация обучения сотрудников взаимодействию через системы онлайн на базе учреждений повышения квалификации ВУЗов.

Библиографический список

1. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018, № 130-3// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. О проведении публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов на сайте «Правовой форум Беларуси» [Электронный ресурс] : приказ Нац. центра прав. информ. Респ. Беларусь, 21 марта 2019 г., № 30 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/trebovaniya-k-predostavleniyu-dlya-publichnogo-obsuzhdeniya-proektov-normativnykh-pravovykh-aktov-i/>. – Дата доступа: 23.11.2022.

3. Об утверждении Типового положения об областном (районном) совете по развитию предпринимательства [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 сент. 2019 г., №604 // Сайт Совета Министров Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file47b97e31f50b2a49.PDF>. – Дата доступа: 23.11.2022.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Т.П. Яцко

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Процессы цифровой трансформации общества, государства и экономики оказывают влияние на развитие таможенного регулирования. Цифровизация таможенного регулирования имеет свои этапы, сочетает в себе цифровую повестку ЕАЭС и цифровую трансформацию, происходящую в Республики Беларусь

Ключевые слова: таможенные органы, таможенное регулирование, таможенный кодекс, цифровая повестка, ЕАЭС, цифровая экономика

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION IN THE SPHERE OF CUSTOMS REGULATION

T.P. Yatsko

National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus

The processes of digital transformation of society, the state and the economy have an impact on the development of customs regulation. Digitalization of customs regulation has its own stages, combines the digital agenda of the EAEU and the digital transformation taking place in the Republic of Belarus

Keywords: Customs, customs regulation, customs Code, digital agenda, EAEU, digital economy

В настоящее время уделяется большое внимание вопросам, связанным с цифровой трансформацией общества, государства и экономики. В статье анализируется цифровая трансформация в сфере таможенного регулирования в контексте национального законодательства и права Европейского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Сделан вывод, что цифровизация таможенного регулирования имеет свои этапы, и на данном этапе сочетает в себе национальные и Союзные механизмы. Как основу для перехода к использованию информационных технологий в работе таможенных органов можно обозначить Конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур, принятую в 1973 году, в редакции протокола 1999 года, нормы которой ориентирует государства использовать информационные технологии в таможенном деле.

Возможность использования информационных систем и информационных технологий в таможенном деле была закреплена в Таможенном кодексе Таможенного Союза (далее – ТК ТС), который вступил в силу в Республике Беларусь в июле 2010 года и действовал по декабрь 2017 года. ТК ТС предусматривал использование информационных систем и информационных технологий, в том числе основанных на электронных способах передачи информации при совершении таможенных операций. Для целей обеспечения взаимодействия таможенных органов государств-членов таможенного союза предусматривалось создание интегрированных информационных систем и информационных технологий. В Таможенном кодексе Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь), действовавшем с июля 2007 года по апрель 2014 года, информационные системы и информационные технологии позволяли представлять таможенным органам документы и сведения электронным способом.

В ТК Республики Беларусь, действовавшем с июля 1998 года по июнь 2007 года, норм касающихся информационных системах и информационных технологиях не содержалось. Вместе с тем была определена возможность использовать данные, передаваемые электронным путем. В ТК Республики Беларусь, действовавшем с 1993 года по июль 1998 года, содержалась норма, определяющая создание автоматизированных информационных систем учета и контроля для таможенных целей. Рассмотренные выше нормативные правовые акты, позволяют определить первоначальный этап цифровизации таможенного регулирования, как период развития собственных информационных систем таможенных органов, и перехода к электронным документам, который завершился со вступлением в силу ТК ТС.

Трансформация развития цифровых технологий в сфере таможенного регулирования можно проследить на примере Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республики Беларусь» (далее – Закон № 129-З). Вступление данного закона в силу в 2014 году определило использование информационных систем и информационных технологий таможенными органами для обмена информацией с государственными органами, оказания государственных услуг, участникам внешнеэкономической деятельности в виде предоставления информации в электронном виде.

Вступившие в силу 25 июля текущего года изменения в Закон № 129-З определили, что собой представляют информационные ресурсы таможенных органов. Так, под информационными ресурсами таможенных органов понимается организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах таможенных органов [2, ст.

276]. Необходимость внесения изменений в Закон № 129-3 обусловлена вступившим 1 января 2018 года Таможенным кодексом ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС). Со вступлением в силу ТК ЕАЭС завершился этап формирования электронного декларирования. Таможенные органы приступили к реализации совершения таможенных операций с использованием информационных систем и информационных технологий, осуществлению информационного взаимодействия с заинтересованными лицами. Взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС путем обмена информацией на регулярной основе перешло в электронный формат. В ТК ЕАЭС реализована возможность направления запроса о представлении копий документов и (или) сведений таможенными органами государств-членов ЕАЭС в виде электронного документа.

В ЕАЭС осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии ТК ЕАЭС [3, ст. 32]. И сфера таможенного регулирования выступает одним из направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС в рамках Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12, которым утверждены ее основные направления до 2025 года.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование информационных систем и информационных технологий - это неотъемлемая часть таможенного процесса. На первоначальном этапе информационные системы обеспечивали деятельность таможенных органов и не были ориентированы на информационное взаимодействие с таможенными и иными заинтересованными органами, и лицами. В последующем, это подача в таможенные органы данных и сведений в электронном виде. В настоящее время это возможность совершать таможенные операции в автоматизированном режиме, осуществлять взаимодействие в электронном виде с таможенными органами государств-членов ЕАЭС, государственными органами и иными заинтересованными лицами.

Единое таможенное регулирование в ЕАЭС делает таможенные органы Республики Беларусь неотъемлемой частью цифрового пространства ЕАЭС. Вместе с тем, таможенные органы Республики Беларусь это и неотъемлемая часть цифрового пространства Республики Беларусь. Так, с 2017 года функционирует единая информационная система таможенных органов Республики Беларусь. В настоящее время реализован механизм контроля за перевозкой товаров с использованием инновационных технологий, обеспечивающих дистанционный контроль за перемещением транспортных средств (Постановление Совета Министров Республики Беларусь 25 мая 2020 г. № 311 «О применении навигационных устройств (пломб)»), подачи статистической декларации в виде электронного документа (Постановление ГТК Республики Беларусь от 26 января 2012 г. № 2 «О стати-

стическом декларировании товаров»)), информационного взаимодействия между ГТК и Министерством юстиции Республики Беларусь (Постановление ГТК Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь 22 декабря 2017 г. № 255/26 «Об информационном взаимодействии между Министерством юстиции Республики Беларусь и Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь»). Реализована возможность получения информации, содержащейся в информационных ресурсах таможенных органов, находящихся в ведении таможенных органов (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 мая 2014 г. № 509 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»»)).

Сегодня таможенные органы осуществляют взаимодействие в рамках общегосударственной автоматизированной информационной системы (постановление Председателя ГТК от 14 июня 2022 г. № 53 «О порядке информационного взаимодействия»). Таможенные органы Республики Беларусь входят в единое расчетное информационное пространство Республики Беларусь посредством автоматизированной информационной системы единого расчетного и информационного пространства, осуществляют взаимодействие с государственными органами, государственными организациями с использованием информационной системы «Взаимодействие».

Созданный в 2020 году региональный центр электронного декларирования, в котором совершались таможенные операции с применением технологии удаленного выпуска товаров и автоматического распределения документов, поданных в виде электронного документа, в настоящее время функционирует, как полноценный центр электронного декларирования. Работа данного центра позволяет совершать таможенные операции, связанные с выпуском товаров в любом таможенном органе вне зависимости от места нахождения товара.

Стратегическая цель развития таможенной службы Республики Беларусь – обеспечение безопасности в сфере внешнеэкономической деятельности и содействие внешней торговле. Для достижения указанной цели разработаны и приняты Основные направления развития таможенной службы Республики Беларусь на 2021 - 2025 гг. и на прогнозный период до 2030 г., представляющие собой комплекс разнообразных мер с учетом направлений деятельности таможенных органов Республики Беларусь. [4] В указанный комплекс мер, включены мероприятия, направленные на дальнейшее развитие электронного таможенного декларирования, автоматизации совершения таможенных операций, в том числе при осуществлении выпуска товаров.

С учетом проведенного анализа, представляется возможным выделить следующие этапы цифрового развития таможенных органов: создание и

развития собственных информационных систем таможенных органов Республики Беларусь; электронное декларирование и развитие информационного взаимодействия с государственными органами, заинтересованными лицами; совершение таможенных операций в автоматизированном режиме.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что таможенное регулирование находится в постоянном динамическом развитии по пути цифровизации таможенных процессов и таможенного администрирования. Цифровизация таможенных органов это процесс, сочетающий в себе цифровую трансформацию экономики Республики Беларусь и цифровую повестку ЕАЭС. Вместе с тем, информационные стандарты, применяемые в таможенных органах Республики Беларусь не только должны соответствовать критериям и регламентам, разрабатываемым на уровне органов ЕАЭС, но и национальной политики безопасности.

Библиографический список

1. Таможенный кодекс Таможенного союза [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022
2. О таможенном регулировании в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022
3. Договор о создании Евразийского экономического союза: [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022
4. Информация о деятельности таможенных органов // Официальный сайт ГТК Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2018. Режим доступа: <https://www.gtk.gov.by/tamozhennye-organy/strategiya-razvitiya-tamozhennykh-organov/>. – Дата доступа: 02.10.2022.